

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК
Краснодарского
университета
МВД России

2 0 1 9

№ 2
(44)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Симоненко А.В., доктор юридических наук, профессор, начальник Краснодарского университета МВД России

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Осипенко А.Л., доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Краснодарского университета МВД России по научной работе

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Булгаков О.М., доктор технических наук, профессор, первый заместитель начальника Краснодарского университета МВД России;

Арутюнов А.С., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России

Вишневецкий К.В., доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Генрих Н.В., доктор юридических наук, доцент, Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия;

Данильян А.С., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России

Денисенко В.В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России;

Дзидзоев Р.Х., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет;

Жеребцов А.Н., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Иванцов С.В., доктор юридических наук, профессор, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя;

Игнатов А.Н., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Карнаушенко Л.В., доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России;

Клейберг Ю.А., доктор юридических, педагогических, психологических наук, профессор, Московский государственный областной университет;

Ковтун О.А., кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет;

Курдюк П.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

CHIEF EDITOR

Simonenko A.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Krasnodar University of the Russian MIA

DEPUTY CHIEF EDITOR

Osipenko A.L., Doctor of Law, Professor, Deputy Head on Scientific Work of the Krasnodar University of the Russian MIA

EDITORIAL BOARD:

Bulgakov O.M., Doctor of Technics, Professor, First Deputy Head of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Arutyunov A.S., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Judicial and Forensic Medicine of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Vishnevetsky K.V., Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Genrih N.V., Doctor of Law, Assistant Professor, North-Caucasus branch of the Russian State University of Justice;

Danilyan A.S., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Denisenko V.V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Dzidzoev R.H., Doctor of Law, Professor, the Kuban State University;

Zherebtsov A.N., Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Ivantsov S.V., Doctor of Law, Professor, Kikot Moscow University of the Russian MIA;

Ignatov A.N., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Crimea branch of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Karnaushenko L.V., Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Klayberg Yu.A., Doctor of Law, Pedagogics, Psychology, Professor, the Moscow State Regional University;

Kovtun O.A., Candidate of Law, Associate Professor, the Kuban State University;

Kurdyuk P.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Лебедев С.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой экономической безопасности, аудита и контроллинга Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство);

Литвин Д.В., кандидат педагогических наук, доцент, Академия управления МВД России;

Лозовский Д.Н., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Краснодарского университета МВД России;

Меретуков Г.М., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Мещеряков В.А., доктор юридических наук, профессор, заместитель председателя избирательной комиссии Воронежской области;

Нарыков Н.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор, Санкт-Петербургский университет МВД России;

Ображиев К.В., доктор юридических наук, профессор, Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

Рассказов Л.П., доктор юридических, исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Руденко А.В., доктор юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет;

Самойлов С.Ф., доктор философских наук, профессор, начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России;

Труфанов М.Е., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России;

Шалин В.В., доктор философских наук, профессор, Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина;

Яблонский И.В., кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России.

Lebedev S.Ya., Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Chair of Economic Security Department, Audit and Controlling of Kosygin State University of Russia;

Litvin D.V., Candidate of Pedagogics, Assistant Professor, the Academy of Management of the Russian MIA;

Lozovsky D.N., Doctor of Law, Assistant Professor, Professor of the Chair of Criminal Procedure of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Meretukov G.M., Doctor of Law, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Mesheryakov V.A., Doctor of Law, Professor, Deputy Chairman of the Electoral Commission of the Voronezh region;

Narykov N.V., Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Nizhnik N.S., Doctor of Law, Professor, the Saint Petersburg University of the Russian MIA;

Obrazhiev K.V., Doctor of Law, Professor, the Academy of the Russian Federation Prosecutor General's Office;

Rasskazov L.P., Doctor of Law, History, Professor, Honored Science Worker of the Russian Federation, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Rudenko A.V., Doctor of Law, Assistant Professor, the Kuban State University;

Samoilov S.F., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Truphanov M.E., Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Russian MIA;

Shalin V.V., Doctor of Philosophy, Professor, the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Yablonsky I.V., Candidate of History, Associate Professor, Head of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Russian MIA.

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Квашис В.Е. Исполнение наказания в Японии (сравнительно-правовые аспекты)

Коровин Е.П., Мармута И.Л. К вопросу о моменте окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни

Шульга А.В., Лаптев Д.А. Теоретические аспекты освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные с регистрацией недвижимости и ее кадастровой оценкой

Бондарь А.Г. Виктимологический аспект коррупционных преступлений

Абрамкин А.Д. Общественная опасность как основной фактор криминализации злоупотреблений в сфере государственных закупок

Абылханов М.Г. Проблемы имплементации международных стандартов обеспечения права на свободу слова в российское уголовное законодательство

Алимпиев А.А. Криминологическое значение теоретических положений социальной психологии, затрагивающих механизм функционирования феномена толпы, для повышения эффективности противодействия массовым беспорядкам

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Шараева Я.А., Джелали Т.И. Реализация идеи примирения сторон на стадии исполнения приговора

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Протасов К.В., Арутюнов А.С. Оценка корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству (по материалам ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю)

Поляков Н.В., Гармаев Ю.П. Проблемы выявления и раскрытия легализации преступных доходов, полученных от незаконной банковской деятельности

Мукажанов А.Е. Использование программно-целевого метода в процессе расследования хулиганства, совершенного группой лиц

7 CONGRATULATIONS WITH ANNIVERSARY!

8 CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

8 **Kvashis V.E.** Execution of punishment in Japan (comparative legal aspects)

14 **Korovin E.P., Marmuta I.L.** To the question of the end of the involvement of a minor in the commission of actions that pose a danger to his life

19 **Shulga A.V., Laptev D.A.** Theoretical aspects of release from criminal liability for the crimes connected with registration of the real estate and its cadastral assessment

23 **Bondar A.G.** Victimological aspect of corruption crimes

27 **Abramkin A.D.** Social danger as a major factor in the criminalization of abuses in state procurement

33 **Adylhanov M.G.** On the improvement of criminal law protection freedom of speech in the global space of Internet communication

37 **Alimpiev A.A.** The criminological meaning of theoretical provisions of social psychology concerning the mechanism of the crowd phenomena functioning in order to increase effectiveness of counteraction mass disorder

43 CRIMINAL PROCEDURE

43 **Sharaeva Ya.A., Dzhelaly T.I.** Implementation of the idea of reconciliation of the parties at the stage of execution of the sentence

47 CRIMINALISICS, OPERATIVE- INVESTIGATIVE ACTIVITY

47 **Protasov K.V., Arutyunov A.S.** Assessment of correctness of the mechanism of attribution α -pyrrolidinophenone (α -pvp) to drug (based on data of forensic science center of research Interior Affairs of Russia in Krasnodar region)

52 **Poliakov N.V., Garmaev Yu.P.** Problems of detection and disclosure of legalization of criminal proceeds received from illegal banking activities

56 **Mukazhanov A.E.** Use of the program-target method in the process of investigation of hooliganism committed by a group of persons

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Дмитриев С.Н. О применении риск-ориентированного подхода при организации контроля в сфере обеспечения транспортной безопасности

Пакляченко М.Ю. Анализ осуществления административного контроля за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса и актуальные способы повышения их защиты

Светлова А.П. ИмPLICITНЫЕ нормы исчисления срока задержания в рамках административного производства

Трусов А.И. Административно-правовое регулирование обязательного медицинского страхования в России

Сифириди М.Д. Проблемы применения правил перевозки детей-пассажиров в салонах легковых автотранспортных средств

СУДЕБНАЯ И ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Хайдаров А.А., Диденко Н.С., Юнусов А.А. Ошибки, допускаемые государственными обвинителями в стадии апелляции уголовного производства по уголовным делам

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Карнаушенко Л.В. Государственное принуждение к правомерному поведению: эмпирический анализ

Кич И.С. Понятие юридической техники и ее соотношение со смежными категориями права

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Курдюк П.М., Упоров И.В. Организационно-публичные основы охраны общественного порядка в контексте соотношения полномочий федеральной полиции и муниципальной милиции

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ

Самойлов С.Ф. Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

Шинкевич В.Е. Оценка акме-потенциала обучающихся в условиях организации образовательного процесса на основе компетентностного подхода: на материалах социологического исследования

60 ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

60 **Dmitriev S.N.** About application risk-focused approach at the organization of control in the sphere of ensuring transport safety

64 **Paklyachenko M.Yu.** Reporting the administrative emergency security control of the fuel-power complex facilities implementation and current ways to improve their protection

68 **Svetlova A.P.** Implicit standards for calculating the period of detention in the framework of administrative proceedings

73 **Trusov A.I.** Administrative and legal regulation of compulsory medical insurance in Russia

77 **Sifiridi M.D.** Problems of the application of the transportation rules of children-passengers in the salons of automobile vehicles

81 JUDICIAL AND PROSECUTOR'S OFFICE ACTIVITY

81 **Khaydarov A.A., Didenko N.S., Yunusov A.A.** Mistakes made by public prosecutors to appeal in criminal cases

85 THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

85 **Karnaushenko L.V.** State coercion to lawful behavior: empirical analysis

89 **Kich I.S.** State coercion to lawful behavior: empirical analysis

93 CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

93 **Kurdyuk P.M., Uporov I.V.** Organizational-public basis of protection public order in the context of relation authority of the federal police and the municipal police

99 PHILOSOPHY, SOCIOLOGY, POLITICAL SCIENCE

99 **Samoilov S.F.** Criticism of criminal ideology as a means of prevention organizational crime youth

104 PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

104 **Shinkevich V.E.** Assessment of the acme-potential of students in the context of educational arrangements on the basis of a competency building approach: based on the materials of social studies

Рыкова И.Ю. Проблемы формирования устойчивого антиэкстремистского поведения в период профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел, впервые принимаемых на службу	110	Rykova I.Yu. Problems of formation of sustainable anti-extremist behavior in the period of professional training of police officers for the first time employed
Данькова И.В. Роль социальных и психологических факторов в формировании асоциального поведения несовершеннолетнего в Республике Беларусь	114	Dankova I.V. The role of social and psychological factors in the formation of the asocial behavior of the juvenile in the Republic of Belarus
ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ	118	QUESTIONS OF PHILOLOGY
Нарыкова Н.А., Крюкова И.В. Аналогия как нестандартный способ словообразования в немецком языке	118	Narykova N.A., Krjukova I.V. Analogy as a non-standard way of word-formation in German language
К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ	123	TO CONSIDERATION OF AUTHORS

Поздравляем Петра Михайловича Курдюка с 70-летием!

10 апреля исполнилось 70 лет доктору юридических наук, профессору, действительному члену (академику) Академии педагогических и социальных наук, заслуженному юристу Кубани, заслуженному деятелю науки Кубани, почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации Петру Михайловичу Курдюку.

В 1997 г. П.М. Курдюк успешно защитил кандидатскую диссертацию «Региональное правотворчество: состояние, проблемы, перспективы», в 2001 г. – диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук, посвященную сравнительно-правовому анализу местного самоуправления как правовой формы выражения и реализации институтов гражданского общества в странах Запада.

Научной и педагогической деятельностью Петр Михайлович занимается свыше 25 лет. Сфера его научных интересов – организационно-правовые проблемы развития местного самоуправления, региональное правотворчество, вопросы жилищного законодательства. П.М. Курдюку принадлежит более 100 научных и учебно-методических работ, под его научным руководством подготовлено и успешно защищено 14 кандидатских диссертаций, является членом редакционных коллегий научных журналов «Общество и право» и «Вестник Краснодарского университета МВД России».

Петр Михайлович принимает активное участие в общественной жизни Краснодарского края, занимается вопросами, связанными с защитой прав и свобод человека, правовым просвещением граждан. Много лет он являлся депутатом Законодательного собрания Краснодарского края, возглавлял Комитет по вопросам законности, правопорядка и правовой защиты граждан и был председателем комиссии по правам человека при главе администрации Краснодарского края.

В настоящее время Петр Михайлович заведует кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина.

За достижения в научной, педагогической и общественной деятельности, многолетний плодотворный труд П.М. Курдюк награжден Медалью Петра Великого, Почетной грамотой Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, юбилейной медалью «За доблестный труд», медалью «За трудовую доблесть».

Уважаемый Петр Михайлович, примите искренние поздравления с юбилеем, пожелания доброго здоровья, удачи и благополучия Вам, Вашим родным и близким!

**Редакционная коллегия журнала
«Вестник Краснодарского университета МВД России»**

Квашис Виталий Ефимович

Исполнение наказания в Японии (сравнительно-правовые аспекты)

В статье представлен краткий анализ функционирования пенитенциарной системы Японии. Рассматриваются особенности уголовной политики данного государства и применения к осужденным превентивных принудительных мер наказания. Отмечается, что зарубежный опыт правоприменительной практики является одним из необходимых условий обеспечения дальнейшего совершенствования российской системы противодействия преступности.

Ключевые слова: пенитенциарная система, наказание, осужденный, преступность, тюрьма, уголовная политика.

Execution of punishment in Japan (comparative legal aspects)

The article presents a brief analysis of the functioning of the penitentiary system in Japan. The features of the criminal policy of the state and the application of preventive coercive punishment to convicts are considered. It is noted that foreign experience in law enforcement is one of the necessary conditions for ensuring the further improvement of the Russian system of combating crime.

Key words: penitentiary system, punishment, convict, crime, prison, criminal policy.

Сравнительные исследования зарубежной правоприменительной практики занимают все более заметное место в правовом и криминологическом дискурсе, приносят значительный массив новой и во многом полезной информации. Ее осмысление помогает исследовать возможности и перспективы адаптации зарубежного опыта к отечественным реалиям, повышает привлекательность изучения механизмов реализации наиболее эффективных путей развития уголовной политики в целях дальнейшего совершенствования отечественной системы противодействия преступности, законодательства и правоприменительной практики. В связи с этим растет актуальность и востребованность компаративных исследований, расширяющих пределы отраслевого знания.

В сфере уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права одним из шагов в этом направлении является сравнительное изучение законодательства, практики назначения и исполнения наказания в контексте уголовной и пенитенциарной политики, проводимой в Японии и России – странах, относящихся к одной системе континентального права и имеющих общий тренд в динамике преступности, но разные процессы и тенденции в законодательстве и правоприменительной практике. Исторический путь и самобытность обоих государств отражают многое из того, что при всех различиях является для них общим

и объединяющим. Вместе с тем схожесть социально-правовых проблем перехода от авторитарного государственного регулирования к рыночной экономике и демократии в послевоенной Японии и России, а также определенное влияние западной правовой системы проявляются по-разному, и эти различия весьма существенны. В данном контексте практический и научный интерес представляет анализ японской пенитенциарной системы и основных особенностей ее функционирования.

Говоря об уникальности криминологического феномена в Японии, многие специалисты отмечают, что в системе мер воздействия на преступность здесь «почти идеально удалось совместить их относительную мягкость с высокой эффективностью» [1, с. 272; 2]. И. Бентам заметил, что «...всякое наказание есть само по себе зло... оно должно быть допустимо только в той степени, насколько оно обещает устранить какое-нибудь большее зло» [3, с. 221]. Именно на этом тезисе базируется доминирующая в уголовной политике Японии доктрина приоритетного предупреждения правонарушений и концепция целей наказания в уголовном праве, суть которой заключается не в суровости приговора, а в его неотвратимости. При этом, как и в России, основными целями исполнения наказания являются общая и частная превенция, ресоциализация осужденных и связанном с этим процессом стремление избежать их стигматизации. Данными приоритетны-

ми целями уголовная политика и реализуемая на ее основе пенитенциарная практика Японии отличаются от стратегии предупреждения преступности, например, в Великобритании и США, основу которой составляют переход от реабилитации к социальной защите, все более широкое применение превентивных принудительных мер, селективная изоляция осужденных и, как следствие, феномен массового тюремного заключения [4].

Публикуемая в Японии судебная статистика содержит немаловажную информацию о практике японских судов по применению различных видов наказания. В связи с этим отметим, что с конца 1990 г. удельный вес лишения свободы в общей структуре наказаний постоянно продолжал расти. Если в 1999 г. он составлял всего 6,4%, в 2002 г. – 9,0%, в 2005 г. – 11%, в 2008 г. – 14,0%, то к концу 2017 г. из 320 тысяч осужденных наказание в виде лишения свободы было назначено 17,2%. Доля этой меры в структуре наказаний в Японии сегодня в два раза меньше, чем в России. Из общего числа осужденных к реальному лишению свободы приговорены 38,2%, а 61,8% осужденных предоставлена отсрочка исполнения приговора (по сути, она может быть приравнена к российскому институту условного осуждения). Большинству осужденных (82,8%) было назначено наказание в виде штрафа. Следует отметить, что в течение последних 10 лет в Японии на фоне определенного ужесточения уголовной политики в структуре назначенных наказаний доля штрафов снижается, уступая место более строгим мерам (еще 8–10 лет назад доля штрафов в структуре наказаний составляла 95%). Вместе с тем преобладающий в японской уголовно-политической доктрине курс на рациональное расходование уголовной репрессии находит свое выражение в том спектре судебной практики, где реализуются принципы целесообразности и индивидуализации наказания [5]. Отсюда и относительно мягкие наказания даже за такие наиболее опасные преступления, как убийство и грабеж. В 2016 г., например, из 204 осужденных за убийство каждому третьему (32%) было назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 7 лет, в том числе половине из них – от 3 до 5 лет.

Надо сказать, что в Японии правоприменительная практика в целом и судебная практика в частности основаны на конфуцианских постулатах, исповедующих снисхождение к преступнику (особенно раскаявшемуся). Японская практика назначения наказаний значительно

отличается от соседних азиатских государств большей гуманностью и мягкостью (за что ее иногда называют излишне либеральной), что выражается в ее ориентации на стандарты, приближенные к нижним пределам санкций, даже за наиболее серьезные преступления. Поэтому доля осужденных к лишению свободы и сроки назначенного наказания здесь значительно ниже, чем в других странах.

В то же время режим – порядок и условия отбывания наказания в виде лишения свободы все чаще подвергается резкой критике со стороны международных правозащитных организаций и зарубежных средств массовой информации.

Японская пенитенциарная система находится в ведении Департамента тюрем Министерства юстиции (по аналогии с Бюро тюрем в США), которому подчинены восемь тюремных округов, созданных в наиболее крупных центрах страны. В каждом округе Управление тюрем осуществляет непосредственное руководство тюремными учреждениями, расположенными на подведомственной территории. Всего в стране действуют свыше 70 тюрем (и их филиалов) для взрослых осужденных, 9 – для несовершеннолетних, 114 исправительных учреждений предназначены для содержания подследственных. В каждом округе функционируют свои центры классификации, которые занимаются распределением осужденных по тюрьмам с учетом их возраста, состояния здоровья, характера совершенных преступлений, срока назначенного наказания и рекомендаций, содержащихся в ведомственных актах Департамента тюрем.

Сразу после задержания преступник (точнее, подозреваемый в совершении преступления) направляется в полицейскую тюрьму (кэйсацусё), где условия содержания считаются спартанскими: ему предоставляется место в общей камере, присваивается порядковый номер и оставляется минимум личных вещей. В это время полиция и прокуратура заняты поиском и сбором доказательств. Согласно уголовно-процессуальному законодательству на это отводится 23 дня, но в зависимости от характера преступления и результатов следственных мероприятий фактические сроки содержания подозреваемых в таких тюрьмах зачастую неоднократно продлеваются. Кроме того, встречи подозреваемого с адвокатом и родственниками всячески ограничиваются. После того как дело передается в суд, обвиняемого переводят

в помещение («дом») предварительного заключения (ко:тисё), а после вынесения судом обвинительного приговора осужденный сначала направляется в классификационный центр, а затем непосредственно в тюрьму (кэймусё), где он будет отбывать назначенное наказание.

Уголовное законодательство Японии предусматривает в качестве наказания три вида лишения свободы: с принудительным трудом, без принудительного труда и уголовный арест (для малозначительных преступлений – на срок до 30 дней). Лишение свободы без принудительного труда в последние 20 лет применяется крайне редко; основным видом наказания, а также средством исправления и главной составляющей режима является лишение свободы с принудительным трудом. Организация и условия тюремного труда регулируются общими нормами законодательства о труде, но при этом денежное вознаграждение рассматривается как поощрение и выплачивается осужденному после освобождения. Труд осужденных, помимо всего прочего, частично восполняет и затраты на содержание самих тюрем, поэтому, несмотря на экономические трудности, власти стараются максимально обеспечить тюремные мастерские заказами на ремонт или выпуск соответствующей продукции.

В разные годы численность тюремного населения в стране характеризуется своими «приливами» и «отливами». В середине 1980 гг., например, под стражей содержалось 55 тысяч человек, через пять-шесть лет их число снизилось до 43 тыс., а к концу 90-х гг. XX в. вернулось к прежним показателям. В последующие десять лет в связи с ужесточением в 2003–2004 гг. уголовно-политического курса в сфере противодействия преступности численность осужденных стала постепенно расти (в 2005–2009 гг. она составляла в среднем 77 тыс., в 2010–2013 гг. – 67 тыс.), а в последние несколько лет – около 60–61 тыс. человек [2; 6]. Другой параллельной тенденцией в динамике тюремного населения является все более заметное сокращение числа подсудимых, которая объясняется давней традицией японской судебной практики, когда мера пресечения в виде взятия под стражу применяется по сравнению с другими странами довольно редко (13–14% дел). Так, например, в России, США и Германии она применяется почти в два раза чаще, чем в Японии. Специалисты по тюремной проблематике отмечают, что наполняемость исправительных учреждений подсудимыми в последние годы

составляет в Японии всего 45% лимита, тогда как в России, например, она в 2 раза выше (93%). Такова цена и последствия отечественной судебной практики по избранию меры пресечения для подозреваемых в совершении преступлений.

Приведенное выше среднегодовое число осужденных, содержащихся в тюрьмах, не учитывает 8–10 тысяч человек, находящихся в тюрьмах для подсудимых [2, с. 289]. Что же касается наполняемости тюрем для заключенных, то она составляет около 70% лимита; этот показатель постепенно снижается вследствие большой текучести осужденных, которая, в свою очередь, объясняется значительной долей «краткосрочников». Заметим, что в Японии каждый пятый заключенный, отбывающий наказание в тюрьмах, – это человек старше 60 лет, поэтому страна занимает первое место в мире по числу заключенных-пенсионеров.

Картину текучести тюремного населения дополняют и другие разнонаправленные процессы: последовательное снижение уровня преступности; рост нетерпимости к ней и ригоризма общественного правосознания; определенное ужесточение следственной и судебной практики и частично нейтрализующая его свобода судебной усмотрения, выражающаяся в преимущественной ориентации судей на нижние пределы санкций и выбор более мягких мер наказания. Помимо явных позитивных изменений в динамике и общей структуре преступности (где две трети преступлений составляют кражи), такая ориентация судебной практики во многом связана и с особенностями менталитета и психологии японцев, для которых не столько страшен срок назначенного наказания, сколько факт «потери лица» в связи с обвинением в совершении преступления и признании виновным (поэтому многие осужденные стараются скрывать от родственников и друзей причины своего «отсутствия», а также место и сроки отбывания наказания).

Сравнивая ситуацию в Японии и России, отметим, что в Японии с населением в 127 млн человек численность осужденных в тюрьмах в 10 раз ниже, чем в России; в Японии из 60,5 тысяч заключенных 5 тысяч – женщины. В России, где численность населения на 12,5% выше, а из 602 тысяч осужденных, содержащихся в местах лишения свободы, женщины составляют 47,7 тысяч [7]. В подготовленном для Совета Европы докладе Лозаннского университета указывается, что в 2018 г. в России

на каждые 100 тысяч населения приходится 418 заключенных, что в 4 раза выше, чем в среднем по Европе и в девять раз выше, чем в Японии (47 заключенных). При этом важно отметить, что за последние годы численность заключенных в России снизилась на 32%. В названном докладе также говорится о том, что в среднем в странах Европы на содержание одного заключенного выделяется 66,5 евро в день (в Швеции, например, – 380 евро, в менее развитых и менее богатых Молдавии и Грузии – 9,4 и 11,7 евро соответственно), а в России – всего 2,5 евро. При этом российские тюремные власти располагают самым большим в Европе бюджетом – 3,9 млрд евро [8].

Разумеется, динамика общей численности осужденных к лишению свободы и, соответственно, наполняемость тюрем зависят и от изменений, связанных с отсрочкой исполнения приговора (она предоставляется осужденным к лишению свободы на срок до трех лет), а также практикой условно-досрочного освобождения, которая в последние годы заметно ужесточилась в связи с ростом интенсивности и уровня рецидива среди лиц, ранее отбывавших наказание. Если 15 лет назад условно-досрочное освобождение, как предусмотрено в уголовном законодательстве, применялось к лицам, полностью раскаявшимся в совершенном преступлении по отбытии ими одной трети срока наказания, а к осужденным к пожизненному заключению – по отбытии не менее 10 лет, то в последние годы эти стандарты в практике исправительных учреждений изменились в сторону более длительных сроков фактического отбывания наказания, необходимых для ходатайства об условно-досрочном освобождении. Сегодня большинство осужденных освобождаются из тюрем условно-досрочно по отбытии ими 80% назначенного судом срока наказания. Такие ходатайства начальников учреждений рассматриваются комиссиями реабилитационной защиты (они подчинены Министерству юстиции), а за освободившимися осужденными устанавливается так называемый «защитный надзор» (сегодня в стране действуют более 50 органов такого надзора, где, наряду со штатными сотрудниками, все более активное участие принимают волонтеры).

Возвращаясь к резкой критике режима в японских тюрьмах со стороны международных правозащитных организаций и зарубежных средств массовой информации, отметим два

момента. Во-первых, речь идет об излишнем усилении карательной стороны наказания, которое выражается не столько в физическом, сколько в психологическом и психическом воздействии на осужденных, проявляющимся в серьезных нарушениях прав человека в части всемерных ограничений в общении с внешним миром, а также в строгом запрете общения между осужденными. Во-вторых, эта критика практически не воспринимается ни властями страны, ни тюремными учреждениями, ни населением, ни даже самими осужденными, которые, несмотря на все тяготы тюремной жизни, острее всего переживают «потерю лица» перед близкими и своей общиной.

Подчеркнутый приоритет карательного содержания наказания в процессе отбывания лишения свободы имеет свои исторические и психологические корни. Жегловский принцип «вор должен сидеть в тюрьме» японцы издавна трактуют иначе: «преступник должен не просто сидеть в тюрьме, а сидеть некомфортно» [9, с. 59], максимально некомфортно. Японские официальные лица, ответственные за работу тюрем, называют проводимую здесь политику Iron fist («железный кулак»). Порядок и условия отбывания наказания в японских тюрьмах отличаются крайней жесткостью и жестокостью, превосходящими казарменный режим в армии [10].

Здесь регламентировано все: как ходить, как есть, как спать, как сворачивать матрас, как умываться и т. п. Осужденные существуют в рамках строжайших правил, малейшее нарушение которых влечет немедленное наказание. Например, спать можно только на спине, руки должны находиться поверх одеяла; за осужденными ведется круглосуточное видеонаблюдение, надзиратели строго следят за каждым их движением и даже взглядом. Диапазон дисциплинарных наказаний широкий – от лишения тех или иных «привилегий» (меньше времени для отдыха, сокращение числа получаемых писем, отказ в возможности выбора вида работы, ограниченный доступ к просмотру телепередач и т. п.) до помещения в карцер, где осужденный должен сидеть лицом к стене, поджав под себя затакающие ноги и смотреть прямо перед собой (с точки зрения западного менталитета это пытка, но тюремные власти Японии убеждены, что для осужденных это способ подумать о своем поведении).

В соответствии с установленными правилами рабочий день в тюрьмах составляет не менее 6,5 ч, перерыв на обед – не более

15 мин, по территории разрешено передвигаться только строем, молча и глядя строго в затылок впереди идущего; длительных свиданий с женами не предусмотрено, на разговор с родственниками и адвокатами дается не более 30 мин; число отправляемых писем ограничено (расходы на переписку оплачивает сам осужденный). При этом наиболее тяжелым в психологическом плане является категорический запрет на разговоры с соседями в столовых, на переходах, в мастерских и т. п. Тюремная администрация убеждена, что одиночество и запрет на общение с другими осужденными способствуют тому, чтобы они осмыслили свою прошлую и будущую жизнь. Но, конечно, особенно суровыми являются условия отбывания наказания в тюрьмах для осужденных к смертной казни и пожизненному заключению.

Тюремные власти Японии оправдывают жесткие условия отбывания наказания тем, что, в отличие от тюрем в других странах, в их исправительных учреждениях нет даже попыток совершить преступление, нет насилия, драк, побоев и издевательств ни со стороны персонала, ни среди осужденных. Они убеждены, что такой режим также способствует исправлению осужденных.

Сегодня главная и самая сложная для японских тюрем проблема – это организация медицинской помощи осужденным. Ситуация осложняется тем, что среди заключенных быстро растет и без того высокая доля людей престарелых. Здесь тюремные проблемы смыкаются с более общими проблемами социально-экономического и психологического характера. Для того чтобы избежать жизненных тягот, многие брошенные родственниками пожилые люди намеренно совершают преступления (чаще всего кражу продуктов питания из магазинов) с целью попасть в тюрьму, где они будут обеспечены пищей и кровом. Если в 1976 г., когда страна находилась на вершине экономического подъема, в тюрьмах содержались лишь 2,5% осужденных старше 60 лет, то сегодня их доля превышает 18% [11]. Отбыв срок наказания,

они вновь совершают преступления, стремясь попасть в уже знакомые им условия проживания. Тюрьма становится для них своего рода спасательным кругом, способным уберечь от гибели. По тем же самым мотивам, но главным образом из-за страха остаться в беспомощном состоянии без ухода, престарелыми порой совершаются и более одиозные преступления. Недавно, например, региональный суд г. Коти приговорил 95-летнего Х. Икэ к 4 годам лишения свободы за убийство жены. Из приговора суда и объяснений подсудимого следует, что его 88-летняя супруга должна была лечь в больницу для проведения сложной операции. Опасаясь негативного исхода операции и перспективы остаться без необходимой помощи, подсудимый задушил жену, рассчитывая попасть в тюрьму, где ему не пришлось бы самому ухаживать за собой.

Понятно, что у большинства престарелых осужденных, содержащихся в тюрьмах, есть проблемы со здоровьем, требующие лечения и разнопланового ухода. Как показало недавнее исследование, проведенное по инициативе Министерства юстиции Японии, у каждого третьего из престарелых осужденных обнаружены признаки старческой деменции. Все это значительно увеличивает нагрузку на персонал, связанную с необходимостью ухода за больными стариками, а также на администрацию тюрем в связи с растущими потребностями в совершенствовании тюремной инфраструктуры (для организации питания, передвижения, а главное, лечения этой части контингента). С 2019 г. установлен порядок, при котором вновь поступающие в тюрьмы престарелые осужденные проходят проверку на признаки деменции и в случае их подтверждения таких осужденных сразу помещают под наблюдение врачей, чтобы выявлять и лечить болезнь на ранней стадии. Как видно, речь идет о весьма специфических аспектах исполнения наказания, которые выходят далеко за пределы собственно тюремных проблем.

1. Иншаков С. М. *Зарубежная криминология*. М., 1997

2. Морозов Н.А. *Япония: преступность и уголовная политика / под ред. и вступ. ст. В.Е. Квашица*. СПб., 2016

3. Бентам И. *Введение в основания нравственности и законодательства*. М., 1992.

1. Inshakov S. M. *Foreign Criminology*. Moscow, 1997.

2. Morozov N.A. *Japan: Crime and Criminal Policy / ed. by and entry art. V.E. Kwashis*. St. Petersburg, 2016.

3. Bentham I. *Introduction to the foundations of morality and legislation*. Moscow, 1992.

4. Гуринская А. Л. *Англо-американская модель предупреждения преступности: критический анализ*. СПб., 2018.

5. Квашиш В.Е., Генрих Н.В. *Сравнительный анализ преступности, уголовной политики и правоприменительной практики в России и Японии* // *Общество и право*. 2016. № 2(56).

6. Железняк О.Н. *Японская практика уголовных наказаний* // *Право и политика*. 2001. № 10.

7. URL: <http://www.konnichiwa.club/page/3029/>

8. URL: <http://www.snob.ru/news/174948>

9. Куланов А. *Обратная сторона Японии*. М., 2011.

10. Pons, P. *How Japan Uses Low Crime Rates To Justify Its Cruel Prison System* // *Le Monde*. 2013. March 20.

11. URL: <http://www.nippon.com/ru/features/h00195> (дата обращения: 19.06.2018).

4. Gurinskaya A.L. *The Anglo-American model of crime prevention: critical analysis*. St. Petersburg, 2018.

5. Kvashis V.E., Heinrich N.V. *Comparative analysis of crime, criminal policy and law enforcement practice in Russia and Japan* // *Society and law*. 2016. № 2(56).

6. Zheleznyak O.N. *The Japanese practice of criminal punishment* // *Law and politics*. 2001. № 10.

7. URL: <http://www.konnichiwa.club/page/3029/>

8. URL: <http://www.snob.ru/news/174948>

9. Kulanov A. *The reverse side of Japan*. Moscow, 2011.

10. Pons, P. *How Japan Uses Low Crime Rates To Justify Its Cruel Prison System* // *Le Monde*. 2013. March, 20.

11. URL: <http://www.nippon.com/ru/features/h00195> (date of access: 19.06.2018).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Квашиш Виталий Ефимович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России; e-mail: kvashis@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.E. Kvashis, Doctor of Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chief Researcher of the National Research Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: kvashis@mail.ru

Коровин Евгений Павлович
Мармута Иван Львович

К вопросу о моменте окончания вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни

В статье проводится анализ обобщенной судебной практики и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам установления момента окончания деяний, связанных с вовлечением или склонением других лиц к совершению преступлений или иных противоправных действий.

Ключевые слова: вовлечение, склонение, несовершеннолетний, противоправные действия, опасность для жизни, момент окончания преступления, формальный состав преступления, материальный состав преступления.

To the question of the end of the involvement of a minor in the commission of actions that pose a danger to his life

In article the analysis of the generalized judicial practice and explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation concerning establishment of the moment of the end of the acts connected with involvement or inducement of other persons to commission of crimes or other illegal acts is carried out.

Key words: involvement, inducement, minor, illegal actions, danger to life, the end of the crime, the formal corpus delicti, the material corpus delicti.

Федеральный закон РФ от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ [1] дополнил главу 20 УК РФ нормой, устанавливающей ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, представляющих опасность для его жизни (ст. 151.2 УК РФ).

Анализ содержания рассматриваемой статьи позволяет выделить следующие действия, образующие объективную сторону преступления:

склонение несовершеннолетнего к совершению противоправных действий, опасных для его жизни;

иное вовлечение лиц, не достигших 18-летнего возраста, в совершение преступлений, представляющих опасность для его жизни.

Обязательным условием установления уголовной ответственности по указанной норме является отсутствие в содеянном признаков преступлений, предусмотренных ст. 110.1, 150, 151 УК РФ.

Принятие ст. 151.2 УК РФ представляется верным, поскольку она имеет прежде всего предупредительное значение. Так, в 2015–2017 гг. в социальных сетях так называемые «группы смерти» активно пропагандировали в детской и подростковой среде суицидальное поведение. Однако после всту-

пления изменений в законную силу в России в 2017 г. не было зарегистрировано ни одного, а в 2018 г. – одно преступление, предусмотренное ст. 151.2 УК РФ [2]. Несмотря на положительные моменты, анализ содержания данной нормы позволяет утверждать, что в правоприменительной практике могут возникать вопросы при квалификации рассматриваемого преступления.

Так, например, в уголовно-правовой доктрине проблема признания преступления, связанного с вовлечением в совершение противоправных действий, окончанным является дискуссионной, т. к. в содержании ст. 151.2 УК РФ отсутствует прямое указание на момент его окончания, а правоприменительная практика по рассматриваемой норме пока не наработана. Для разрешения этого вопроса следует прежде всего провести анализ толкования уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за схожие преступления.

Рассматриваемое нами преступление имеет наибольшее количество аналогичных признаков с деяниями, запрещенными ст. 150 и 151 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий). Ответственность за названные преступления установлена в отечественном

законодательстве достаточно давно, вместе с тем в судебной практике момент их окончания понимается не всегда единообразно.

В действующей редакции постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 преступления, предусмотренные ст. 150 и 151 УК РФ, признаются оконченными с момента совершения вовлекаемым несовершеннолетним противоправного деяния, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения антиобщественных действий (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, бродяжничество или попрошайничество) [3, с. 2]. В случаях, когда предусмотренные в указанных нормах последствия не наступили по обстоятельствам, не зависящим от воли виновных, их действия могут быть квалифицированы как покушение в соответствии с ч. 3 ст. 30, ст. 150 УК РФ (либо ст. 151 УК РФ).

Однако необходимо отметить, что ранее Верховный Суд страны (как в советский, так и постсоветский периоды) в своих постановлениях о судебной практике по делам о преступлениях, совершенных лицами, не достигшими 18-летнего возраста, разъяснял, что их следует относить к числу формальных. Высший судебный орган признавал преступления оконченными с момента совершения виновным лицом действий по вовлечению детей в преступную деятельность, независимо от того, повлекли ли они совершение несовершеннолетними задуманного преступления либо антиобщественного действия [4, с. 3; 5, с. 126; 6, с. 469; 7, с. 10].

Некоторые авторы, вероятно, основываясь на системном толковании рассмотренных положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1, полагают, что преступление, предусмотренное ст. 151.2 УК РФ, необходимо считать оконченным с того момента, когда вовлеченный несовершеннолетний уже совершил противоправные действия, представляющие опасность для его жизни. По их мнению, действия, связанные с вовлечением которые не увенчались «успехом» (т. е. виновному не удалось склонить подростка к совершению противоправных действий, представляющих опасность для его жизни), надлежит квалифицировать как покушение (ч. 3 ст. 30, ст. 151.2 УК РФ) [8]. Следовательно, состав такого преступления целесообразно относить к числу материальных. Вместе с тем, характеризуя субъективную сторону рассматриваемого преступления как вину в форме прямого умыс-

ла, специалисты указывают лишь на осознание виновным общественной опасности своих действий, связанных со склонением несовершеннолетнего и желанием этого [8]. Очевидно, что из характеристики вины упускается такой важный признак материального состава, как предвидение возможности наступления общественно опасных последствий.

Схожее с предусмотренным в ст. 151.2 УК РФ деянием преступление нормативно закреплено в п. «а» ч. 3 ст. 230 УК РФ (склонение несовершеннолетнего к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). Пленум Верховного Суда РФ в п. 27 постановления от 15 июня 2006 г. № 14 разъясняет, что для признания указанного преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо (в нашем случае – несовершеннолетний потерпевший) фактически употребило наркотическое средство или психотропное вещество [9, с. 3]. Таким образом, Верховный Суд РФ считает состав преступления, предусмотренного ст. 230 УК РФ, формальным.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1, в котором, помимо прочего, рассматриваются особенности возникновения уголовной ответственности за склонение других лиц к совершению преступлений террористической направленности, вопрос об окончании преступления, предусмотренного ст. 205.1 УК РФ, так же остался без внимания.

Проведенный анализ позволяет констатировать, что единой устойчивой позиции относительно вовлечения других лиц в совершение преступных и иных противоправных или антиобщественных действий не существует, поэтому использование системного подхода к толкованию вряд ли будет способствовать уяснению момента окончания преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ.

Наиболее приемлемой представляется позиция тех авторов, которые считают, что для признания оконченным состава преступления, установленного ст. 151.2 УК РФ, не требуется наступления каких-либо последствий [10, с. 241].

Для определения момента окончания рассматриваемого преступления важное значение имеет содержание объекта. Основным объектом являются общественные отношения, обеспечивающие правильное воспитание несовершеннолетнего, а также его гармоничное нравственное развитие. Дополнительным объектом следует признавать жизнь ребенка,

а факультативным – здоровье несовершеннолетнего или его близких, телесную неприкосновенность, личную свободу, честь и достоинство личности, отношения, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право собственности.

Безусловно, не всякая деятельность взрослого, направленная на склонение несовершеннолетнего к совершению противоправных действий, представляющих опасность для его жизни, может привести к желаемому результату. С нашей точки зрения, ситуации, когда лицо, достигшее совершеннолетнего возраста, по различным причинам не смогло возбудить у потерпевшего желание совершить конкретное противоправное действие, обладают высокой степенью общественной опасности, поскольку угрожают безопасному и гармоничному духовному, а также социальному становлению личности ребенка.

Полагаем, что вред нравственному развитию несовершеннолетнего причиняется в результате негативного воздействия лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста, на его сознание, а не вследствие совершения им противоправных действий, опасных для его жизни.

Согласие несовершеннолетнего на совершение таких действий свидетельствует о том, что он оценивает противоправное поведение как дозволительное, одобряемое некоторой частью общества. Увеличивает общественную опасность тот факт, что противоправные действия ставят под угрозу жизнь несовершеннолетнего.

Представляется, что общественная опасность заключается не только в наличии реальных последствий преступления. Так, некоторые ученые справедливо определяют общественную опасность преступления как разновидность опасности в целом, т. е. угрозу наступления каких-либо неблагоприятных последствий [11, с. 17].

Следовательно, общественную опасность преступления, предусмотренного ст. 151.2 УК РФ, образуют действия взрослого, направленные на негативное воздействие на несовершеннолетнего, а не само противоправное поведение потерпевшего, представляющее опасность для его жизни. Законодатель обоснованно не включил в состав рассматриваемого преступления последствия противоправных действий несовершеннолетнего (травмы, повреждения, смерть потерпевшего). Сравнительный анализ санкций за преступления, предусмотренные ст. 151.2 и 110, 110.1, 110.2, 150, 151 УК РФ, также свидетельствует об этом.

В то же время важное значение для определения момента окончания рассматриваемого преступления имеет уголовно-правовая характеристика квалифицирующих признаков, установленных в п. «в» ч. 2 ст. 151.2 УК РФ. В указанной норме предусмотрена повышенная уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, опасных для его жизни, содержащееся в публичном выступлении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет) и др.

Повышенный уровень общественной опасности указанных квалифицирующих признаков обусловлен рядом факторов:

публичное выступление либо публично демонстрирующееся произведение позволяют виновному привлечь (и тем самым оказать негативное воздействие) значительно большее количество несовершеннолетних, чем при иных вариантах совершения преступления. Публичным следует признавать выступление, которое совершается в общественном месте перед широким кругом лиц. Поскольку в тексте закона использован термин «выступление», логично предположить, что его основной формой будут устные высказывания. Распространение листовок, размещение плакатов, в том числе в общественных местах, не является публичным выступлением. К публичным произведениям относятся различного рода телевизионные, кино- или видеоматериалы;

большинство молодых людей склонны безоговорочно доверять практически любой информации и материалам, публикуемым в средствах массовой информации и тем более размещаемым в глобальной сети Интернет.

Таким образом, любые публичные выступления, направленные на пробуждение у несовершеннолетнего желания совершить противоправные действия, априори являются опасными. Поэтому для их квалификации не должно иметь значение, удалось виновному сформировать у несовершеннолетнего такое намерение или не удалось.

Исходя из вышеизложенного полагаем, что преступление, предусмотренное ст. 151.2 УК РФ, необходимо считать оконченным с момента, когда произошло негативное воздействие на несовершеннолетнего, независимо от того, совершил впоследствии он противоправные действия, представляющие опасность для его жизни, или нет. Следовательно, состав рассматриваемого преступления можно относить к числу формальных.

1. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: федер. закон от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. № 24. Ст. 3489.

2. Сведения ГИАЦ МВД России: Единый отчет о преступности за 2017, 2018 годы (Сводный отчет по России).

3. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февр. 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 4.

4. О судебной практике по делам о вовлечении несовершеннолетних в преступную и иную антиобщественную деятельность: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 12 сент. 1969 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1969. № 5.

5. О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 декабря 1976 г. № 16 // Сб. постановлений пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1997.

6. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 дек. 1990 г. № 5 // Сб. постановлений пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. М., 1997.

7. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февр. 2000 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный). Т. 2: Особенная часть / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.04.2019).

1. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional mechanisms to counteract the activity aimed at encouraging children to suicidal behavior: fed. law d.d. June 7, 2017 № 120-FL // Coll. of the legislation of the Russian Federation. 2017. № 24. Art. 3489.

2. Information from the MIAC of the Ministry of the Interior of Russia: Unified Crime Report for 2017, 2018 (Summary Report for Russia).

3. On the judicial practice of applying legislation regulating the specifics of criminal responsibility and punishment of minors: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RF d.d. Febr. 1, 2011 № 1 (ed. dated Nov. 29, 2016) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2011. № 4.

4. On judicial practice in cases of involving minors in criminal and other antisocial activities: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR d.d. Sept. 12, 1969 № 8 // Bull. of the Supreme Court of the USSR. 1969. № 5.

5. On the practice of the courts applying the law on juvenile crime and involving them in criminal and other anti-social activities: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR d.d. Dec. 3, 1976 № 16 // Coll. of resolutions of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and the RSFSR (Russian Federation) in criminal cases. Moscow, 1997.

6. On judicial practice in cases of juvenile crimes and their involvement in criminal and other anti-social activities: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the RSFSR d.d. Dec. 25, 1990 № 5 // Coll. of resolutions of the Plenums of the Supreme Courts of the USSR and the RSFSR (Russian Federation) criminal cases. Moscow, 1997.

7. On judicial practice in cases of juvenile crimes: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Febr. 14, 2000 № 7 // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2000. № 4.

8. Comment to the Criminal Code of the Russian Federation: in 4 vols. (itemized). Vol. 2: The special part / A.V. Brilliantov, A.V. Galakhov, V.A. Davydov et al; rep. ed. V.M. Lebedev. Moscow, 2017. Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 01.04.2019).

9. On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances: resolution of the Plenum

9. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 8.

10. Уголовное право России. Особенная часть: в 2 т. Т. 1: Преступления против личности. Преступления в сфере экономики: учебник / общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. К.В. Образиев, Н.И. Пикуров. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

11. Марцев А.И. Общие вопросы учения о преступлении. Омск, 2000.

of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. June 15, 2006 № 14 (ed. vated May 16, 2017) // Bull. of the Supreme Court of the Russian Federation. 2006. № 8.

10. Criminal law of Russia. The special part: in 2 vols. Vol. 1: Crimes against the person. Crimes in the economic sphere: textbook / ed. by O.S. Capinus; sci. ed. by K.V. Obrazhiev, N.I. Pikurov. 2nd ed., rev. and augm. Moscow, 2018.

11. Martsev A.I. General issues of the theory of crime. Omsk, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Коровин Евгений Павлович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: evgenii_korovin@mail.ru;

Мармута Иван Львович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: w09marmutail@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

E.P. Korovin, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, e-mail: evgenii_korovin@mail.ru;

I.L. Marmuta, Candidate of Law, Assistant Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Stavropol branch of the Krasnodar University the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: w09marmutail@mail.ru

Теоретические аспекты освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные с регистрацией недвижимости и ее кадастровой оценкой

В статье рассматриваются вопросы освобождения от уголовной ответственности за преступления, связанные с осуществлением регистрации прав на недвижимое имущество, постановкой его на кадастровый учет, ведением Единого государственного реестра недвижимости и кадастровой оценки недвижимого имущества. Авторы приходят к выводу о том, что, наряду с ужесточением мер уголовно-правового характера за данные деяния, необходимо предусмотреть механизм освобождения от уголовной ответственности за содеянное.

Ключевые слова: недвижимое имущество, преступления в сфере регистрации недвижимости, кадастровая оценка, Единый государственный реестр недвижимости, уголовная ответственность, наказание.

Theoretical aspects of release from criminal liability for the crimes connected with registration of the real estate and its cadastral assessment

In article questions of release from criminal liability for the crimes connected with implementation of registration of the rights for real estate, its statement on the cadastral registration, maintaining the Unified state register of the real estate and cadastral assessment of real estate are considered. Authors come to a conclusion that, along with toughening of measures of criminal character for these acts, it is necessary to provide the mechanism of release from criminal liability for deeds.

Key words: real estate, crimes in real estate registration, cadastral valuation, the Unified State Register of Real Estate, criminal liability, punishment.

Применение мер уголовно-правового характера, безусловно, способствует противодействию различным формам криминального поведения.

Однако отечественное законодательство, основанное на принципе неотвратимости наказания, предусматривает также возможность освобождения правонарушителя от уголовной ответственности, например, за преступления, предусмотренные ст. 170 УК РФ «Регистрация незаконных сделок с недвижимостью».

Исследование преступлений, закрепленных в данной статье, и уголовной ответственности за них проводилось многими учеными. Тем не менее положения об освобождении от уголовной ответственности за указанные деяния практически не изучались.

Данный вопрос становится актуальным в связи с вступлением в силу дополнений в главу 11 УК РФ, которые нашли свое отражение в ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба» и ст. 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа».

Отсутствие в ст. 76.1 УК РФ, предусматривающей освобождение от уголовной ответственности при возмещении причиненного ущерба с возможным отчислением определенной суммы в бюджет Российской Федерации, ссылки на ст. 170 УК РФ говорит о том, что в отношении рассматриваемых преступлений освобождение от уголовной ответственности возможно на общих основаниях. Рассмотрим их подробнее.

Санкция ст. 170 УК РФ не содержит наказания в виде лишения свободы, что, согласно ч. 2 ст. 15 УК РФ, позволяет относить соответствующие деяния к категории преступлений небольшой тяжести, за совершение которых правонарушитель освобождается от уголовной ответственности по истечении двух лет с момента их совершения (п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ).

Остальные основания освобождения от уголовной ответственности, установленные другими статьями гл. 11 УК РФ, объединяются между собой двумя элементами:

совершение преступления лицом впервые;
заглаживание причиненного вреда (убытка, ущерба).

Как верно отмечает Л.Ю. Ларина, слово «впервые» в отечественном уголовном законе понимается как совершенное в первый раз, что применительно к указанной категории лиц может подразумеваться как фактическое совершение ими деяния, обладающего признаками преступления, в первый раз. В связи с этим возникают сомнения в возможности отнесения правонарушителя к категории «лица, впервые совершившие преступление», если он уже освобожден от указанного бремени за ранее совершенное противоправное деяние [1].

Согласно п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [2] лицо считается впервые совершившим преступление, если:

не было осуждено за осуществленные им одно или несколько деяний, предусмотренных отечественным уголовным законом;

предыдущий приговор в отношении него не вступил в законную силу на момент нового содеянного;

приговор в отношении него вступил в законную силу, но к моменту совершения нового преступления оно было освобождено от отбывания наказания по обстоятельствам, устраняющим правовые последствия привлечения к уголовной ответственности;

устранена преступность содеянного;

ранее было освобождено от уголовной ответственности.

Исходя из приведенных выше разъяснений Верховного Суда РФ, в том числе касающихся деяний, указанных в ст. 170 УК РФ, следует отметить, что лицо признается впервые совершившим преступление при условии, если в отношении него либо вовсе не применялись конкретные меры государственного воздействия (принуждения), либо они по различным правомерным основаниям и обстоятельствам были аннулированы к моменту привлечения его к уголовной ответственности за рассматриваемые деяния.

Любое преступление сопровождается посягательством на чьи-либо права и законные интересы, в результате чего причиняется определенный вред.

Заглаживание причиненного вреда (возмещение ущерба) подразумевает оказание в ходе предварительного расследования или судебного производства по уголовному делу какой-либо помощи потерпевшему (например, оплата лечения), а также иные меры, направленные на восстановление нарушенных в результате

преступления прав и законных интересов потерпевшего (п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19).

Данное обстоятельство вытекает из гражданско-правовых положений о возмещении убытков.

Полагаем, что причиненный содеянным вред будет включать в себя имущественные расходы (реальный ущерб и упущенная выгода), а также ущемление неимущественных благ (в частности, ухудшение деловой репутации), которые, в свою очередь, будут подлежать возмещению правонарушителем.

Сочетание приведенных выше факторов с добровольной явкой с повинной, активным содействием в раскрытии и расследовании преступления и утратой правонарушителем общественной опасности образует деятельное раскаяние, на основании которого возможно освобождение от уголовной ответственности согласно ст. 75 УК РФ.

Безусловно, заявление лица о содеянном, сделанное в ходе его задержания по подозрению в совершении преступления, не может признаваться явкой с повинной (абз. 2 п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания») (далее – постановление Пленума ВС РФ № 58) [3].

В такой ситуации речь может идти о признании правонарушителем своей вины, в отдельных случаях подлежащем учету как активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, которое, в свою очередь, следует рассматривать как предоставление органам дознания или следствия сведений, имеющих важное значение для раскрытия и расследования преступления (например, идентификация участников преступления, информация, подтверждающая их участие, и др.) (п. 30 постановления ВС РФ № 58).

Следует отметить, что неперенным условием для учета указанного обстоятельства в качестве активного содействия раскрытию и расследованию преступлений является добровольное совершение таких действий, а не под давлением имеющихся улик, а также то, что подозреваемый (обвиняемый) представляет органам следствия ранее им неизвестную информацию.

Также институт деятельного раскаяния включает в себя фактор утраты правонарушителем своей общественной опасности [4].

Такое устойчивое словосочетание, как «общественная опасность», законодателем преимущественно применяется в отношении преступления или деяния, но не лица.

Однако, как верно утверждает У.М. Аббасов, «общественно опасным является каждое лицо, совершившее преступление, но степень общественной опасности преступников может быть различной. О степени общественной опасности лица свидетельствует, конечно, совершенное им преступление» [5].

Отсутствие в уголовном законодательстве РФ определения общественной опасности лица не следует рассматривать в качестве пробела в праве. Полагаем, что в данном случае прослеживается предельная политическая корректность, основанная на принципе гуманизма (ст. 7 УК РФ), на уважении чести и достоинства личности. Общественная опасность лица с уголовно-правовой точки зрения является оценочной правовой категорией.

Применительно к деяниям, предусмотренным ст. 170 УК РФ, признание лица утратившим свою общественную опасность зависит от следующих факторов: осуществления правонарушителем явки с повинной, оказания им активного способствования расследованию и раскрытию преступления, возмещения причиненного преступлением вреда. В то же время данные обстоятельства не являются достаточными для разрешения вопроса об утрате лицом своей общественной опасности. В таком случае учету подлежат иные сведения о личности правонарушителя, в число которых могут входить данные о его семейном и имущественном положении, состоянии здоровья, поведении в быту, наличии на иждивении несовершеннолетних детей, иных нетрудоспособных лиц (супруги, родителей, других близких родственников) и т. д. (п. 1 постановления Пленума ВС РФ № 58).

При сочетании таких факторов, как наличие лица, впервые совершившего преступление, возмещение (заглаживание) вреда и примирение сторон, правонарушитель может быть освобожден от уголовной ответственности согласно ст. 76 УК РФ.

Положение об уплате судебного штрафа (до момента принятия судебного решения в ходе уголовного процесса), введенное Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ [6], устанавливает освобождение от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным ст. 76.2 УК РФ.

Закрепленные в ст. 76.1 УК РФ положения об освобождении от уголовной ответственности не включают в себя такие элементы, как добровольная явка с повинной, активное способствование раскрытию и расследованию преступлений, утрата правонарушителем своей общественной опасности, примирение с потер-

певшей стороной, тем самым смягчая наказание правонарушителя, впервые совершившего преступление, который в полной мере возместил вред, причиненный потерпевшей стороне, а также произвел соответствующие кратные перечисления в бюджет Российской Федерации.

Данные положения распространяются на ряд преступлений, объединенных между собой родовым объектом, выраженным правоотношениями в сфере экономики (раздел 8 УК РФ). При этом, как указывалось выше, они не распространяются на экономические преступления, предусмотренные ст. 170 УК РФ.

Приведенный механизм освобождения от уголовной ответственности представляется вполне рациональным, поскольку наказания за преступления, перечисленные в ст. 76.1 УК РФ, носят характер имущественного ущемления для потерпевшей стороны, которое можно возместить. Однако это, в свою очередь, лишает правонарушителя необходимости проявления деятельного раскаяния, в отличие от преступлений, влекущих за собой необратимые (по части восстановления или возмещения) последствия, например, убийство (ст. 105 УК РФ (утрата жизни), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ (не в полной мере обратимое ухудшение здоровья) и др.).

Неоднократность совершения преступлений, указанных в ст. 76.1 УК РФ, влечет значительные имущественные ущемления для правонарушителя, что может являться своеобразной гарантией того, что подобное противоправное поведение не будет повторяться.

За деяния, перечисленные в ст. 170 УК РФ, предусмотрено не только возмещение ущерба потерпевшей стороне (в частности, правообладателю регистрируемой или учитываемой недвижимости), но и соответствующее перечисление в бюджет Российской Федерации. К примеру, занижение кадастровой стоимости недвижимости влечет за собой ошибочное занижение расчета налогообложения на указанное имущество, что отражается на обороте государственных активов, закрепленных в бюджетной системе России.

На наш взгляд, основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ст. 75, 76, 76.2, 78 УК РФ, применительно к деяниям, закрепленным в ст. 170 УК РФ, создают немалые сложности, связанные с полным возмещением и реализацией имущественных прав и законных интересов потерпевшей стороне, как и бюджетной системе РФ.

Учитывая, что деяния, предусмотренные ст. 170 УК РФ, относятся к категории престу-

плений небольшой тяжести, возмещение правонарушителем причиненного вреда потерпевшей стороне в полном объеме и перечисление соответствующей суммы в бюджетную систему РФ являются формой позитивного посткриминального поведения.

1. Ларина Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление // *Юридическая наука*. 2014. Вып. 1.

2. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума ВС РФ от 22 дек. 2015 г. № 58. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.01.2019).

3. Шульга А.В. Присвоение или растрата в условиях становления рыночных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.

4. Аббасов У.М. Об общественной опасности личности преступника // *Юридический журнал*. 2009. Вып. 4.

5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 25.01.2019).

В связи с этим полагаем целесообразным сделать в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ ссылку на ст. 170 УК РФ, распространив тем самым соответствующий механизм освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере регистрации недвижимости и ее кадастровой оценки.

1. Larina L.Yu. A concept of the person who for the first time committed a crime // *Jurisprudence*. 2014. Iss. 1.

2. About practice of appointment of criminal penalty as courts of the Russian Federation: resolution of the Plenum of Russian Armed Forces d.d. Dec. 22, 2015 № 58. URL: <http://www.consultant.ru/>(date of access: 25.01.2019).

3. Shulga A.V. Assignment or waste in the conditions of formation of the market relations: diss. ... Candidate of Law. Krasnodar, 2000.

4. Abbasov U.M. About public danger of the identity of the criminal // *Legal magazine*. 2009. Iss. 4.

5. About introduction of amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation concerning improvement of the bases and an order of release from criminal liability: fed. law d.d. July 3, 2016 № 323-FL. URL: <http://www.consultant.ru/> (date of access: 25.01.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шульга Андрей Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: cshulga@rambler.ru;

Лаптев Дмитрий Алексеевич, преподаватель кафедры уголовного права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: laptev.90@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.V. Shulga, Candidate of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: cshulga@rambler.ru;

D.A. Laptev, Lecturer of the Chair of Criminal Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: laptev.90@mail.ru

Виктимологический аспект коррупционных преступлений

В статье представлены результаты эмпирического исследования, которое отражает актуальные проблемы и направления в работе над виктимологическими гипотезами современной коррупционной агрессии. Автор анализирует основные детерминанты коррупционной агрессии.

Ключевые слова: коррупция, жертва коррупционной агрессии, виктимология, должностные лица.

Victimological aspect of corruption crimes

Results of an empirical research which reflects current problems and the directions in work on victimological hypotheses of modern corruption aggression are presented in article. The author analyzes and investigated the main determinants of corruption aggression.

Key words: corruption, anti-corruption, world history, historical aspect, socio-economic life of society, bribes, abuse of power, police officers.

И зучая вопросы противодействия коррупции с целью выработки действенных механизмов противодействия ей, следует помнить о том, что нивелирование важности виктимологического аспекта преступлений с окрасом «коррупция» нарушает целостность, объективность и значимость проблем, связанных с детальным анализом коррупционных проявлений.

Актуальность и востребованность проведенного нами исследования обусловлены сформировавшимися в современном обществе деструктивными социально-экономическими последствиями влияния коррупции на широкий спектр общественных отношений.

Несмотря на то что такое явление, как коррупция, известно давно, виктимология коррупции – весьма молодое направление виктимологии, в рамках которого прежде всего исследуется личность жертвы, пострадавшей от коррупционных проявлений. Основной целью виктимологии коррупции является выработка актуальных методов и приемов, способствующих предупреждению и выявлению коррупционной преступности в целом, а также своевременное оказание правовой помощи лицам, которые пострадали или могут пострадать от противоправной деятельности коррупционных элементов.

Рассматривая личность жертвы коррупционных проявлений, прежде всего следует проанализировать понятие «виктимологический механизм коррупции». На наш взгляд, верным является мнение К.В. Вишневецкого, который считает, что «виктимологический механизм коррупции выглядит следующим образом: это

поощрение гражданами и представителями юридических лиц использования уполномоченными лицами своего служебного статуса и должностных полномочий для незаконного получения материальных благ и преимуществ» [1]. Исследователь подчеркивает, что «при совершении коррупционного преступления можно говорить о так называемой двусторонней сделке, во время которой «покупатель» получает возможность использовать государственную структуру в своих целях, а чиновник «продает» свои служебные полномочия, услуги гражданам или представителям частного бизнеса» [2].

И.М. Гарипов приходит к выводу, что «жертвой криминального коррупционного поведения может признаваться широкий круг субъектов (физических и юридических лиц), которым в результате совершенного коррупционного преступления непосредственно или опосредованно причиняется физический, материальный (имущественный) или моральный вред либо подрывается их деловая (профессиональная) и / или политическая репутация» [3].

Однако следует отметить, что вышеуказанная криминологическая дефиниция И.М. Гарипова не является ошибочной, но и не может претендовать на свою исключительность и бесспорность. Так, по нашему мнению, круг лиц, приведенный в определении, следует расширить, добавив такой вид субъектов, как «должностные лица».

Служащие различных организаций и учреждений являются субъектами, обладающими организационно-распорядительными и государственно-властными полномочиями. Как правило, именно на должностных лиц

возлагается ответственность за коррупционные преступления. При этом следует учитывать тот факт, что вышеуказанная виктимологическая категория лиц является наиболее скрытной (латентной) категорией жертв коррупционной агрессии. Возможно, отношение должностных лиц различных организаций и учреждений к коррупционным преступлениям косвенно может быть подтверждено существованием понятия «конфликт интересов», определение которого содержится в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»: «под конфликтом интересов ...понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий)» [4].

Вышеприведенная гипотеза имеет право на существование хотя бы потому, что детерминанты, возбуждающие коррупционную агрессию, – это распорядительные, организационные и (или) государственно-властные функции, которые являются орудием коррупционера и вызывают большой интерес у отдельных представителей коррупционной преступности.

С целью изучения проблематики виктимологического аспекта коррупционных преступлений и получения актуальных эмпирических данных в феврале 2019 г. нами был проведен опрос (анкетирование), включающий следующие вопросы:

отношение жертв коррупционной агрессии к определенным категориям субъектов гражданских правоотношений;

причины, заставляющие жертв коррупционной агрессии не обращаться в уполномоченные органы за правовой защитой;

возраст жертв коррупционной агрессии;

известное количество жертв коррупционной агрессии;

количество лиц, обратившихся в уполномоченные органы для защиты своих прав, являющихся жертвами коррупционной агрессии.

Анкетирование проводилось в г. Нальчике (Кабардино-Балкарская Республика). В опросе приняли участие различные субъекты гражданских правоотношений, в том числе иностранные граждане, должностные лица различных государственных органов. Общее количество анкетированных составило 40 человек, из кото-

рых 79% – лица мужского пола. Средний возраст опрошиваемых – 37 лет.

По результатам исследования были получены следующие данные:

1. На вопрос об отношении жертв к определенной категории субъектов гражданских правоотношений 45% респондентов ответили, что виктимологической категорией коррупционных преступлений являются должностные лица государственных органов, вовлеченные в коррупционные связи.

2. 35% опрошенных указали, что лица в возрасте 23–30 лет наиболее сильно подвержены коррупционной агрессии; 22% опрошенных посчитали, что возрастная категория не имеет существенного значения для виктимизации субъекта; мнения остальных опрошенных разделились между возрастными категориями 16–22 года, 30–50 и 50–60 лет.

3. На вопрос о количестве известных респондентам жертв коррупционных преступлений 32% анкетированных ответили, что им неизвестны лица, пострадавшие или подвергающиеся коррупционной агрессии, 28% респондентов сообщили, что знают 5–10 человек.

4. В качестве причины отказа жертв коррупционных преступлений обращаться в правоохранительные или иные уполномоченные на противодействие коррупции органы за защитой своих прав и интересов 55% респондентов указали наличие круговой поруки чиновников; 25% опрошенных считают, что это может быть обусловлено страхом усугубления негативной ситуации, связанной с коррупционной агрессией; 20% анкетированных указали риск потери прибыли в случае отказа от навязанного коррупционного сотрудничества.

5. На вопрос о том, известны ли им случаи обращения лиц, пострадавших от коррупционной агрессии, за помощью в правоохранительные или иные уполномоченные органы, 84% опрошенных ответили, что знакомые им жертвы коррупционных преступлений никуда не обращались.

Анализ данных обстоятельств позволяет говорить о высоком уровне латентности коррупционных преступлений.

Результаты данного опроса могут служить основой для проведения исследования виктимологических особенностей поведения жертв коррупционной агрессии, которое может быть полезно для понимания и изучения коррупционной преступности и обеспечения противодействия ее проявлениям.

Таким образом, исходя из полученных сведений можно сделать вывод о том, что долж-

ностные лица, исполняющие свои служебные полномочия в органах государственной власти, являются как виктимологической категорией коррупционной агрессии, так и одним из субъективных элементов коррупционной преступности.

Рассмотрев возрастные категории граждан, подверженных коррупционной агрессии, следует отметить, что лица в возрасте от 23 до 30 лет, по мнению анкетированных, наиболее часто сталкиваются с коррупционными проявлениями. Данное обстоятельство можно объяснить тем, что именно в этом возрасте граждане Российской Федерации могут полно и обстоятельно реализовать свои права и обязанности, т. к. в эту возрастную группу входят субъекты, являющиеся дипломированными специалистами в определенной сфере общественных отношений и имеющие работу. Полагаем, что именно в 23–30 лет граждане чаще всего вступают в брак, берут ипотеку, получают различные социальные выплаты, активно пользуются институтом специальных прав (управление транспортным средством, занятие предпринимательской деятельностью и др.). Следовательно, многие виктимные элементы коррупционных преступлений сталкиваются с коррупционной агрессией в связи с наличием у них широкого спектра прав и обязанностей (например, оформление разрешительной документации на реализацию права покупки, хранения и ношения гражданского огнестрельного оружия, реализация права распоряжаться материнским капиталом).

Проанализировав вышеизложенные эмпирические данные, приходим к выводу о необходимости применения следующих антикоррупционных мер и инициатив государственно-властного и общественного характера:

1. Проведение активной государственной политики, направленной на борьбу с коррупционной преступностью, формирование у всех субъектов гражданских правоотношений нетерпимости к любым проявлениям коррупции.

2. Проработка возможности поощрения граждан (в т.ч. иностранных, лиц без гражданства), должностных лиц, сообщивших в компетентные органы подтвержденную информацию о фактах коррупции, имеющую оперативный и следственный интерес.

3. Введение уголовной ответственности за сокрытие фактов коррупционной деятельности отдельных лиц либо за утаивание информации об активно действующих лицах или группах коррупционной преступности.

4. Освобождение от уголовной ответственности лица – члена коррупционной группы, если оно активно содействовало обличению деятельности преступной группы (исключительно в случаях, когда лицо не причинило материальный ущерб жертвам коррупционной агрессии такой группы).

5. Обнародование положительных результатов деятельности правоохранительных органов, направленной на борьбу с коррупцией.

6. Признание результатов борьбы правоохранительных органов с коррупцией (по отдельным материалам проверок, уголовным делам) положительными исключительно в случае полного возмещения материального ущерба субъектам, пострадавшим от коррупционной агрессии.

7. Систематическое проведение профильными подразделениями правоохранительных органов открытых мероприятий (встреч, собраний) с гражданами, должностными лицами и общественными объединениями, посвященных итогам борьбы с коррупционной преступностью за отчетный период (по аналогии с участковыми уполномоченными полиции).

8. Разработка законодательной основы по обязательному включению и активному участию с правом голоса представителей правоохранительных органов в профильных комитетах, совещаниях, заседаниях комиссий государственных и муниципальных органов по различным вопросам общественной жизни как гаранта законности принимаемых ими решений.

9. Внедрение в учебно-подготовительный и образовательный процессы образовательных организаций междисциплинарных занятий по противодействию коррупции и основам антикоррупционного поведения.

Трудно не согласиться с мнением таких ученых, как С.Э. Мерзляков, М.Е. Волочкова, С.Н. Рожнов, которые полагают, что «противодействие коррупции должно производиться посредством проведения активной антикоррупционной политики как самостоятельной функции государства» [5].

В целях научного обоснования вышеуказанного мнения целесообразно обратиться к п.п. «а» п. 3 Указа Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы», согласно которому руководителям высших исполнительных органов государственной власти надлежит обеспечить ежегодное проведение социологических исследований в целях оценки уровня коррупции субъектов Российской Федерации [5].

Указанный перечень предлагаемых мер и рекомендаций не является исчерпывающим и

предназначен для более глубокого анализа и осмысления проблематики в области виктимологии коррупционных преступлений.

В завершение следует отметить, что изучение виктимологического аспекта коррупцион-

ных преступлений является одной из важнейших задач, нацеленных на качественное исполнение мероприятий по противодействию коррупции правоохранительными органами и выработку антикоррупционной политики государства в целом.

1. Вишневецкий К.В. Виктимологический механизм коррупции // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14.

2. Гарипов И.М. Жертва криминального коррупционного поведения как виктимологическая категория // Виктимология. 2016. № 3(9).

3. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ (ред. от 30.10.2018). URL: <http://consultant.ru>

4. Мерзляков С.Э., Волочкова М.Е., Рожнов С.Н. Коррупционная преступность в России и основные направления правовой борьбы с ней // Вестн. экономической безопасности. 2016. № 1.

5. О национальном плане противодействия коррупции на 2018—2020 годы: указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378. URL: <https://consultant.ru>

1. Vishnevetsky K.V. Victimological mechanism of corruption // Theory and practice of social development. 2014. № 14.

2. Garipov I.M. Victim of criminal corruption behavior as a victimological category // Victimology. 2016. № 3(9).

3. On Combating Corruption: fed. law d.d. Dec. 25, 2008 № 273-FL (as amended on Oct. 30, 2018). URL: <http://consultant.ru>

4. Merzlyakov S.E., Volochkova M.E., Rozhnov S.N. Corruption crime in Russia and the main directions of legal struggle against it // Bull. of economic security. 2016. № 1.

5. On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020: decree of the President of the Russian Federation d.d. June 29, 2017 № 378. URL: <https://consultant.ru>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарь Антон Геннадьевич, преподаватель кафедры организации правоохранительной деятельности Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиал), адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583563.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.G. Bondar, Lecturer of the Chair of Law Enforcement Organization of the North Caucasus Institute for Advanced Studies (branch), Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583563.

Общественная опасность как основной фактор криминализации злоупотреблений в сфере государственных закупок

В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы криминализации злоупотреблений в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд. Анализируются статистические данные о правонарушениях, совершенных в сфере государственных закупок. Особое внимание уделяется такому фактору, как общественная опасность. Формулируется вывод о том, что злоупотребления в сфере закупок обладают высокой общественной опасностью.

Ключевые слова: закупки для государственных и муниципальных нужд, преступления экономической направленности, преступления коррупционной направленности, общественная опасность.

Social danger as a major factor in the criminalization of abuses in state procurement

The article discusses the criminalization of abuses in the sphere of procurement for state and municipal needs. Statistical data on offenses in state procurement are analyzed. Attention is paid to the factor of social danger. It is concluded that abuses in state procurement are high social danger.

Key words: procurement for state and municipal needs, economic crimes, corruption crimes, social danger.

Решение государственных задач требует траты значительных бюджетных средств на различные сферы жизнедеятельности общества. Так, в 2018 г. расходы Российской Федерации составили 16 529,2 млрд руб. В указанную сумму включаются расходы на такие социально значимые государственные программы, как «Развитие здравоохранения» – 311,1 млрд руб., «Развитие образования» – 502,3 млрд руб., «Социальная поддержка граждан» – 1327,8 млрд руб., «Экономическое развитие и инновационная экономика» – 96,1 млрд руб., «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» – 670,6 млрд руб., «Космическая деятельность Российской Федерации на 2013–2020 годы» – 181,7 млрд руб. [1].

Данные статистики подтверждают, что большая часть средств, выделяемых на реализацию государственных программ, осваивается с помощью системы государственных закупок. В связи с этим государство уделяет особое внимание системе закупок для государственных и муниципальных нужд. Так, в целях комплексного совершенствования сферы госзакупок был принят Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ [2], утвердивший создание федеральной контрактной системы в сфере закупок. Данный нормативный правовой акт отменил ранее действовавший Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ [3].

Анализ законодательства, регламентирующего деятельность, связанную с контрактной системой закупок, свидетельствует о том, что данная деятельность далека от совершенства. Принятые законодательные акты только заложили основу современной системы закупок для государственных и муниципальных нужд. Требования, предъявляемые нормативными правовыми актами к государственному контракту, сложны и многообразны. В связи с этим система закупок подвержена коррупционным проявлениям, которые наносят значительный ущерб интересам общества, подрывают авторитет России на мировой арене.

В 2017 г. аудиторы выявили 2178 нарушений при проведении торгов на общую сумму 104,6 млрд руб. В 2016 г. было зарегистрировано 823 нарушения на общую сумму 48,8 млрд руб. Увеличение числа нарушений обусловлено двумя факторами: повышением прозрачности закупочных процедур и появлением сформированной методики их выявления. Нарушения законодательства происходят на любых стадиях проведения закупок, однако наиболее часто встречаются следующие:

нарушения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок на этапе планирования (несоблюдение требований закона о своевременном размещении информации, связанной с закупочной де-

тельностью в сети Интернет; внесение в закупочную документацию незаконных требований, направленных на ограничение конкуренции; внесение в документацию о проведении закупки изменений, относящихся к предмету закупки, условиям которых может соответствовать только один исполнитель (поставщик), заранее уведомленный; установление настолько сжатых сроков поставки товаров, выполнения работ, оказания услуг, при которых добросовестное исполнение контрактных обязательств невозможно (в таких случаях чаще всего работы выполнены еще до начала процедуры закупок);

нарушения, совершаемые при определении поставщика (допуск к участию в закупочной деятельности фирм-однодневок, в случае победы отказывающихся от контракта в пользу организации, с которой был сговор; необоснованное отклонение заявок добросовестных поставщиков);

нарушения порядка приемки закупленных товаров и услуг, связанные с несоблюдением требований государственного контракта (формирование комиссий, в состав которых входят лица, представляющие интересы поставщика либо не обладающие специальными знаниями в данной сфере; незаконные изменения сторонами существенных условий контракта, например, увеличение сроков выполнения работ, оказания услуг, поставки товаров, безосновательное увеличение цены закупок товаров, работ, услуг, оплата товаров, работ, услуг, которые не были выполнены (поставлены) либо выполнены в неполном объеме; оказание услуг ненадлежащего качества, в том числе представляющих опасность жизни и здоровью граждан);

нарушения, связанные с непривлечением поставщиков к ответственности за несоблюдение условий договора и изменением контракта (например, Министерство промышленности и торговли Российской Федерации по 15 заключенным контрактам не взыскало с недобросовестных поставщиков штраф в размере 143,6 млн руб. [4]).

В Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 гг. Президент Российской Федерации В.В. Путин обозначил в качестве одной из основных задач совершенствование мер по противодействию коррупции в сфере государственных закупок [5].

Научное сообщество неоднократно обращало внимание на коррумпированность сектора закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Примером служит множество публикаций и монографических исследова-

ований известных ученых: Е.Г. Андреевой, А.Я. Асниса, Б.В. Волженкина, А.В. Бриллиантова, А.В. Галахова, Л.Д. Гаухмана, Ю.И. Ляпунова, С.Д. Макарова, А.В. Наумова, А.И. Парога и др.

Коррупция представляет собой общественно опасное явление, которое, по мнению В.Н. Найдено, возникает вследствие отрицательных тенденций, присущих социальной, культурной, общественной, экономической и политической жизни не только России, но и других государств [6].

В российском законодательстве проблемы криминализации рассматриваемого деяния находят отражение в Уголовном кодексе РФ, который посредством уголовно-правовых запретов защищает интересы заказчиков (государственных и муниципальных организаций) и подрядчиков (исполнителей контрактов), однако многие из них остаются вне поля уголовно-правового регулирования. Большинство преступлений, которые совершаются в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд, характеризуется высокой латентностью. В связи с этим вопросы криминализации злоупотреблений, совершаемых в сфере закупок для обеспечения государственных или муниципальных нужд, вызывают в настоящее время повышенный интерес.

При этом важно отметить, что коррупционные проявления угрожают национальной безопасности государства. Данная ситуация усугубляется тем, что коррупционные преступления в сфере государственных закупок тесно связаны с другими видами уголовно наказуемых деяний (например, злоупотреблением должностными полномочиями, нецелевым расходованием бюджетных средств, дачей взятки и др.).

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» предусматривает различные виды ответственности за нарушение нормативных правовых актов о контрактной системе в сфере закупок. Лица, виновные в несоблюдении требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок, несут ответственность (дисциплинарную, гражданско-правовую, административную и уголовную). Следует согласиться с Е.В. Тищенко, который утверждает, что указанный закон не устанавливает вид ответственности за конкретные правонарушения [7].

Должностные лица, представляющие интересы государственного заказчика, несут персональную ответственность за нарушения, допущенные при закупках, в соответствии с административным и уголовным законодательством Российской Федерации, однако указанные действия совершаются не только указанной категорией лиц. Правонарушения допускают работники контрактной службы, контрактные управляющие, члены комиссии по осуществлению закупок, лица, которые обеспечивают приемку поставленных товаров, работ и услуг, либо иные лица, представляющие интересы государственного или муниципального заказчика в сфере закупок.

До 2018 г. указанная категория лиц несла только дисциплинарную или административную ответственность, предусмотренную ст. 7.29–7.29.3, 7.30, 7.31, 7.31.1 КоАП РФ.

С 23 апреля 2018 г. вступили в силу изменения, внесенные в УК РФ Федеральным законом № 99-ФЗ, а именно была введена новая ст. 200.4 «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». В соответствии с данной статьей субъектами рассматриваемого преступления являются «работники контрактной службы, контрактные управляющие, члены комиссии по осуществлению закупок, лица, осуществляющие приемку поставленных товаров, выполненных работ или оказанных услуг, либо иные уполномоченные лица, представляющие интересы заказчика в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд, которые не являются должностными лицами или лицами, выполняющими управленческие функции в коммерческой или иной организации, если это деяние совершено из корыстной или иной личной заинтересованности и причинило крупный ущерб» [8].

Проанализировав сферу закупок, можно сделать вывод о том, что для формирования целостной картины, отражающей состояние исследуемых общественных отношений, необходимо рассматривать их во взаимосвязи с более сложной и разнообразной финансовой системой, учитывать уголовно-правовую политику государства в данной сфере, определять социальные интересы, которые подпадают под действие нормы об ответственности за злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд. Повышенный интерес следует уделять вопросу о целесообразности

существования данной правовой нормы, а также криминализации рассматриваемого деяния. Соответственно, необходимо определить, не вступает ли она в противоречие с иными уголовно-правовыми нормами.

Криминализация любого общественно опасного деяния должна иметь четкое и верное обоснование, состоящее из совокупности исторических, социально-экономических и правовых факторов. В противном случае уголовно-правовая норма не сможет правильно применяться, а значит, и лица, которые посягают на охраняемые законом общественные отношения, будут оставаться безнаказанными. В связи с этим установление социально-правовой обусловленности криминализации злоупотреблений в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд в современных политических, экономических и социальных условиях имеет не только теоретическое, но и практическое значение.

По мнению А.В. Грачева, увеличение экономических и коррупционных преступлений влечет следующие отрицательные последствия для общества:

- развитие теневой экономики, что, в свою очередь, ведет к уменьшению поступающих в бюджет налогов, а следовательно, снижает способность государства выполнять взятые на себя обязательства;

- несоблюдение принципа свободной конкуренции вследствие развития сети коррупционных схем;

- снижение эффективности использования бюджетных средств, осваиваемых с помощью системы государственных закупок;

- необоснованное повышение цен в социально значимых областях за счет коррупционных проявлений в сфере государственных закупок;

- увеличение экономического расслоения общества;

- рост недовольства среди населения, снижение уровня его доверия к органам государственной и муниципальной власти, представителям правоохранительных структур;

- усиление влияния организованной преступности на различные социально значимые сферы, оказываемого посредством слияния с аппаратом чиновников, а также государственными служащими различного уровня и коммерческими организациями [9].

В случае активизации преступной деятельности, увеличения числа нарушений в экономи-

ческой сфере, а именно в области закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд, и отсутствия эффективного законодательного механизма, сдерживающего распространение криминальных процессов, возможно формирование легального криминального общества и государства в целом [10, с. 82].

Одним из основных критериев криминализации деяния является наличие общественной опасности, выражающейся в причинении вреда или ущерба общественным отношениям.

Законодатель в отечественном уголовном праве часто обращается к такому понятию, как «общественная опасность», которое, однако, не получило точного определения в рамках уголовного закона. В уголовно-правовой доктрине имеется множество научных работ, напрямую или косвенно касающихся рассматриваемой проблемы, но необходимо констатировать, что общепринятой точки зрения в настоящее время не выработано.

Н.Ф. Кузнецова придерживается позиции, в соответствии с которой суть общественной опасности деяния заключается в том, что оно «причиняет вред или создает угрозу причинения определенного вреда общественным отношениям» [11, с. 60].

По мнению И.А. Рарога, под общественной опасностью необходимо понимать «возможность причинять значительный вред общественным отношениям, которые находятся под охраной уголовного закона» [12, с. 15].

Общественная опасность, как считает Ю.И. Ляпунов, – это «определенное объективное антисоциальное состояние преступления, обусловленное всей совокупностью его отрицательных свойств и признаков и заключающее в себе реальную возможность причинение вреда (ущерба) социалистическим общественным отношениям, поставленным под охрану закона» [13, с. 39]. Данное определение при условии исключения из него понятия «социалистический», на наш взгляд, является наиболее верным.

Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, безусловно, являются общественно опасным деянием, которому присущи следующие негативные признаки:

корыстная или иная личная заинтересованность в совершении злоупотреблений в сфере государственных закупок;

широко распространенная взаимосвязь злоупотребления в сфере закупок с другими пре-

ступлениями (злоупотребление должностными полномочиями, взяточничество, подкуп, различные виды хищений);

причинение крупного и особо крупного ущерба государственно важным интересам;

совершение злоупотреблений широким кругом лиц, не являющихся должностными лицами (работниками контрактной службы, контрактным управляющим, членом комиссии по осуществлению закупок, лицом, ответственным за приемку поставленного товара, выполненных работ или оказанных услуг, либо иным уполномоченным лицом, представляющим интересы заказчика).

Перечисленные признаки злоупотреблений в сфере закупок в первую очередь определяют характер и степень общественной опасности исследуемого преступного деяния.

Высокий уровень общественной опасности злоупотреблений в сфере закупок подтверждается тем, что обязательным признаком анализируемых деяний является корыстная или иная личная заинтересованность. Виновное лицо, совершая преступление, предусмотренное ст. 200.4 УК РФ, преследует цель личного обогащения, удовлетворения собственных интересов во вред государственным.

Данные, представленные ГУЭБиПК МВД России, свидетельствуют о том, что в большинстве случаев, вне зависимости от субъектов, используются многоуровневые схемы, разработанные коррумпированными чиновниками, позволяющие переводить в теневой сектор существенную часть бюджетных средств, выделяемых на закупки для государственных и муниципальных нужд [14]. Информацию ГУЭБиПК МВД России подтверждает Генеральный прокурор РФ, который обращает внимание на то, что организованная преступность не только не скрывает свою противоправную деятельность, но и, напротив, блокирует реакцию органов государственной власти посредством коррумпированных чиновников различного уровня [15].

Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 200.4 УК РФ, усиливается, когда в данное преступное деяние вовлекается широкий круг лиц, т. к. субъектом преступления выступают лица, осуществляющие деятельность в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, представляющие интересы заказчика, но не являющиеся должностными (перечень данных лиц окончательно не установлен).

Проанализировав злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, следует констатировать, что рассматриваемые противоправные деяния являются общественно опасными. Законодатель верно и своевременно признал злоупотребления в сфере закупок преступными, т. к. анализируемые

правоотношения причиняют непоправимый ущерб общественным интересам, охраняемым уголовным законом. Общественная опасность как основной фактор криминализации злоупотреблений в сфере закупок нуждается в дальнейшем комплексном научном изучении, что позволит наиболее верно квалифицировать рассматриваемое преступление.

1. О федеральном бюджете на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: федер. закон от 5 дек. 2017 г. № 362-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 10.11.2018).

2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 01.03.2019).

3. О размещении заказов на поставки товаров, оказание услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 22.02.2019).

4. Счетная палата: нарушения на госзакупках увеличились вдвое. URL: <https://pravo.ru/news> (дата обращения: 09.11.2018).

5. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы: указ Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 07.02.2019).

6. Найдено В.Н. Правовые средства противодействия коррупции как фактору, способствующему распространению этнонационального экстремизма в РФ // Журнал российского права. 2009. № 6(150).

7. Тищенко Е.В. Уголовная ответственность за преступления в сфере государственных и муниципальных закупок: сравнительно-правовой анализ // Юрид. вестн. Самар. ун-та. 2016. Т. 2. № 4.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.11.2018).

9. Грачев А.А. Цикличность криминализации социально-экономической сферы общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. № 36.

1. On the federal budget for 2018 and for the planning period of 2019 and 2020: fed. law d.d. Dec. 5, 2017 № 362-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 10.11.2018).

2. On the contract system in the field of procurement of goods, works, services for state and municipal needs: fed. law d.d. April 5, 2013 № 44-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 01.03.2019).

3. On the placement of orders for the supply of goods, the provision of services for state and municipal needs: fed. law d.d. July 21, 2005 № 94-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 22.02.2019).

4. Accounting Chamber: violations on public procurement have doubled. URL: <https://pravo.ru/news> (date of access: 09.11.2018).

5. On the National Anti-Corruption Plan for 2018–2020: decree of the President of the Russian Federation d.d. June 29, 2018 № 378. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 07.02.2019).

6. Naidenko V.N. Legal means of countering corruption as a factor contributing to the spread of ethno-national extremism in the Russian Federation // Journal of the Russian Law. 2009. № 6(150).

7. Tishchenko E.V. Criminal liability for crimes in the field of state and municipal procurement: comparative legal analysis // Law bull. of the Samara University. 2016. Vol. 2. № 4.

8. The Criminal Code of the Russian Federation: fed. law. d.d. June 13, 1996 № 63-FL. Access from the legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 13.11.2018).

9. Grachev A.A. Cyclical criminalization of the socio-economic sphere of society // Izvestia Herzen university journal of humanities and science. 2007. № 36.

10. Babaev M.M. The social consequences of crime. Moscow, 2007.

10. Бабаев М.М. Социальные последствия преступности. М., 2007.

11. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1989.

12. Уголовное право. Части Общая и Особенная: курс лекций / Г.А. Есаков, А.И. Рарог, А.И. Чучаев, В.П. Степалин и др.; под ред. А.И. Рарога. М., 2005.

13. Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права: учеб. пособие. М., 1989.

14. Экономическая безопасность: новые угрозы и контрмеры (интервью с начальником ГУЭБиПК МВД России генерал-майором полиции Д. Мироновым). URL: <http://ormvd.ru/pubs/101/economic-security-newthreats-and-countermeasures/> (дата обращения: 06.03.2019).

15. Организованную преступность прикрывают коррумпированные чиновники (интервью с Генеральным прокурором Российской Федерации Ю. Чайкой). URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news57543/> (дата обращения: 28.02.2019).

11. Kuznetsova N.F. Crime and criminality. Moscow, 1989.

12. Criminal law. Parts General and Special: a course of lectures / G.A. Esakov, A.I. Rarog, A.I. Chuchaev, V.P. Stepalin; ed. by A.I. Rarog. Moscow, 2005.

13. Lyapunov Yu.I. Public danger acts as a universal category of Soviet criminal law: studies. allowance. Moscow, 1989.

14. Economic security: new threats and countermeasures (interview with the Chief of the GUEBiPK of the Ministry of the Interior of Russia, Police Major-General D. Mironov). URL: <http://ormvd.ru/pubs/101/economic-security-newthreats-and-countermeasures/> (date of access: 06.03.2019).

15. Organized crime covers up corrupt officials (interview with the Prosecutor General of the Russian Federation Y. Chaika). URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news57543/> (date of access: 28.02.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Абрамкин Алексей Дмитриевич, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: aleksei_94@list.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.D. Abramkin, Adjunct of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: aleksei_94@list.ru

Проблемы имплементации международных стандартов обеспечения права на свободу слова в российское уголовное законодательство

В статье рассматриваются некоторые проблемы имплементации норм международного права в области охраны права на свободу слова в отечественное уголовное законодательство. На основании обобщения и анализа имеющихся точек зрения в науке уголовного права автором формулируются рекомендации по совершенствованию Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовный закон, нормы международного права, право на свободу слова.

Implementation problems international standards of ensuring the right to freedom of speech in Russian criminal law

In article some problems of implementation of rules of international law in the field of protection of the right to freedom of speech in the domestic criminal legislation are considered. On the basis of generalization and the analysis of the available points of view in science of criminal law by the author formulates recommendations about improvement of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: criminal law, international law, freedom of speech.

Свобода слова получила многократное правовое закрепление в качестве естественного и неоспоримого права в наиболее значимых (осевых) международных документах, составляющих так называемый международный стандарт в области защиты прав и свобод человека. Так, право на свободу слова закреплено в ст. 19 Всеобщей декларации прав человека (1948 г.). В соответствии с указанной статьей каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их любыми средствами. Положения Декларации, по существу, предопределили саму концепцию современной модели защиты и ограничения свободы слова. Последующие документы, содержащие положения международного права, фактически лишь развивали и детализировали его.

Правовые гарантии свободы слова получили отражение в ряде международных актов регионального характера. В статье 10 Конвенции Совета Европы о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) объявляется, что каждый имеет право на свободное выражение своего мнения без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

В статье 11 Конвенции Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека (1995 г.) закрепляется, что

каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения. Оно включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи любым законным способом без какого-либо вмешательства со стороны государства и независимо от государственных границ.

Обозначению объема и содержания гарантированного права на свободу слова, определению его границ и оснований для ограничения со стороны государства в значительной степени способствует интерпретационная практика Комитета ООН по правам человека (далее – Комитет). В § 21 Замечания общего порядка № 34 Комитет указал, что субъект публичной политической власти может устанавливать ограничения права на свободу слова лишь в целях обеспечения других правоохраняемых интересов и в таких формах, которые не ставят под угрозу данный принцип.

В соответствии с положениями Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) решения Европейского суда по правам человека являются единственным официальным толкованием текста Конвенции и имеют равную с ней юридическую силу. Как справедливо пишет по данному поводу А.Г. Кибальник, «признание обязательной силы за прецедентами Европейского суда по правам человека явилось

своеобразной революцией для государств-участников и серьезно повлияло на понимание источниковой базы международного уголовного права» [1, с. 43].

В решениях Европейского суда по правам человека отражается его весьма принципиальная позиция относительно ответственности за отрицание исторических фактов, в частности холокоста. Например, по делам «Gerd Honsik v. Austria» (1995 г.), «Marais v. France» (1996 г.), «Garaudy v. France» (2003 г.) суд последовательно высказывал мнение о том, что отрицание геноцида в газовых камерах в концентрационных лагерях, опровержение холокоста являются одной из самых серьезных форм расовой клеветы на евреев и разжигания ненависти к ним.

Обращаясь к международно-правовым основам ограничений свободы слова, следует остановиться на предписаниях, направленных на противодействие терроризму. Как известно, Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (2005 г.) к преступлениям относит распространение или иное представление какого-либо обращения к общественности в целях побуждения к совершению террористического акта (ст. 5).

Таким образом, система международных документов, в той или иной мере регламентирующих реализацию права на свободу слова, чрезвычайно разнообразна и эклектична. Полагаем, что на основании вышеизложенного можно выделить следующие ее основные элементы: 1) универсальные международные документы, составляющие стандарт в области свободы слова; 2) региональные международные документы, дублирующие и отчасти развивающие положения международного стандарта; 3) вспомогательные международные документы, интерпретирующие положения международного стандарта; 4) рекомендательные международные документы в области соблюдения и ограничения свободы слова; 5) международные документы, содержащие нормы, устанавливающие ответственность за отдельные преступления, связанные со злоупотреблением права на свободу слова.

При этом следует констатировать, что в международных договорных нормах все еще отсутствуют четкие рекомендации по установлению ответственности за конкретные посягательства на свободу слова. Следовательно, определение модели правовой (в том числе уголовно-правовой) охраны свободы

выражения мнений и информации во многом остается прерогативой национального законодателя. В соответствии с международным стандартом государство может вмешиваться в реализацию права на свободу слова лишь исключительно при соблюдении следующих общих требований: 1) ограничение должно быть напрямую предусмотрено законом, при этом норму необходимо сформулировать таким образом, чтобы, с одной стороны, предоставить любому человеку возможность определить, на какие формы выражения его мнения установлены соответствующие ограничения, а с другой – исключить чрезмерные дискреционные полномочия субъектов правоприменения; 2) ограничение должно преследовать общественно полезные цели в виде защиты прав и репутации других лиц, охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения; 3) ограничение должно быть объективно необходимым в демократическом обществе, т. е. служить гармоничному развитию личности, социума и государства.

Согласно п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» «международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом» [2]. Таким образом, международные нормы, устанавливающие уголовную ответственность, требуют своей имплементации в УК РФ [3, с. 28–29].

С учетом изложенного выше отдельного рассмотрения требует порядок реализации международных стандартов обеспечения права на свободу слова в положениях отечественного уголовного законодательства об ответственности за следующие деяния: дискриминацию в зависимости от убеждений человека и воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 136, 144 УК РФ); распространение оскорбительных, диффамационных сведений (ст. 128.1, 137, 297, 298.1, 319, 336 УК РФ); получение и распространение сведений ограниченного доступа (ст. 155, 183,

275, 276, 283, 283.1 УК РФ); оправдание и распространение идей экстремизма, терроризма и сепаратизма (ст. 205.2, 280, 280.1, 282 УК РФ); реабилитацию нацизма и отрицание отдельных исторических фактов (ст. 354.1 УК РФ). Доктринальная экспертиза российского уголовного законодательства на предмет его соответствия международным стандартам приводит к следующим выводам:

1. Современное уголовное законодательство России не в полной мере удовлетворяет основополагающему требованию международного стандарта в области свободы слова, касающегося обязанности государств всемерно и эффективно охранять свободу выражения мнения и информации от возможных нарушений и неправомерного посягательства. Отечественный уголовный закон не содержит общего запрета на воспрепятствование реализации гражданином конституционного права на свободу слова. Понятно, что такая деятельность, в зависимости от конкретных обстоятельств, может быть квалифицирована по ст. 119, 126, 127, 136, 272, 285, 286 УК РФ и др. Вместе с тем применение указанных норм объективно не будет отражать направленности посягательства именно на причинение вреда общественным отношениям, связанным с обеспечением права на свободу слова, гарантированного общепринятыми нормами международного права и Конституцией РФ. В отдельных случаях, например, при угрозе уничтожения или повреждения имущества с целью принуждения к распространению или отказу от распространения гражданином той или иной информации, отечественное уголовное законодательство оказывается малоэффективным.

Общая норма об ответственности за дискриминационные действия, предусмотренная ст. 136 УК РФ, объективно не способна восполнить имеющийся пробел. Она не распространяет свое действие на лиц, которые не обладают специальными признаками должностного лица, однако могут осуществлять противоправное вмешательство в реализацию гражданином права на свободу выражения мнения. Кроме того, нельзя не отметить и незначительный предупредительный эффект уголовно-правовой охраны свободы слова в рамках общей нормы об ответственности за дискриминацию.

2. Согласно последним рекомендациям международных документов в области защиты свободы слова в условиях современного стремительно «виртуализующегося» общества

переосмысления требует уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 144 УК РФ. Как справедливо отмечает С.А. Куликова, «блогеры, владельцы новостных агрегаторов, аудиовизуальных сервисов выполняют важную общественную функцию по производству и распространению массовой социально значимой информации, обеспечивают формирование и развитие общественного диалога по наиболее актуальной тематике, и потому их деятельность должна получить определенные законом формы государственно-правовой защиты» [4, с. 33]. Уголовно-правовая норма об ответственности за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144 УК РФ) не распространяется на случаи оказания соответствующего давления на таких лиц, которые сегодня активно участвуют в формировании общественного мнения, как и официальные СМИ. В связи с этим полагаем, что диспозицию указанной нормы следует скорректировать путем включения в число потерпевших блогера, владельца новостного агрегатора и аудиовизуального сервиса по распространению информации.

3. Возможность несоразмерного ограничения права на свободу слова человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, на наш взгляд, предусмотрена в современных редакциях ч. 1 ст. 148 УК РФ, закрепляющей ответственность за оскорбление чувств верующих, а также ст. 354.1 УК РФ об ответственности за реабилитацию нацизма. Используемые в тексте отечественного уголовного закона конструкции не обладают достаточной формальной определенностью, чтобы утверждать наличие надежных гарантий от расширительного их толкования и, следовательно, произвольного применения.

4. Следует признать дискуссионными и не в полной мере соответствующими ст. 5 Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма положения ст. 205.2 УК РФ в той части, в которой она устанавливает ответственность за публичное оправдание идеологии терроризма. З.А. Шибзухов подчеркивает, что «...понятие “идеология терроризма” не обладает той степенью определенности, которая необходима для уголовного закона... террористическими являются не сами идеи и взгляды, которыми руководствуются террористы, а способы их практической реализации...» [5, с. 10]. Понимая остроту и сложность затронутого вопроса, его специфическую морально-этическую сторону, следует дополнительно пояснить, что

с идеологией терроризма необходимо бороться всеми доступными методами – просветительскими, воспитательными и информационно-техническими.

5. Необходимо указать на сужение рамок уголовной ответственности за совершение геноцида в отечественном законодательстве

(ст. 357 УК РФ). Полагаем, что данная норма должна быть приведена в соответствие с Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948 г.), которая в качестве преступления называет прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида (ст. 3).

1. Кибальник А.Г. Современное международное уголовное право. М., 2010.

2. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 окт. 2003 г. № 5. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Куликова С.А. Перспективы совершенствования правового регулирования деятельности СМИ и других источников массовой информации // Информационное право. 2017. № 3.

4. Ображиев К.В. Применение судами несамоисполнимых международных договоров // Российское правосудие. 2008. № 6.

5. Шибзухов З.А. Уголовная ответственность за публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

1. Kibalnik A.G. Modern international criminal law. Moscow, 2010.

2. About application by courts of law of universally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d.Oct. 10, 2003. № 5. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. Kulikova S.A. Prospects for improving the legal regulation of the media and other sources of mass information // Information law. 2017. № 3.

4. Obrazhiev K.V. Application by the courts of non-self-enforceable international treaties // Russian justice. 2008. № 6.

5. Shibzukhov Z.A. Criminal liability for public calls for terrorist activities or public justification of terrorism: diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2012.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Адылханов Малик Гиябиевич, аспирант кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кубанского государственного университета; e-mail: decanat-jt@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.G. Adylhanov, Postgraduate of the Chair of Criminal Law and Criminology of the Kuban State University; e-mail: decanat-jt@mail.ru

Криминологическое значение теоретических положений социальной психологии, затрагивающих механизм функционирования феномена толпы, для повышения эффективности противодействия массовым беспорядкам

В статье проводится анализ фундаментальных исследований в области массовой психологии и феноменологии толпы, обосновывается их криминологическое значение для прогнозирования массовых беспорядков, аргументируется целесообразность их применения в практике предупреждения деструктивного поведения толпы.

Ключевые слова: эффективность, противодействие, массовые беспорядки, криминологическое значение, теоретические положения, социальная психология, феномен, толпа.

The criminological meaning of theoretical provisions of social psychology concerning the mechanism of the crowd phenomena functioning in order to increase effectiveness of counteraction mass disorder

The article analyzes fundamental research in the field of mass psychology and crowd phenomenology, justifies criminological significance for predicting mass disorders, and argues the expediency of their use in the practice of preventing the crowd's destructive behavior.

Key words: efficiency, counteracting, mass disorder, criminological meaning, theoretical provisions, social psychology, phenomenon, crowd.

Протестные события в странах Европы, революционные перевороты, произошедшие в начале XX столетия, и воспроизводимые по их сценарию «цветные революции» XXI в. стали возможными вследствие упущений при проведении внутренней политики отдельных государств, высшее руководство которых игнорировало закономерности онтогенеза феномена толпы и массовой психологии.

К особенностям психологии протестующих толп можно отнести чуткость к сторонним внушениям, неспособность увидеть противоречие между провозглашаемыми целями и деструктивным поведением активно действующего ядра толпы, повлекшим трагические последствия.

В связи с этим можно сказать, что протест, независимо от изначально декларируемых целей, в большинстве случаев способствует эскалации массовых беспорядков.

Рассмотрев причины и условия их совершения сквозь призму исторических фактов и технологии реализации революционного

бунта, обнаруживаем парадоксальное повторение ошибок прошлого в таких развитых европейских странах, как Франция, Германия и Англия.

Так, в частности, Франция, испытавшая на себе тяжелые последствия революционного террора в конце XVIII в. и позиционирующая себя в качестве эталона свободного выражения протеста, в 60-е гг. XX столетия столкнулась с беспорядками, совершаемыми студенческой молодежью, бунтами мигрантов из ее бывших колоний и их потомков, сегодня представляющих собой портрет среднестатистического француза, неустанно борющегося за расширение своих прав и свобод.

Немецкий г. Хемниц, ставший ареной печально известных столкновений, продемонстрировал утопичность политики мультикультурализма и интеграции в общественный «организм» Германии чуждых ей религиозных и национальных элементов [1].

Предваряя рассмотрение вопроса о значимости изучения поведения людей в толпе для повышения эффективности противодействия

массовым беспорядкам, считаем необходимым обратиться к изысканиям классиков социальной психологии, исследовавших феномен толпы.

Одним из самых известных представителей социальной психологии является французский психолог и социолог Г. Лебон.

В целом мы разделяем взгляды ученого, изложенные в его труде «Психология народов и масс», и признаем, что большинство его тезисов и суждений о механизме функционирования толпы являются верными, в частности, положение о ее внушаемости и податливости к применяемым вожаками (толпы) такими способами воздействия на нее, как утверждение, повторение и «заражение» [2, с. 245].

Однако, на наш взгляд, ошибочным является утверждение автора об однородности толпы: «...каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каковы бы ни были их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющей их чувствовать, думать действовать совершенно иначе, чем думал бы, действовал и чувствовал каждый из них в отдельности» [2, с. 162].

Данное высказывание противоречит как классификациям феномена толпы, сформировавшимся в социологической и социально-психологической отраслях знаний, так и его собственной типологии. Так, Г. Лебон разделяет толпы на «разнородные» – анонимные (уличные) и неанонимные (парламентские собрания) и «однородные», включающие секты (религиозные, политические), касты (военные, духовенство), классы (крестьянство, буржуазия) [2, с. 273].

Показательно, что при классификации видов толпы социальные психологи, принадлежащие к различным направлениям изучения данного феномена, придерживаются близких подходов.

Например, представитель американской социальной психологии Г. Блумер предлагает следующую классификацию: «случайная» толпа (собравшаяся в магазине или на рынке, наблюдающая за каким-то происшествием), «обусловленная» (собравшаяся для просмотра спортивного матча), «агрессивная» (революционная толпа, линчующий сброд) и «экспрессивная» (религиозная толпа) [3, с. 541–542].

Введенное Г. Блумером понятие «круговая реакция», характеризующее коллективное поведение толпы, пересекается и отчасти совпадает с понятием «заражение» Г. Лебона.

Круговая реакция, по мнению Г. Блумера, состоит во взаимной передаче чувств и эмоций между индивидуумами, находящимися в толпе [3, с. 530]. При этом интенсивность и протяженность возбуждения зависят от уровня социального беспокойства, переходящего в стадию «социальной инфекции» [3, с. 533–537].

Психолог и социолог Г. Тард выделяет такое свойство преступной толпы, как эмоциональная заразительность. В поиске общих черт, характеризующих психологическое состояние толпы, ученый приходит к выводу о том, что «...ненависть в отношении заразительности вообще берет перевес над любовью, злословие – над похвалой... и отрицательные убеждения – над положительными» [4, с. 405].

При рассмотрении указанных выше тезисов сквозь призму подходов к классификации видов толпы и механизмов ее формирования не может не настораживать наличие ресурсных возможностей по созданию целевой аудитории потенциальными организаторами массовых беспорядков, для которых современные информационные технологии являются средством достижения поставленных целей.

Развитие научно-технического прогресса привело к появлению новой модифицированной разновидности толпы – «сетевой», которую можно организовать посредством интернет-ресурсов на основе общих интересов и тем самым спровоцировать уличные столкновения. В данном случае организаторы протестных движений и «цветных революций» могут выступить манипуляторами и архитекторами, преобразующими один вид толпы в другой, т. е. катализировать трансформацию экспрессивной массы в агрессивную общность.

Рассматривая целесообразность использования теоретических положений классических трудов по социальной психологии для определения причин массовых беспорядков и способов противодействия им, большой интерес представляют волевой и интеллектуальный аспекты в действиях лиц, составляющих толпу.

В связи с этим предлагаем рассмотреть освещаемый вопрос с позиции критического осмысления психологии масс Г. Лебона.

Главной чертой, характеризующей индивида в толпе, является исчезновение его собственной воли, приводящее к совершению им неосознаваемых действий: «...в изолированном положении он может был бы культурным человеком; в толпе это варвар, т. е. существо инстинктивное... человек в толпе чрезвычайно легко подчиняется словам и представлениям, не оказавшим бы на него в изолированном положении никакого влияния, и совершает поступки, явно противоречащие и его интересам, и его привычкам» [2, с. 167].

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в интеллектуальном отношении изолированный индивид стоит намного ступеней выше того массового образования, частью которого он является.

Г. Тард, в свою очередь, также утверждает априорность «...умственного и нравственного упадка индивидов в толпе», признавая, что в толпе у человека чувства преобладают над разумом [4, с. 407].

В контексте поиска причин совершения массовых беспорядков необходимо ответить на вопросы о том, насколько реальный или потенциальный участник деструктивной толпы доволен собственной жизнью, какие формы поведения он выбирает для того, чтобы реализовать свои цели.

Можно предположить, что участниками деструктивной толпы движет чувство неудовлетворенности жизненными обстоятельствами, что объясняет их агрессивное поведение.

Известный российский психотерапевт А.В. Курпатов, рассматривая мотивы поведения человека, приходит к справедливому, на наш взгляд, заключению: позиция глубокой (ущербной) неудовлетворенности является главным признаком психологической дезадаптации. В развитие данной мысли автор подчеркивает, что процесс адаптации индивида происходит только путем выбора, совершенствования и закрепления нормированного стереотипа поведения, соответствующего реальным условиям его существования [5, с. 21].

Проанализировав приведенные суждения, видится логичным и верным то, что адаптация и совершенствование индивида происходят успешно только при полном и безоговорочном принятии условий существования, а соответственно, наличии допустимого набора средств его преобразования.

Данный подход говорит об эволюционном развитии личности и общества в целом, отвергая деструктивный потенциал революционного метода как средства совершенствования общественного устройства.

Представляется, что успех революционных движений в начале XX в., произошедших практически одновременно и приведших к падению монархических режимов в России, Германии и Австро-Венгрии, был обусловлен грамотной консолидацией деструктивных элементов общества, так и не сумевших адаптироваться к новым социально-экономическим условиям жизни.

Возможно, абсурдной в связи с этим является логика протеста и массовых волнений накануне октября 1917 г., т. к. в тот период Российская империя активно развивалась, а показатели 1913 г. долгое время выступали ориентиром для экономики СССР.

При этом отсутствие массовых волнений и бунтов (за редким исключением) после Гражданской войны, в непростой период становления советской государственности, сопровождавшийся коллективизацией и голодомором, на первый взгляд, объяснить сложно.

Обращаясь к зарубежному опыту, находим такое же противоречие в логике эскалации массовых беспорядков и успеха государственных переворотов в Ливии и Украине, совершенных на фоне материального благополучия этих стран, и отсутствии подобных попыток в условиях финансового и производственного упадка.

Все указанные формы составляют поведенческий репертуар лиц, склонных к дезадаптивным, агрессивным и деструктивным действиям, которых значительно меньше, чем правопослушных граждан, но именно они являются активными участниками масштабных массовых столкновений.

Организаторы переворотов и революционных движений умело используют психологические особенности потенциальных участников деструктивной толпы.

Данный вывод сформулирован вследствие осмысления труда итальянского социолога С.И. Сигеле, положения которого, по нашему мнению, следует учитывать должностным лицам правоохранительных органов при разработке мер по противодействию деструктивным элементам общества.

Так, С.И. Сигеле относительно деструктивного потенциала преступных толп говорит: «В

праве ли мы сказать, что народ, состоящий из честных крестьян и рабочих, может обратиться сразу в чудовище испорченности... нельзя ли с большей уверенностью утверждать, что к тому примешиваются, развращая его, все те индивиды... которые при каждом возмущении и мятеже выходят из кабаков и других подозрительных мест, где они обыкновенно скрываются, подобно тому, как от возмущения воды в пруде показывается на поверхности его вся, находящаяся на его дне, грязь» [6, с. 61].

Представляется, что революционные волнения – это тот момент, когда лица истерического и эпатажного типа могут реализовать свою индивидуальность именно в тех асоциальных формах, которые свойственны их психическому складу личности.

Люди, схожие по психотипу с известным участником националистического движения «Правый Сектор» А. Муzychко, во время массовых беспорядков способны стать во главе толпы и личным примером сподвигнуть ее на активную деструктивную деятельность.

Поэтому неудивительно, что во время беспорядков в Киеве в 2013–2014 г. произошло объединение представителей ультраправых радикальных националистических движений с футбольными фанатами. Аналогичная ситуация случилась в 2010 г. в Москве, когда смерть фаната «Спартака» стала фактором объединения болельщиков с националистическим движением [7].

Изучая особенности участников деструктивной толпы, как и потенциальных субъектов совершения массовых беспорядков, прежде всего следует обратить внимание на их умение адаптироваться к заданным социально-экономическим условиям и определять причины объединения подобных лиц в социальные группы.

В приведенном выше примере видится сходство с таким явлением, как активная эпидемия, которая характеризуется общим воодушевлением масс и их восприимчивостью к внушению [8, с. 15].

Следует заметить, что воодушевление масс имеет разные знаки качества, последствия и исполнителей, претворяющих определенную идеологию в жизнь.

По нашему убеждению, нравственная идея по принципу действия сообщающихся сосудов связана с той массой или общностью, к которой она обращена. Поэтому не следует

ставить знак равенства между идеологией экстремизма и патриотизмом, потому что первая несет деструктивное начало, а вторая – созидательное, вдохновляющее индивида на героический поступок во благо. В соответствии с этой логикой становится понятным, кто автор и кому предназначались такие лозунги, как «Грабь награбленное».

Поэтому социальное дно, представленное далеко не лучшими членами общества и маргинальными слоями населения, всегда поддержит идею бунта, а не созидательного строительства, предпочтет устанавливать свои порядки путем устрашения и насилия, сопротивления государственным институтам, подчиняясь только злой воле своих лидеров.

Для реализации функции криминологического прогнозирования массовых беспорядков необходимо минимизировать неопределенность в очерчивании круга социальных общностей, воспроизводящих из своей среды деструктивно настроенных членов, и установить общие типичные для них криминогенные свойства.

Практический интерес в противодействии массовым беспорядкам представляет социальная природа субкультуры, причем не только криминальные, но и иные ее проявления, не порицаемые обществом.

Так, например, защитный механизм сохранения государственности в советской коммунистической системе управления включал в себя высокие требования к морально-нравственному облику граждан и борьбу с возникновением субкультурных форм поведения. Благодаря этому советским правоохранительным органам до определенного момента удавалось сдерживать рост организованной групповой преступности несовершеннолетних и молодежи. Однако уже в первом десятилетии независимости России распространилась деятельность молодежных группировок, связанных с преступным сообществом, занимавшихся вымогательством и грабивших сверстников.

Опасность любого субкультурного объединения заключается не только в создании благоприятных условий для роста общеуголовной преступности, но и в том, что молодые люди, вступая в ряды уличной группировки либо хиппи, байкеров или панков, освобождаясь от культурных, моральных и социальных ограничений, перестают быть полноценными гражданами государства.

По сути, факт их идентификации с субкультурной общностью есть инициация отречения от государства, превращение в антигражданина, отстаивание интересов микрогруппы, а не национальных.

Акцентируем внимание на том, что управляемый хаос и демонтаж государственной системы, подразумевающие массовые беспорядки, могут быть реализованы только при помощи реакционно-протестных элементов.

Поэтому вполне логичным представляется выстроенный узурпаторами механизм управления, который посредством насаждения насильственных методов ограждает себя от тех, с помощью кого им удалось прийти к власти, не допуская никакого инакомыслия в стране.

Лимит насилия рядовых участников массовых беспорядков новой тоталитарной властью ограничивается, но в полной мере продолжает использоваться авторитарными диктаторами как инструмент подавления несогласных.

Приведем следующий пример. Мирное население Ирака и Ливии, часть которого выступала ранее против «диктатуры» Саддама Хусейна и Каддафи, в настоящее время готово терпеть сложные условия существования, безропотно соблюдать нормы шариата и подвергаться телесным наказаниям за их неисполнение, как и когда-то недовольное политикой «царизма» население Российской империи, став советскими гражданами, в условиях созданной системы исправительно-трудовых учреждений без возмущения терпело нужду, голод и всевозможные лишения.

Показательно, что известное изречение «Революция пожирает своих детей», произнесенное деятелем Великой французской революции Ж. Ж. Дантоном перед казнью, организованной для него бывшими соратниками, не теряет своей актуальности в современной мировой политической жизни, с детальной точностью воспроизводя схожий сценарий.

Завершая рассмотрение положений социальной психологии, связанных с механизмом функционирования толпы, в целях повышения эффективности противодействия массовым беспорядкам следует подчеркнуть их прикладное значение и сделать следующие выводы:

социально-психологические закономерности массовой психологии и механизма функционирования толпы учитываются и ис-

пользуются организаторами государственных переворотов и «цветных революций»;

отдельные изыскания классиков социальной психологии, изучавших феномен толпы, не могут быть приняты за истинные по причине определенного их несоответствия, по нашему мнению, реальным условиям событий, сопровождающихся массовыми волнениями и деструктивными действиями;

механизм функционирования толпы благодаря научно-техническому прогрессу приводится в действие посредством интернет-ресурсов. Сетевая разновидность толпы под провокационным воздействием агитаторов может трансформироваться из созерцающей массы в агрессивную, деструктивно настроенную общность;

с учетом того, что именно субкультурная среда является источником деструктивно настроенных элементов, в сфере криминологического прогнозирования массовых беспорядков представляет теоретический и практический интерес установление типичных для них криминогенных свойств;

в целях обеспечения общественной безопасности государства и предупреждения угроз эскалации социальных конфликтов необходимо разработать методологию измерения процентного соотношения деструктивных элементов в социальных стратах общества и, соответственно, внутри отдельных социальных групп.

Исходя из вышеизложенного предлагаем внедрить в практику правоохранительной деятельности методы математического моделирования поведения участников толпы и разработать оптимальные способы пресечения массовых беспорядков;

теоретические знания о психологических закономерностях функционирования деструктивной толпы и способах управления ею должны войти в набор профессиональных компетенций курсантов и слушателей, обучающихся в образовательных организациях МВД России.

Для реализации данного положения эффективной мерой может стать включение в учебные программы ведомственных образовательных организаций специальных курсов: «Психология деструктивной толпы», «Психология массовых беспорядков», «Психологические методы противодействия массовым беспорядкам» и т. п.

1. *Взбунтовавшийся Хемниц. Германия пожинает плоды своей миграционной политики.* URL: https://tsargrad.tv/articles/vzbuntovavshijsja-hemnic-germanija-pozhinaet-plody-svoej-migracionnoj-politiki_154874 (дата обращения: 28.03.2019).
2. Лебон Г. *Психология народов и масс* / пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М., 2017.
3. Райгородский Д.Я. *Психология масс: хрестоматия.* Самара, 2010.
4. Тард Г. *Преступник и толпа.* М., 2016.
5. Курпатов А.В., Аверьянов Г.Г. *Руководство по системной поведенческой психотерапии.* Ростов н/Д, 2013.
6. Сигеле И.С. *Преступная толпа.* М., 2013.
7. *Массовые беспорядки в России в 2001–2013 гг.: досье.* URL: <http://tass.ru/info/1188323> (дата обращения: 24.03.2019).
8. Почебут Л.Г. *Социальная психология: учеб. Пособие для бакалавриата и магистратуры.* 2-е изд., испр. и доп. М., 2018.
9. *Биография Александра Музычко.* URL: <https://ria.ru/20140325/1000981329.html> (дата обращения: 29.03.2019).

1. *The rebelled Chemnits. Germany reaps the fruits of its migrational policy.* URL: https://tsargrad.tv/articles/vzbuntovavshijsja-hemnic-germanija-pozhinaet-plody-svoej-migracionnoj-politiki_154874 (date of access: 28.03.2019).
2. Lebon G. *Psychology of the peoples and masses* / trans from fr. by A. Pimenova, A. Freedman. Moscow, 2017.
3. Raigorodskiy D.Ya. *The psychology of masses: Anthology.* Samara, 2010.
4. Тард G. *The criminal and crowd.* Moscow, 2016.
5. Kurpatov A.V., Averjanov G.G. *Sistematical behavior psichotherapy manual.* Rostov-on-Don, 2013.
6. Sigele I.S. *Criminal crowd.* Moscow, 2013.
7. *Mass disorder in Russia in 2001–2013 years: a file.* Enter from the site URL: <http://tass.ru/info/1188323> (date of the address: 24.03.2019).
8. Pochebut L.G. *Social psychology: text. for bachelor and magistrate degrees.* 2nd ed. rev. and suppl. Moscow, 2018.
9. *The biography of Alexander Muzichko.* URL: <https://ria.ru/20140325/1000981329.html> (date of access: 29.03.2019).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алимпиев Алексей Александрович, адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России; e-mail: lehaimovich@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.A. Alimpiev, Adjunct of the Chair of Criminal Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: lehaimovich@mail.ru

Реализация идеи примирения сторон на стадии исполнения приговора

В статье рассматривается возможность реализации идеи примирения на стадии исполнения приговора при решении вопросов, связанных с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а также условно-досрочным освобождением, при наличии дополнительного условия – примирения осужденного с потерпевшим.

Ключевые слова: стадия исполнения приговора, примирение сторон, идея примирения, вопросы исполнения приговора, замена неотбытой части наказания, условно-досрочное освобождение, мера наказания, процедура примирения, медиатор.

Implementation of the idea of reconciliation of the parties at the stage of execution of the sentence

The article discusses the possibility of implementing the idea of reconciliation at the stage of execution of the sentence in addressing issues related to its execution. Proposal has been put forward on the possibility of replacing the unserved part of the punishment with a milder form of punishment, as well as parole in the presence of an additional condition-reconciliation of the convicted with the victim.

Key words: stage of execution of the sentence, reconciliation of the parties, the idea of reconciliation, issues of execution of the sentence, replacement of the unserved part of the sentence, parole, punishment, conciliation, mediator.

Примирение сторон в уголовно-процессуальном праве России является одним из оснований для принятия решения о прекращении уголовного дела.

Сегодня примирительное производство в полной мере реализуется посредством различных норм и институтов уголовно-процессуального права и может выступать в качестве факкультативной стадии уголовного процесса [1].

Представляется, что идея примирения может найти свое воплощение и на стадии исполнения приговора.

Напомним, что исполнение приговора – это обязательная завершающая стадия уголовного судопроизводства, на которой суд осуществляет различные процессуальные действия, связанные с приведением приговора в исполнение, разрешает ряд вопросов, перечень которых закреплен в ст. 397 УПК РФ.

Часть вопросов рассматривается судами, постановившими приговор, другие – судами по месту отбывания наказания либо применения принудительных мер медицинского характера, а также по месту жительства осужденного или его задержания.

По нашему мнению, примирение сторон может выступать в качестве дополнительного условия при разрешении вопроса о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания.

Статья 80 УК РФ предусматривает замену неотбытой части более мягким видом наказания в случае отбытия осужденным определенного срока наказания, который зависит от тяжести совершенного преступления. По общему правилу с таким ходатайством в суд по месту отбывания наказания осужденным могут обращаться сотрудники администрации места содержания под стражей, сам осужденный, его представитель или адвокат. В документе указываются следующие сведения: личные данные осужденного лица; приговор, по которому осужденный отбывает наказание; место отбывания наказания; материалы, подтверждающие, что дальнейшее исправление осужденного возможно без отбывания наказания; информация о возмещении ущерба от совершенного преступления. Полагаем, что в вышеуказанный перечень следует включить мировое соглашение между осужденным и потерпевшим.

После получения ходатайства от осужденного администрация места содержания под стражей направляет его для рассмотрения в суд по месту отбывания наказания осужденным. Суд в целях объективного рассмотрения вправе дополнительно истребовать у администрации исправительного учреждения личное дело осужденного, в котором содержатся сведения об имеющихся у него взысканиях и

поощрениях, полученных во время отбывания наказания.

Отдельного внимания заслуживает документ, подтверждающий тот факт, что осужденный встал на путь исправления и возместил причиненный ущерб, – мировое соглашение. В нем отражаются данные о потерпевшем и осужденном, сведения о том, каким образом последний возместил причиненный ущерб, а также какие обязательства он берет на себя в целях урегулирования конфликта. Подтверждением возмещения ущерба, кроме мирового соглашения, может быть расписка потерпевшего, подпись которого заверена нотариусом.

Некоторые разъяснения по вопросу возмещения вреда даются в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 апреля 2009 г. № 8. Так, при рассмотрении ходатайства о замене неотбытой части более мягким видом наказания следует установить причину, по которой осужденный не смог возместить причиненный вред. Если причина является обоснованной (болезнь, отсутствие работы), то суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства осужденного [2].

Таким образом, институт примирения, включающий в себя процедуру возмещения вреда на стадии исполнения приговора, может рассматриваться как дополнительное условие для удовлетворения заявленного осужденным ходатайства о замене наказания. На наш взгляд, данная процедура должна проводиться администрацией места отбывания наказания, что позволит не только разрешить вопросы исполнения приговора, но и направить преступника на путь исправления. При этом администрация пенитенциарного учреждения обязана обеспечить необходимые условия для реализации права осужденного на примирение.

Противоположную точку зрения высказывает Ю.М. Ткачевский, считающий возможным производить замену наказания более мягким видом и в отношении осужденных, которые только встали на путь исправления [3, с. 114].

Необходимо отметить, что важным обстоятельством, подлежащим установлению в суде при рассмотрении поступившего ходатайства, является возможное исправление осужденного без отбывания наказания. В научной литературе к критериям оценки степени исправления осужденных относятся добросовестное исполнение условий отбывания наказания, соблюдение дисциплины, стремление осужденного выйти на свободу [4, с. 567]. Одним из обяза-

тельных условий для суда при решении вопроса о замене наказания на более мягкий вид должно являться примирение сторон.

Поскольку примирение сторон представляет собой процедуру, при которой подозреваемый (обвиняемый) возмещает потерпевшему лицу причиненный вред по преступлениям небольшой или средней тяжести, то в последующем при вынесении решения по уголовному делу суд должен учитывать данное обстоятельство.

Вместе с тем процедура примирения не предусмотрена действующим уголовно-процессуальным законодательством. О примирении в нем говорится как об основании для прекращения уголовного дела на стадиях предварительного расследования либо судебного разбирательства. С нашей точки зрения, примирение следует рассматривать как дополнительное условие для замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а также условно-досрочного освобождения.

Поскольку под примирением понимается не только заглаживание причиненного преступлением вреда, но и восстановление мирных отношений между конфликтующими сторонами, то данный процесс должен состоять из ряда последовательных стадий. На первой стадии, которую можно обозначить как инициативную, осужденный должен изъясить свое намерение о примирении с потерпевшим, которое может выразиться в установлении личного контакта с ним с целью нивелирования конфликта. Это, на наш взгляд, может быть реализовано либо через администрацию мест отбывания наказания, либо при помощи защитника, адвоката или лица, представляющего интересы осужденного по доверенности.

Второй является стадия устранения конфликта. Здесь особая роль отводится медиатору [5] (адвокату, представителю), который помогает сторонам не только установить мирные отношения друг с другом, но и оказать помощь в устранении тех противоречий, которые возникли в результате совершения преступления, и возместить причиненный ущерб.

Третья стадия – оформление результатов процедуры примирения, выражающаяся либо в заключении мирового соглашения и подаче совместного заявления о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, либо в досрочном освобождении от отбывания наказания. Поскольку позиция потерпевшего в данном случае является решающей, то его присутствие в суде при рассмотрении

данного ходатайства по существу обязательно. На наш взгляд, участие медиатора в судебном разбирательстве может сыграть важную роль при формировании у судьи мнения о том, что осужденный действительно встал на путь исправления и возможно принять обоснованное решение об урегулировании конфликта на стадии исполнения приговора.

При рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении осужденного суд вправе возложить на заключенного исполнение других обязанностей, способствующих его исправлению [6]. В связи с этим следует дополнить ст. 73 УК РФ такой обязанностью, как восстановление мирных отношений с потерпевшим, реализовать которую можно посредством процедуры примирения сторон. В случае выполнения указанных условий суд, в свою очередь, должен принять решение об условно-досрочном освобождении осужденного.

Исходя из вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Осужденное за совершение преступления лицо, которому назначено наказание в виде лишения свободы, совместно с потерпевшим, которому преступлением причинен вред, обращается с ходатайством об изменении вида наказания в суд по месту вынесения итогового решения. В обоснование своего ходатайства данные лица должны предоставить документы, подтверждающие факт возмещения вреда, а также согласие потерпевшего на замену неотбытой части более мягким видом наказания (условно-досрочное освобождение).

2. Суд, получив ходатайство осужденного и потерпевшего, назначает судебное заседание,

в рамках которого рассматривает вопрос о том, действительно ли потерпевшему лицу возмещен вред осужденным и они примирились между собой.

Необходимо отметить, что стадия исполнения приговора не связана с исследованием вопроса о предмете доказывания, тем не менее обязательно установлению и изучению в судебном заседании при рассмотрении ходатайства о замене неотбытой части более мягким видом наказания (а также условно-досрочном освобождении) подлежат обстоятельства, подтверждающие, что осужденный действительно примирился с потерпевшим. Вследствие чего участие потерпевшего в судебном заседании при рассмотрении данного ходатайства должно быть обязательным.

3. Принятое итоговое судебное решение в виде постановления в обязательном порядке должно отражать подтверждающие доказательства, заявленные в ходатайстве.

Несомненно, отдельного внимания и научного осмысления требует вопрос о наделении полномочиями по осуществлению медиативных процедур работников исправительных учреждений, т. к. это окажет значительное положительное влияние на исправление осужденных.

В заключение отметим, что идея примирения сторон сегодня может быть реализована и на стадии исполнения приговора при разрешении вопросов, связанных с заменой неотбытой части наказания более мягким видом наказания, условно-досрочным освобождением, и рассматриваться как дополнительное обстоятельство, подтверждающее заявленные ходатайства.

1. Шараева Я.А. Сравнительный анализ института примирения и медиации в уголовном процессе // *Юридическая наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России*. 2016. № 2(34).

2. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 апр. 2009 г. № 8 (ред. от 17.11.2015) // *Рос. газ.* 2009. 29 апр.

3. Ткачевский Ю.М. *Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний*. М., 1997.

1. Saraiva Ya.A. *Comparative analysis of the institution of reconciliation and mediation in criminal proceedings* // *Legal science and practice: Bull. of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2016. № 2(34).

2. *About judicial practice of conditional early release from punishment serving, replacement of unserved part of punishment by softer type of punishment: resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Apr. 21, 2009 № 8 (edition of 17.11.2015)* // *Rus. newsp.* 2009. Apr. 29.

3. Tkachevsky Yu.M. *Progressive system of execution of criminal penalties*. Moscow, 1997.

4. Уголовное право России. Общая часть: учеб. / С.А. Балеев, Б.С. Волков, Л.Л. Кругликов и др.; под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2009.

5. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ (ред. от 23.07.2013 (с изм. и доп., вступающими в силу с 1.09.2013) // Рос. газ. 2010. 27 июля.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

4. Russian criminal law. General part: textbook / S.A. Bulaev, B.S. Volkov, L.L. Kruglikov and others; ed. by F.R. Sungurov, I.A. Tarkhanov. 3rd ed., rev. Moscow, 2009.

5. On alternative dispute settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure): fed. law d.d. July 27, 2010 № 193-FL (ed. of 23.07.2013 (with izm. and additional, coming into force from 01.09.2013) // Rus. newsp. 2010. July 27.

6. Criminal code of the Russian Federation d.d. June 13, 1996 № 63-FL (as amended on 27.12.2018) (rev. and eXT., joined. in force 08.01.2019) // Coll. of legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шараева Яна Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России; e-mail: yana-sharaeva@mail.ru;

Джелали Татьяна Ивановна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России; e-mail: tatyana180326@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ya.A. Sharaeva, Candidate of Law, Assistant Professor of the Chair of Criminal Procedurt of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: yana-sharaeva@mail.ru;

T.I. Dzhelaly, Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of Chair of Criminal Procedurt of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: e-mail: tatyana180326@yandex.ru

Протасов Кирилл Вадимович
Арутюнов Александр Самсонович

Оценка корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона (α -PVP) к наркотическому средству (по материалам ЭКЦ ГУ МВД России по Краснодарскому краю)

В статье рассматриваются вопросы корректности механизма отнесения α -пирролидиновалерофенона к наркотическому средству путем признания его производным N-метилэфедрона и поиска перспективных направлений совершенствования (изменения) данного механизма.

Ключевые слова: α -пирролидиновалерофенон, наркотические средства, производные наркотических средств, незаконный оборот наркотиков, уголовная ответственность.

Assessment of correctness of the mechanism of attribution α -pyrrolidinophenone (α -pvp) to drug (based on data of forensic science center of research Interior Affairs of Russia in Krasnodar region)

This article is about question of correctness of the mechanism of attribution a substance (α -PVP) to drug; promising ways to improve (change) this mechanism are proposed.

Key words: α -PVP, drugs, derivatives of drugs, drug trafficking, criminal liability.

По уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков (далее – НОН) наказания в виде лишения свободы на срок до 15 лет предусмотрены за следующие преступления: незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ); незаконные производство, сбыт или пересылку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228.1 УК РФ) [1]. Максимально суровое наказание – лишение свободы на срок до 20 лет УК РФ предусматривает за контрабанду наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов (ст. 229.1 УК РФ) [1].

По данным Агентства правовой информации, количество осужденных лиц по вышеуказанным статьям УК РФ, например, в 2017 г. в России составило 100050 (аналогичная картина наблюдалась ежегодно с 2012 г.): ч. 1 ст. 228 – 44581 чел.; ч. 2 ст. 228 – 35123 чел.; ч. 3 ст. 228 – 309 чел.; ч. 4 ст. 228 – 16 чел.; ч. 1 ст. 228.1 – 3460 чел.; ч. 2 ст. 228.1 – 140 чел.; ч. 3 ст. 228.1 – 4611 чел.; ч. 4 ст. 228.1 – 9744 чел.; ч. 5 ст. 228.1 – 1755 чел.; ч. 1 ст. 229.1 – 99 чел.; ч. 2 ст. 229.1 – 60 чел.; ч. 3 ст. 229.1 – 107 чел.; ч. 4 ст. 229.1. – 45 чел. Схожая статистика сохранялась в 2018 г. [2].

Начиная с 2010 г. Краснодарский край традиционно занимает лидирующие позиции среди

субъектов Российской Федерации как по числу зарегистрированных наркопреступлений (4–6 места), так и по количеству выявленных лиц, совершивших уголовно наказуемые противоправные деяния в данной сфере (1–4 места в общероссийском рейтинге) [3].

Кроме того, проанализировав информацию Генеральной прокуратуры Российской Федерации, становится ясно, что более 10% от общего количества зарегистрированных преступлений на территории Краснодарского края (около 70 тысяч ежегодно с 2010 г.) приходится на преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков (более 7 тысяч каждый год начиная с 2010 г.) [3].

Судя по количеству материалов (определений и постановлений о назначении экспертизы) и прилагаемых к ним веществ, направленных на экспертное исследование (по данным Экспертно-криминалистического центра Главного управления России по Краснодарскому краю) (далее – ЭКЦ ГУ МВД России по КК), на территории региона самым распространенным веществом, изъятым из незаконного оборота, является α -пирролидиновалерофенон (далее – α -PVP) (53% от общего количества изымаемых веществ). Учитывая массовость преступлений в сфере незаконного оборота указанного вещества, количество осужденных лиц, а также суровость наказания за его незаконный оборот,

особые требования предъявляются к качеству заключений эксперта, прежде всего в части правильности отнесения α -PVP к наркотическому средству, именуемому «N-метилэфедрон и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень». Также важность выводов эксперта, имеющего специальность «исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ» связана с тем, что по делам в сфере НОН заключения экспертизы выступают основным видом доказательства.

Исходя из вышеизложенного целью данного исследования является оценка корректности механизма отнесения α -PVP к наркотическому средству «N-метилэфедрон и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень», поиск новых способов запрета α -PVP. Достижение указанной цели видится путем решения следующих задач:

1. Проанализировать действующий механизм признания (отнесения) α -PVP производным наркотического средства «N-метилэфедрон и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень» (на примере заключений, выполненных экспертами отдела экспертиз материалов, веществ, изделий и пищевых экспертиз (далее – ОЭМВИИПЭ) ЭКЦ ГУ МВД России по КК).

2. Рассмотреть альтернативные способы запрета оборота α -PVP на территории РФ.

В период с 2008 по 2010 г. в России появилось огромное количество различных новых психоактивных веществ (далее – ПАВ) (например, α -PVP, bk-MBDB (бутилон), bk-MDEA (этилон, метилендиоксизткатион), метедрон (bk-PMMA, 4-метоксиметкатинон, 4-метоксизфедрон), 3-фторметкатинон (3-FMC), MDPV (3,4-метилендиоксипировалерон), нафирон (нафтилпировалерон, O-2482) и синтетических каннабиноидов, созданных на основе следующих базовых структур: нафтолиндола – JWH-007, JWH-018, JWH-073, JWH-081, JWH-098, JWH-116, JWH-122, JWH-149, JWH-193, JWH-198, JWH-200; нафтаилметиллиндола – JWH-175, JWH-184, JWH-185, JWH-192, JWH-194, JWH-195, JWH-196, JWH-197, JWH-199; циклогексилфенола – CP 47, 497 - C6, CP 47,497, CP 47,497 - C8, CP 47,497 - C9 и др. [4].

Методические сложности, связанные с идентификацией новых ПАВ в ходе производства судебных экспертиз, несостоятельность и отсутствие законно обоснованной возможности применения в экспертной практике понятия «аналоги наркотических средств и психотропных веществ» [5] в отношении новых ПАВ

привели к появлению нового термина – «производное наркотических средств и психотропных веществ» (далее – производное), который изначально не имел правовых ограничений, довольно свободно трактовался экспертами, исходившими из собственных знаний, полученных из курсов общей и органической химии. Затем, в 2012 г., постановлением Правительства РФ от 19 ноября 2012 г. № 1178 [6] в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации [7] (далее – Перечень), было внесено дополнение (пояснение): «Производные наркотических средств и психотропных веществ являются веществами синтетического или естественного происхождения, которые не включены самостоятельными позициями в государственный реестр лекарственных средств или в настоящий перечень, химическая структура которых образована заменой (формальным замещением) одного или нескольких атомов водорода, галогенов и (или) гидроксильных групп в химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества на иные одновалентные и (или) двухвалентные атомы или заместители (за исключением гидроксильной и карбоксильной групп), суммарное количество атомов углерода в которых не должно превышать количество атомов углерода в исходной химической структуре соответствующего наркотического средства или психотропного вещества». Данное определение, по сути, представляет собой механизм, который позволяет, имея в Перечне базовые формулы с относительно простыми с точки зрения химического строения структурами, путем вышеописанных формальных замещений (действий) представить целый ряд более сложных веществ в качестве производных базовых структур, включенных в Перечень. Это позволяет исключать из оборота новые ПАВ, выявляемые на территории РФ (начиная с 2010 г. ежегодно появляется 10–20 новых ПАВ), не тратя дополнительное время на запрещение каждого из них по отдельности. Кроме того, при помощи понятия «производное», по мнению Е.В. Ивановой, «Правительство РФ ушло от неопределенного термина “аналоги наркотических средств и психотропных веществ”, позволив вместе с тем считать наркотическими средствами и психотропными веществами широкую группу веществ, имеющих изменения в химической структуре, в некоторой части названной “базовой”» [8]. Также автор отмечает, что данная попытка с точки зрения определенности понятия была в тот период времени прогрессивной.

Важно, что проблемы противодействия незаконному обороту новых ПАВ, оценки по-

нятий «аналог», «производное» и «новое потенциально опасное вещество» и сегодня являются актуальными, находят отражение в большом количестве работ отечественных ученых-криминалистов и судебных экспертов. Так, особо следует выделить исследования Е.В. Ивановой [8], А.Н. Бычковой [9], С.А. Пичугина, С.В. Сыромятникова, Д.Ю. Гладышева [10], Е.Б. Мельникова, А.Г. Михайличенко, К.П. Дюгаева [11], В.В. Тихомирова [12], А.В. Федорова [13] и др. Фундаментальные научно-методические разработки экспертов-химиков В.П. Мелкозерова и В.А. Шевырина по изучению структур новых психоактивных веществ методом ядерно-магнитного резонанса и их последующей идентификации в экспертной деятельности посредством хроматомасс-спектрометрии легли в основу подавляющего большинства экспертных заключений экспертов-химиков, имеющих специальность «исследование наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, сильнодействующих и ядовитых веществ», в ЭКЦ МВД России.

Анализ текстов заключений (исследовательской части и выводов), подготовленных сотрудниками ОЭМВИиПЭ ЭКЦ ГУ МВД России по КК, показал, что идентификация вещества α -PVP позволяет признать его производным наркотического средства, именуемого в Перечне «N-метилэфедрон и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в перечень». Обобщая результаты исследования, эксперты приводят структурные формулы α -PVP и N-метилэфедрона с целью демонстрации их схожести, делают ряд логических умозаключений, из которых вытекает, что α -PVP является производным N-метилэфедрона. Ниже представлено типичное описание используемого механизма в заключениях экспертов:

«В результате исследования, проведенного методом хроматомасс-спектрометрии, установлено, что в составе исследуемого вещества выявлен α -PVP (α -пирролидиновалерофенон).

Согласно Методическим подходам по отношению соединений к производным наркотических средств и психотропных веществ в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2012 г. № 1178 α -PVP рассматривается как производное N-метилэфедрона, в химической структуре которого один атом водорода в 3 положении углеводородной цепочки замещен на этильную группу, а две N-метильных группы замкнуты в циклическую структуру путем замещения двух атомов водорода на мостиковую этано-группу.

“N-метилэфедрон и его производные, за исключением производных, включенных в качестве самостоятельных позиций в Перечень”

(в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 30 октября 2010 г. № 882), входит в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 (с изменениями и дополнениями), и отнесен к наркотическим средствам, оборот которых в России запрещен законодательством Российской Федерации и международными договорами Российской Федерации (Список I Перечня, раздел “Наркотические средства”)).

Как видно из описанных формальных структурных изменений, при преобразовании N-метилэфедрона в α -PVP формальное замещение происходит в двух локациях: в 3 положении углеводородной цепочки и у двух N-метильных групп. При этом, по нашему мнению, первое замещение представляется вполне корректным, а законность второго вызывает сомнения, которые связаны с возможностью производить формальное замещение двух атомов водорода у двух разных атомов углерода на один. Теоретически это означает, что допустимым было бы замещение двух атомов водорода у одного из двух атомов углерода или у обоих.

Исходя из определения понятия «производное», приведенного в Перечне, возможность замещения двух атомов водорода у двух атомов углерода на один заместитель так, как это описано в заключениях эксперта, выполненных сотрудниками ОЭМВИиПЭ ЭКЦ ГУ МВД России по КК, отсутствует. Поэтому отнесение вещества α -PVP к производному N-метилэфедрона выполнено, по нашему мнению, некорректно.

Следовательно, необходим поиск законных способов запрета оборота α -PVP. В качестве альтернативных перспективными видятся следующие варианты:

1) согласно ст. 1 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [5] аналоги наркотических средств и психотропных веществ – запрещенные для оборота в Российской Федерации вещества синтетического или естественного происхождения, не включенные в Перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, химическая структура и свойства которых сходны с химической структурой и свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых они воспроизводят. Учитывая несомненную схожесть химических структур α -PVP и метилendioксипирролидинона (далее – MDPV), целесообразно рассмотреть α -PVP в качестве аналога MDPV. Однако для законного отнесения α -PVP

к аналогу MDPV следует провести дополнительное исследование их свойств в части установления аналогичности психоактивного воздействия на организм человека. Кроме того, необходимо отметить, что признание α -PVP аналогом MDPV приведет к пересмотру значительного количества уголовных дел, поскольку на сегодняшний день весовые показатели, за которые предусмотрена ответственность за незаконный оборот MDPV, в три раза ниже, чем за α -PVP (в случае его отнесения к производному N-метилэфедрона), соответственно: значительный – 0,6 и 0,2 г, крупный – 3,0 и 1,0 г, особо крупный – 600 и 200 г [14];

2) внести α -PVP (и другие психоактивные вещества с аналогичным механизмом замещения и дальнейшего отнесения к производным) в качестве самостоятельной позиции в Перечень. Такой путь запрета оборота α -PVP кажется вполне объективным и обоснованным, однако имеет существенный недостаток – для вновь появляющихся на незаконном рынке психоактивных веществ потребуются

дополнительные затраты времени на установление нормативно-правового запрета на их оборот на территории РФ (внесение в Список I Перечня);

3) дополнить определение понятия «производное», указанное в Перечне, фразой «допустима формальная замена двух или более атомов водорода, находящихся у разных атомов углерода, на один многовалентный заместитель». Наличие такой фразы сделает корректным механизм отнесения α -PVP к производным наркотического средства N-метилэфедрон, а также позволит признавать его производными другие вещества, которые имеют аналогичный механизм замещения и периодически встречаются в экспертной практике.

Проведенная оценка механизма отнесения α -PVP к наркотическому средству (производному N-метилэфедрона) показала его некорректность. Наиболее перспективным путем запрета оборота α -PVP на сегодняшний день видится дополнение понятия «производное», указанное в п. 3.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) (с изм. и доп., от 8.01.2019). URL: <http://www.garant.ru>

2. URL: <http://stat.apu-press.pf>

3. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total

4. Методические подходы по отнесению соединений к «производным наркотических средств и психотропных веществ» в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации: информационное письмо от 30 окт. 2010 г. № 882.

5. О наркотических средствах и психотропных веществах: федер. закон от 8 янв. 1998 г. № 3-ФЗ (ред. от 29.12.2017). URL: <http://www.garant.ru>

6. О внесении изменения в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 19 нояб. 2012 г. № 1178. URL: <http://www.garant.ru>

7. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681 (ред. от 19.12.2018). URL: <http://www.garant.ru>

8. Иванова Е.В. Инновации в вопросах отнесения веществ к категориям наркотических и психотропных // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 3.

1. Criminal Code of the Russian Federation: fed. law d.d. June 13, 1996 № 63-FL (an edition of 27.12.2018) (with amendment and additional, from 8.01.2019). URL: <http://www.garant.ru>

2. URL: <http://stat.api-press.Russian Federation>

3. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total

4. Methodical approaches on reference of connections to «derivatives of drugs and psychotropic substances» according to the resolution of the Government of the Russian Federation: information letter from Oct. 30, 2010 № 882.

5. About drugs and psychotropic substances: fed. law d.d. Jan. 8, 1998 № 3-FL (edition of 29.12.2017). URL: <http://www.garant.ru>

6. About modification of the list of the drugs, psychotropic substances and their precursors which are subject to control in the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Nov. 19, 2012 № 1178. URL: <http://www.garant.ru>

7. About the approval of the list of the drugs, psychotropic substances and their precursors which are subject to control in the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. June 30, 1998 № 681 (edition of 19.12.2018). URL: <http://www.garant.ru>

8. Ivanova E.V. Innovations in questions of reference of substances to categories narcotic and psychotropic // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2011. № 3.

9. Бычкова А.М. Судебный прецедент как способ противодействия распространению новых потенциально опасных психоактивных веществ. // Байкал. гос. ун-т. 2016. Т. 7. № 5.

10. Гладышев С.А., Пичугин Д.Ю. Современные проблемы нормативно-правового регулирования оборота отдельных видов наркотических средств в Российской Федерации // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2017. № 2.

11. Мельников Е.Б., Дюгаев К.П., Михайличенко А.Г. Проблемы криминалистического исследования новых психоактивных веществ // Вестн. Сибир. юрид. ин-та ФСКН России. 2014. № 1(14).

12. Тихомирова А.В. Правовые механизмы борьбы с незаконным оборотом синтетических психоактивных веществ // Вестн. Сибир. юрид. ин-та ФСКН России. 2014. № 2(15).

13. Федоров А.В. Определение производных наркотических средств и психотропных веществ для целей уголовного законодательства // Теория и практика судебной экспертизы. 2013. № 1(29).

14. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 1 окт. 2012 г. № 1002. URL: <http://www.garant.ru>

9. Bychkova A.M. Judicial precedent as way of counteraction to distribution of new potentially dangerous psychoactive substances // Baikal. State University. 2016. Vol. 7. № 5.

10. Gladyshev S.A., Pichugin D.Yu. Modern problems of legal regulation of a turn of separate types of drugs in the Russian Federation // Bull. of Moscow University of the Ministry of the Interior Affairs of Russia. 2017. № 2.

11. Melnikov E.B., Dyugayev K.P., Mykhaylychenko A.G. Problems of a criminalistic research of new psychoactive substances // Bull. of Siberian Law Institution FICN of Russia. 2014. № 1(14).

12. Tikhomirova A.V. Legal mechanisms of fight against illicit trafficking in synthetic psychoactive substances // Bull. of Siberian Law Institution FICN of Russia. 2014. No. 2(15).

13. Fedorov A.V. Definition of derivative drugs and psychotropic substances for the criminal legislation // Theory and practice of judicial examination. 2013. № 1(29).

9. About the statement of considerable, large and especially large sizes of drugs and psychotropic substances and also considerable, large and especially large sizes for the plants containing drugs or psychotropic substances or their parts containing drugs or psychotropic substances for Articles 228, 228.1, 229 and 229.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: resolution of the Government of the Russian Federation d.d. Oct. 1, 2012 № 1002. URL: <http://www.garant.ru>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Протасов Кирилл Вадимович, кандидат химических наук, преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России; e-mail: protasovkirill@yandex.ru;

Арутюнов Александр Самсонович, кандидат юридических наук, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Краснодарского университета МВД России; e-mail: alexandr.arutyunov@gmail.com

INFORMATION ABOUT AUTHORS

K.V. Protasov, Candidate of Chemistry, Lecturer of the Chair of of Judicial and Forensic Medicine of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: protasovkirill@yandex.ru;

A.S. Arutyunov, Candidate of Law, Head of the Chair of Judicial and Forensic Medicine of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: alexandr.arutyunov@gmail.com

Поляков Николай Владиславович
Гармаев Юрий Петрович

Проблемы выявления и раскрытия легализации преступных доходов, полученных от незаконной банковской деятельности

В статье рассматриваются актуальные криминалистические проблемы организации раскрытия и расследования незаконной банковской деятельности и преступлений, связанных с ней. Авторы анализируют порядок взаимодействия подразделений органов внутренних дел Российской Федерации с Росфинмониторингом, формулируются предложения по совершенствованию информационного взаимодействия между данными структурами.

Ключевые слова: преступления экономической направленности, незаконное обналичивание денежных средств, незаконная банковская деятельность, легализация доходов, полученных преступным путем.

Problems of detection and disclosure of legalization of criminal proceeds received from illegal banking activities

In article current criminalistic problems of the organization of disclosure and investigation of illegal bank activity and crimes, related are considered. Authors analyze an order of interaction of divisions of law-enforcement bodies of the Russian Federation with Rosfinmonitoring, suggestions for improvement of information exchange between these structures are formulated.

Key words: crimes of economic orientation, illegal cashing of funds, illegal banking activity, legalization of criminal profit.

Актуальность рассмотрения вопросов расследования незаконной банковской деятельности обусловлена ее повышенной общественной опасностью для экономики Российской Федерации, т. к. она всегда связана с совершением других преступлений, например, с легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им противоправных деяний, коррупционных и должностных преступлений, хищений.

Как показывают результаты изучения судебно-следственной практики по ст. 172 УК РФ, противодействие незаконному обналичиванию и транзитированию денежных средств в настоящее время осуществляется недостаточно эффективно, т. к. преступники продолжают создавать фирмы-однодневки, используемые для совершения незаконных финансовых операций. Представляется, что число раскрытых преступлений по ст. 172 УК РФ не соответствует масштабам данной преступной деятельности, что обусловлено определенными сложностями, связанными с их расследованием и доказыванием.

Подчеркнем, что проведенное нами в 2018 г. анкетирование более 240 сотрудников следственных подразделений МВД России, занимающихся расследованием преступлений экономической направленности, из более чем 40 субъектов РФ подтвердило вышеуказанные выводы о том, что раскрытие и расследование отмывания денежных средств или иного имущества, полученных при осуществлении незаконной банковской деятельности, являются одними из самых сложных процессов, т. к. данные преступления отличаются высокой латентностью. Заметим, что проведенное анкетирование позволило определить некоторые проблемы, объясняющие низкую раскрываемость уголовных дел, связанных с отмыванием доходов, полученных в результате осуществления незаконной банковской деятельности. Так, согласно данным ГИАЦ МВД России, в 2017 г. выявлено 711 фактов легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления либо другими лицами преступным путем, что на 13,1% меньше показателей 2016 г. [1]. На наш взгляд, это в первую

очередь обусловлено конструкцией составов преступлений, предусматривающих уголовную ответственность за отмывание нелегальных доходов, а также тем, что в большинстве случаев осуществлением незаконной банковской деятельности занимаются лица, обладающие специальными знаниями в области бухгалтерского учета, налогового и бюджетного законодательства, оказывающие активное противодействие расследованию.

Типичная преступная схема (механизм преступления) осуществления незаконной банковской деятельности представляет собой перевод безналичных денежных средств в наличную форму различными способами, а затем передачу незаконно обналиченных денежных средств заказчикам (клиентам) за вычетом преступного дохода (процента от проведенных операций), которыми лица, причастные к данной противоправной деятельности, распоряжаются по своему усмотрению.

Как справедливо отмечают И.А. Киселев и Е.С. Леханова, основными способами легализации доходов, полученных преступным путем, являются:

- манипулирование ценами, указываемыми в отчетных документах, при осуществлении финансовых операций и торговых сделок (занижение цен при покупке и завышение стоимости имущества при его продаже);

- смешивание криминальных и легальных доходов в обороте предприятий, использующих значительные объемы наличных денежных средств;

- контрабанда валютных ценностей с нарушением правил декларирования ввозимых и вывозимых из страны средств и т. д. [2, с. 128].

Проведенный анализ более 110 уголовных дел, возбужденных по факту осуществления незаконной банковской деятельности за последние 9 лет, свидетельствует о том, что денежные средства, полученные от осуществления незаконной банковской деятельности, тратятся «обналичниками» на приобретение движимого и недвижимого имущества, которое оформляется на подставных лиц.

При расследовании данных преступлений у следователей зачастую возникают проблемы, связанные с доказыванием цели этой деятельности, а именно с приданием надлежащего вида владению, пользованию и распоряжению полученными материальными

средствами или имуществом от незаконной банковской деятельности, т. к. подозреваемые в ходе допросов категорически отрицают указанную целевую установку.

Прежде всего при расследовании незаконной банковской деятельности важное значение имеют доказательства отмывания денежных средств (имущества), полученных незаконными способами. На начальном этапе расследования преступлений, связанных с незаконной банковской деятельностью, главную роль играет активное взаимодействие следователя с Росфинмониторингом.

На основании запросов правоохранительных органов Росфинмониторинг осуществляет поиск денежных вкладов подозреваемых (обвиняемых) на территории Российской Федерации, а также активно взаимодействует с финансовыми разведками иностранных государств с целью получения сведений о сомнительных финансовых операциях и сделках, совершенных гражданами России за рубежом.

Однако в настоящее время следователи не могут использовать аналитические справки, предоставленные Росфинмониторингом, в качестве доказательств по уголовному делу. Они носят ориентирующий характер и позволяют лишь планировать ход дальнейшего расследования. А между тем на основании полученной от Росфинмониторинга информации следователи вынуждены повторно направлять запросы в кредитные учреждения для получения тождественных сведений, что влечет за собой ненужную трату времени. Видится целесообразным использовать информацию, предоставляемую Росфинмониторингом, именно как одно из важнейших доказательств при расследовании экономических преступлений.

Кроме того, по мнению 50% опрошенных следователей, одной из существенных проблем при взаимодействии с Росфинмониторингом является то, что вышеуказанная информация зачастую предоставляется несвоевременно, а это, в свою очередь, негативно сказывается на планировании расследования и вызывает необходимость продления сроков следствия. Между тем, в соответствии со ст. 19 приказа МВД России от 5 августа 2010 г. № 566 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия

в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем», запросы, поступающие в Росфинмониторинг от правоохранительных органов, должны исполняться в течение 30 дней. Поэтому большинство следователей не удовлетворены качеством совместной работы с Росфинмониторингом.

В соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» Росфинмониторинг осуществляет анализ только тех данных, которые ему самостоятельно предоставляют кредитные учреждения, в связи с чем имеется определенный риск умышленного сокрытия данной информации организациями, сотрудники которых могут быть причастны к легализации преступных доходов, в том числе и от незаконной банковской деятельности. В статье 6 вышеуказанного закона перечислены следующие операции с денежными средствами или иным имуществом, подлежащие обязательному контролю со стороны Росфинмониторинга:

операции с денежными средствами или иным имуществом на сумму 600 тыс. рублей и более либо равные указанной сумме в иностранной валюте или превышают ее;

сделки с недвижимым имуществом, результатом совершения которых является переход права собственности на такое недвижимое имущество, если сумма, на которую они совершаются, равна или превышает 3 млн рублей либо равна этой сумме в иностранной валюте или превышает ее;

операции по получению некоммерческой организацией денежных средств и (или) иного имущества от иностранных государств, международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства, если сумма, на которую совершаются данные операции, равна или превышает 100 тыс. рублей либо равна ей в иностранной валюте или превышает ее и т. д.

Отметим, что лица, причастные к отмыванию преступных доходов, полученных в том числе от незаконной банковской деятельности, могут пользоваться имеющимися пробелами в законодательстве и умышленно не

превышать пороговые значения операций с денежными средствами и иным имуществом, чтобы не попасть в поле зрения Росфинмониторинга, правоохранительных органов и служб безопасности кредитных учреждений.

Очевидно, что в настоящее время назрела необходимость совершенствования деятельности Росфинмониторинга. Так, в частности, требуется оптимизировать механизм взаимодействия данной организации с правоохранительными органами с целью повышения скорости и качества предоставляемой им информации по операциям с денежными средствами, получаемой от кредитно-финансовых учреждений. Кроме того, следует развивать международное сотрудничество Росфинмониторинга с уполномоченными органами иностранных государств, постоянно повышать профессионализм сотрудников путем проведения соответствующих занятий по изучению передового опыта иностранных коллег по выявлению сомнительных финансовых операций.

Подводя итоги, полагаем возможным сделать вывод о том, что для активной борьбы с легализацией преступных доходов, полученных от незаконной банковской деятельности, требуется дальнейшее развитие законодательства в данной области. Так, например, необходимо внести изменения в вышеуказанную Инструкцию по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств и иного имущества, полученных преступным путем, касающиеся введения ответственности должностных лиц Росфинмониторинга за несвоевременное предоставление сотрудникам правоохранительных органов запрашиваемой информации.

Кроме того, необходимо существенно переработать совместный приказ (инструкцию) для органов, занимающихся выявлением, пресечением, раскрытием и расследованием экономических преступлений, влияющих на развитие экономики страны, упростив процедуру обмена имеющейся информацией об осуществлении противоправной деятельности, а также продолжить научные исследования в данной сфере, обеспечить своевременное внедрение криминалистических методических рекомендаций в деятельность правоохранительных органов.

1. Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://mvd.rf>

2. Киселев И.А., Леханова Е.С. Расследование отмывания преступных доходов: рекомендации для следователей. М., 2011.

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://mvd.rf>

2. Kiselev I.A., Lekhanova E.S. Investigation of money laundering: recommendations for investigators. Moscow, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Поляков Николай Владиславович, преподаватель кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России; e-mail: polyakov.nikolay.1987@mail.ru;

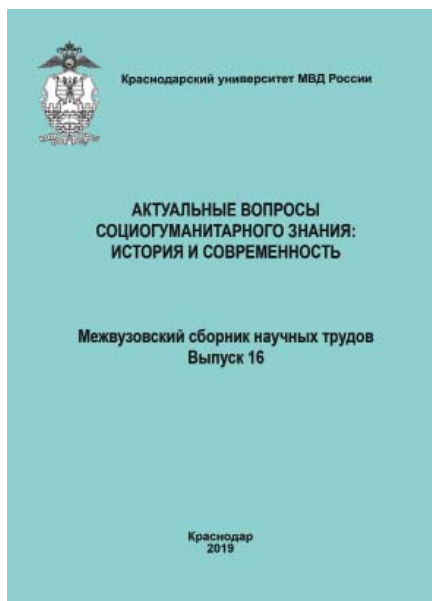
Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: garmaeff1@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

N.V. Poliakov, Lecturer of the Chair of Criminalistics of the Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: polyakov.nikolay.1987@mail.ru;

Yu.P. Garmaev, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: garmaeff1@mail.ru

ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Актуальные вопросы социогуманитарного знания : история и современность : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: С.Ф. Самойлов, В.В. Плотников, А.В. Якуба и др. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – Вып. 16. – 344 с.

Сборник объединяет работы как молодых, так и уже состоявшихся ученых по наиболее актуальным вопросам социогуманитарного знания. Проблемы философии, социологии и политологии рассматриваются как в историческом аспекте, так и с позиции современных вызовов, связанных с противодействием экстремизму, терроризму и организованной преступности.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Мукажанов Азамат Еркенович

Использование программно-целевого метода в процессе расследования хулиганства, совершенного группой лиц

В статье рассматриваются отдельные криминалистические методики расследования хулиганства, совершенного группой лиц. Анализируются возможности использования программно-целевого метода в расследовании исследуемой категории преступлений, предлагаются авторские криминалистические программы, позволяющие качественно планировать процесс расследования хулиганства.

Ключевые слова: хулиганство, методика расследования хулиганства, групповая преступность, программно-целевой метод, метод расследования, расследование преступлений, совершенных в составе преступной группы.

Use of the program-target method in the process of investigation of hooliganism committed by a group of persons

The article examines some forensic methods of investigating hooliganism committed by a group of persons. The possibilities of using software the target method in the investigation of the investigated category of crimes, offered author's forensic programs, allowing qualitatively to plan the process of investigation of hooliganism.

Key words: hooliganism, hooliganism investigation technique, group crime, program and target method, investigation method, investigation of the crimes committed as a part of criminal group.

Важнейшей задачей, стоящей перед органами внутренних дел России, является предупреждение такого распространенного и опасного преступления, как хулиганство, посягающее на общественный порядок.

Как верно заметил Е.В. Рябов, одним из главных оценочных критериев эффективности деятельности полиции выступает общественное мнение. Хулиганство зачастую получает широкую общественную огласку. В связи с этим тактически грамотное, основанное на положениях соответствующей криминалистической методики расследование таких преступлений является залогом формирования положительного общественного мнения о деятельности органов внутренних дел [1; 4].

Успех борьбы с хулиганством, в том числе совершаемом группой лиц, зависит от быстроты и качества организации и планирования следственных действий, фиксации и изъятия вещественных доказательств. Отвечающее этим требованиям производство расследования позволяет полно, всесторонне и объективно установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам, предварительное выяснение которых является необходимой предпосылкой правильного разрешения дела в суде. Тем не менее процесс расследования хулиганства,

совершенного группой лиц, имеет определенные сложности.

По результатам анализа судебно-следственной практики, анкетирования практических работников можно выделить следующие проблемы:

сложности квалификации и доказывания совершения преступления группой лиц;

противодействие расследованию со стороны членов преступной группы;

незнание практическими работниками приемов расследования хулиганства и, соответственно, невозможность их применения на практике и др.

Важным направлением повышения качества раскрытия и расследования исследуемой категории преступлений, на наш взгляд, является использование программно-целевого метода.

Данный метод широко известен среди ученых-юристов [2; 3; 4; 5], однако в практической деятельности он используется недостаточно широко. Более 60% опрошенных практических работников знакомы с ним; около 90% респондентов считают его использование необходимым условием эффективного раскрытия и расследования преступлений.

Под программно-целевым методом понимается научный анализ, организация расследования и получение новых знаний по уголовному

делу с помощью заранее разработанных типовых криминалистических программ [6].

Д.Н. Лозовский предлагает следующее определение криминалистической программы: это система рекомендаций по упорядочению деятельности по расследованию преступления, содержащая сведения о последовательности действий (операций, комбинаций), направленных на достижение единого результата [7].

Нами разработан ряд криминалистических программ по организации расследования хулиганства, совершенного группой лиц.

I. Развернутая программа исследования хулиганства, совершенного в составе группы:

1. Кто является потерпевшим? Какие его установочные данные? Личностные характеристики потерпевшего (документы, удостоверяющие личность, официальные запросы, результаты допроса лиц, знавших пострадавшего, использование криминалистических учетов):

1.1. Характер взаимоотношений между потерпевшим и преступниками (показания потерпевшего, подозреваемых (обвиняемых), свидетелей).

1.2. Размер имущественного вреда, причиненного потерпевшему (допрос потерпевшего, экспертизы).

1.3. Наличие телесных повреждений у потерпевшего, степень их тяжести (показания потерпевшего, судебно-медицинская экспертиза).

2. Способ совершения хулиганства (протокол осмотра места происшествия, показания очевидцев):

2.1. Видел ли кто-либо, как потерпевшему были причинены повреждения? (Отдельное поручение органам дознания, допрос очевидцев.)

2.1.1. Имеются ли у подозреваемого (обвиняемого) по месту проживания, месту работы предметы, которые могли быть использованы в качестве орудий или средств преступления? (Проведение обыска (выемки).)

2.2. В чем выражались действия виновных:

2.2.1. В чем особая дерзость нарушения общественного порядка, проявляющаяся в явном неуважении к социуму? (Осмотр места происшествия, допросы потерпевшего, свидетелей, экспертиза.)

2.2.2. Имело ли место уничтожение или повреждение чужого имущества? (Осмотр места происшествия, допросы потерпевшего, свидетелей.)

2.2.3. В чем выразилось совершение непристойных действий, отличающихся исключительным цинизмом? (Осмотр места происшествия, допросы потерпевшего, свидетелей.)

2.2.4. Какова цель незаконного изъятия чужого имущества? (Осмотр места происшествия, допросы потерпевшего, свидетелей.)

2.3.1. Какие действия предпринимались по подготовке и сокрытию преступления? (Осмотр места происшествия, допрос членов преступной группы, допросы свидетелей.)

2.3.2. Какие события предшествовали совершению преступления? (Допрос подозреваемого (обвиняемого), допрос свидетелей.)

2.3.3. Имеются ли очевидцы, владеющие информацией о совершенном преступлении? (Поквартирный и подворный обход, использование систем уличного видеонаблюдения (при наличии).)

2.3.4. Есть ли признаки подготовки к хулиганству? (Осмотр места происшествия, анализ способа преступления.)

3. Кто совершил преступление? (Показания свидетелей, результаты осмотра места происшествия, данные криминалистических учетов и экспертных исследований, оперативные данные, использование систем уличного видеонаблюдения (при наличии).)

3.1. Есть ли сведения, указывающие на совершение преступления группой лиц? (Осмотр места происшествия, допросы потерпевшего, свидетелей.)

3.2. Имеются ли на месте происшествия следы, которые можно использовать для идентификации преступника? (Осмотр места происшествия, использование специальных знаний.)

3.3. Имеются ли лица, совершавшие хулиганство аналогичным способом ранее? (Использование криминалистических учетов.)

3.4. Какова форма вины и мотив хулиганства? (Результаты осмотра места происшествия, показания подозреваемого при его наличии и свидетелей.)

3.5. Сколько лиц участвовало в совершении преступления? (Осмотр места происшествия, допросы потерпевшего, свидетелей.)

3.5.1. Имелся ли между ними предварительный сговор на совершение хулиганства?

3.5.2. Имелось ли распределение ролей среди членов группы при совершении хулиганства? (Допросы потерпевшего, свидетелей, членов преступной группы.)

3.5.3. Какие конкретные действия были выполнены каждым из членов преступной группы при совершении хулиганства? (Осмотр места происшествия, допросы потерпевшего, свидетелей, членов преступной группы, очная ставка.)

3.5.4. Каковы обстоятельства, указывающие на совершение хулиганства группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, преступной группой? (Осмотр места проис-

шествия, допросы потерпевшего, свидетелей, членов преступной группы.)

3.5.5. Какова форма соучастия каждого из лиц, причастных к совершению хулиганства? (Осмотр места происшествия, допросы потерпевшего, свидетелей, членов преступной группы.)

II. Развернутая криминалистическая программа изучения структуры преступной группы (далее – ПГ):

1. Характеристика лидера (руководителя) преступной группы (показания свидетелей и членов группы, сведения криминалистических учетов, документы, подтверждающие факты руководства ПГ, результаты ОРД):

1.1. Установочные данные лидера: фамилия, имя, отчество, возраст, место жительства и иные анкетные данные (обыски и (или) выемки по месту жительства, работы, запросы в госучреждения).

1.2. Наличие у лидера преступного опыта (запросы в информационный центр, проверка по криминалистическим учетам).

1.3 Черты характера лидера группы (допросы членов ПГ, потерпевшего, сведения, полученные из криминалистических учетов).

2. Характеристика иных участников ПГ:

2.1. Установочные данные участников ПГ: фамилия, имя, отчество, возраст, место жительства и др. (обыски и (или) выемки по месту жительства, работы, анализ сведений из социальных сетей).

2.2. Характер взаимоотношений лидера и остальных членов ПГ (показания членов ПГ, лиц, знакомых с лидером и его приближенны-

ми по прошлому месту жительства, работе, учебе, службе, отбыванию наказания и т. п.; обыск и выемка документов, удостоверяющих личность, место учебы, работы, прошлой регистрации и т. п.).

2.3. Организационные, деловые качества, присущие данным лицам (обыски и выемки с целью обнаружения документов об образовании, трудовых книжек; допросы членов ПГ и лиц, знакомых по работе, учебе, службе, отбытию наказания и т. п.; запросы на получение сведений из различных госучреждений; анализ информации из социальных сетей).

2.4. Причастность членов ПГ к совершению иных преступлений (сведения, полученные из оперативных источников, показания членов преступной группы, данные криминалистических учетов).

2.5. Наличие у данных лиц преступного опыта, судимости (запросы в ИЦ, анализ материалов уголовных дел (приговоров) по данным судимостям).

2.6. Характер взаимоотношений между рядовыми членами ПГ (допросы членов ПГ, их знакомых и близких, отдельные поручения органам дознания).

Предложенные нами программы позволяют качественно планировать процесс расследования хулиганства, совершенного группой лиц, что повышает эффективность доказывания. Кроме того, типовая криминалистическая программа может стать одним из методов преодоления противодействия уголовному преследованию при разрешении конфликтной ситуации.

1. Рябов Е.В. *Методика расследования хулиганства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук.* М., 2013.

2. Власов Б.Е., Пожидаев С.Г. *Опыт программно-целевого управления обеспечением правопорядка и безопасности при проведении крупномасштабных мероприятий // Труды Академии управления МВД России.* 2016. № 3(39).

3. Серова Е.Б. *Убийства с целью завладения оружием: программы расследования и особенности производства отдельных следственных действий // Криминалистика.* 2009. № 2(5).

4. Шувалов Д.Н. *Программно-целевой метод расследования преступлений, совершенных организованными преступными группами // Проблемные вопросы эффективности раскрытия и расследования преступлений:*

1. Ryabov E.V. *Methods of investigation of hooliganism: auth. abstr. ... Candidate of Law.* Moscow, 2013.

2. Vlasov B.E., Pozhidaev S.G. *Experience of program-target management of law enforcement and security during large-scale events // Proceedings of the Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia.* 2016. № 3(39).

3. Serova E.B. *Attempted to seize weapons: a programme of investigation and special features of production of separate investigative actions // CSI.* 2009. № 2(5).

4. Shuvalov D.N. *Program-target method of investigation of crimes committed by organized criminal groups // Problems of efficiency of detection and investigation of crimes: collection of theses and articles of the International scientific-practical conference / ed. by S.Yu. Biryukov.* Moscow, 2018.

сборник тезисов и статей Международной научно-практической конференции / под ред. С.Ю. Бирюкова. М., 2018.

5. Лозовский Д.Н. Методы расследования организованной преступной деятельности. СПб.; Майкоп, 2010.

6. Бутырская А.В., Лушин Е.А., Шувалов М.Н. Классификация следственных ситуаций и применение программно-целевого метода при организации расследования создания преступного сообщества (преступной организации) // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 6.

7. Лозовский Д.Н. Криминалистическое учение о методах расследования преступлений и его реализация в практике борьбы с преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011.

5. Lozovsky D.N. Methods of investigation of organized criminal activity. St. Petersburg; Maykop, 2010.

6. Butyrskaya A.V., Lushin E.A., Shuvalov M.N. Classification of investigative situations and application of the program-target method at the organization of investigation of creation of criminal community (criminal organization) // Society: politics, economics, law. 2017. № 6.

7. Lozovsky D.N. Criminalistic doctrine of methods of investigation of crimes and its implementation in the practice of combating crime: auth. abstr. ... Dr of Law. St. Petersburg, 2011.

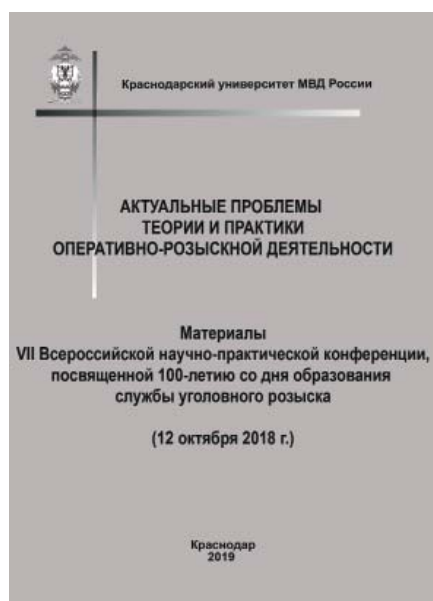
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мукажанов Азамат Еркенович, адъюнкт кафедры криминалистики Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583181.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.E. Mukazhanov, Adjunct of the Chair of Criminalistics of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583181.

ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., 12 окт. 2018 г. / редкол.: А.А. Сафронов, В.В. Стукалов, К.В. Бедарев и др. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – 274 с.

Содержит материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященные современному состоянию и развитию теории и практики оперативно-розыскной деятельности.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Дмитриев Сергей Николаевич

О применении риск-ориентированного подхода при организации контроля в сфере обеспечения транспортной безопасности

В статье рассматриваются проблемы функционирования системы транспортной безопасности России, а также изменения, касающиеся ее правового регулирования. Обосновывается предположение о том, что современные требования к обеспечению транспортной безопасности затрудняют деятельность транспортного комплекса.

Ключевые слова: правовое обеспечение транспортной безопасности, предписания, меры обеспечения, процедуры.

About application risk-focused approach at the organization of control in the sphere of ensuring transport safety

The article deals with the problems of the functioning of the transport security system of Russia, as well as changes concerning its legal regulation. It justifies the assumption that modern requirements for ensuring transport security impede the activities of the transport complex.

Key words: legal provision of transport security, regulations, security measures, procedures.

«Нет предела совершенству!» – тезис, на наш взгляд, спорный применительно к социальным сферам. Любое совершенство пропорционально затраченным ресурсам и, следовательно, достигается за счет перекачки финансовых средств из других сфер. В настоящее время нормативно-правовая база органов управления России включает в себя многочисленные стратегии, концепции, федеральные программы, большинство из которых не предлагает конкретных решений, а только увеличивает бумажный поток и усиливает административно-правовое давление на хозяйствующие субъекты. Гипертрофия данного подхода наиболее явно проявляется в области обеспечения транспортной безопасности (далее – ТБ). Так, в новейших редакциях нормативных правовых актов, регулирующих данное направление и предусматривающих реализацию риск-ориентированного подхода, деятельность субъектов надзора подлжет отнесению к одной из категорий риска. Кроме того, с учетом «тяжести потенциальных негативных последствий возможного несоблюдения обязательных требований» субъекты надзора разделяются на группы тяжести: «А», «Б», «В», «Г», «Д», «Е». Например, группу тяжести «А» составляют субъекты надзора, отнесенные к первой категории объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств. Причем «с учетом вероятности наступления потенциальных негативных последствий возможного несоблюдения субъектами надзора обязательных требований их деятельность разделяется на группы вероятности: 1, 2, 3, 4, 5, 6. Так, к группе вероятности 1 отнесена

деятельность субъектов надзора, на объектах которых за предыдущий календарный год произошли случаи совершения актов незаконного вмешательства, в результате которых причинен вред жизни и (или) здоровью людей, либо был объявлен уровень безопасности 2 или 3», либо их объекты и транспортные средства были «задействованы в подготовке к проведению важных общественно значимых международных мероприятий» и т. п. [1; 2].

Изучив указанные нормативные акты, следует отметить, что предлагаемая в них классификация строится на субъективных оценках официальных мероприятий и сугубо формальных основаниях и методиках. В частности, разработчики данных нормативов не учитывали, что предложенные ими 6 категорий риска, 6 групп тяжести и 6 групп вероятности наступления потенциальных негативных последствий – это средство описания одних и тех же аспектов однопорядковых явлений. В результате существует совокупность производных деклараций, основанных на якобы научном подходе. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать массив нормативных правовых актов, определяющих порядок организации и осуществления ТБ, принятых за последние 12 лет.

Следует отметить, что в современных условиях большинство из них не удается выполнять даже госбюджетным организациям и предприятиям, не испытывающим дефицита финансирования. Более того, противоречивость и неоправданная сложность требований по обеспечению ТБ только затрудняют работу транспортного комплекса. По этой причине система

мер, реализуемых субъектами транспортной инфраструктуры для защиты своих объектов, не соответствует действующим в мире стандартам организации эффективного труда. На наш взгляд, нельзя применять столь дорогостоящие требования на обычных транспортных предприятиях, пропускная способность контрольно-пропускных пунктов которых является крайне высокой. Расширение системы мер по обеспечению ТБ влечет разнообразные организационно-штатные флуктуации и провоцирует дополнительный выпуск всевозможных ведомственных предписаний, нередко игнорирующих важнейшие международные требования и конвенционные условия (например, запрещение избрания наихудшего развития того или иного события в случае обнаружения «актов незаконного вмешательства» (далее – АНВ); привлечение лиц, непосредственно занятых в сфере эксплуатации транспортных средств и опасных объектов транспортной инфраструктуры, к выполнению определенных функций, свойственных охранним структурам; необходимость применения для профилактики АНВ только объективно полученных данных о соответствующих преступлениях и правонарушениях, зафиксированных на определенных объектах, и т. д.) [3].

Если исходить из того, что актуальность той или иной проблемы определяется количеством пострадавших людей, то наиболее опасными «террористами» сегодня следует признать предприятия газораспределительных сетей, производителей одноразовой посуды, мусорные свалки, а также коррупционеров из государственных инспекций. Например, начиная с 1991 г. в морских портах нашей страны не произошло ни одного теракта, однако были зарегистрированы сотни тысяч техногенных аварий и несчастных случаев, связанных с нарушением правил эксплуатации объектов морского транспорта и многочисленными дефектами производственной инфраструктуры. Учитывая, что железнодорожный транспорт является доступным и, следовательно, уязвимым, террористические акты на его объектах совершаются довольно часто, но аварий с тяжкими последствиями здесь происходит в сотни раз больше по причине неудовлетворительного качества транспортных средств, элементов путевой инфраструктуры, а также недостаточной профессиональной подготовки персонала, обслуживающего путевое хозяйство и средства сигнализации железнодорожного транспорта.

Сложившаяся ситуация привела к сдерживанию темпов роста грузооборота и катастрофическому загрязнению окружающей среды. В условиях работы на пределе рентабельности большинство хозяйствующих субъектов направляет миллиарды рублей на предупреждение некой угрозы, вероятность которой

либо имеет бесконечно малую величину, либо не поддается научному прогнозированию в силу «открытости» и других особенностей того или иного транспортного процесса [3; 4; 5]. Нам не удалось найти и десяти российских предприятий, которые готовы в полном объеме выполнить весь комплекс требований ТБ.

Сегодня приходится сталкиваться не только с социально-психологическими, но и политическими оценками сферы ТБ, весьма удобными для оправдания первоочередности решения проблем борьбы с терроризмом, поскольку в транспортной сфере террористические акты практически всегда порождают сильный общественный резонанс. Однако последствия аварий, произошедших из-за дефектов транспортной инфраструктуры, преступной халатности, несоблюдения установленных правил, мер пожарной безопасности и охраны труда, не менее разрушительны для любого государства, которое своевременно не реагирует на происходящее.

Возникает закономерный вопрос: каким образом следует реагировать на сложившуюся ситуацию? Во-первых, необходимо создавать условия, исключающие спекулятивные оценки органами государственного управления уровня безопасности вообще и терроризма в частности. Во-вторых, важно добиться от указанных органов понимания того, что на объектах транспорта, образования, торговли, шоу-бизнеса и т. п. невозможно обеспечить полноценную защиту людей от террористических актов вследствие их сверхвысокой общедоступности. Докимательством тому являются тысячи краж, систематически совершаемых на охраняемых объектах, включая гидротехнические сооружения, склады, терминалы и др. Не помогают ни высокие заборы, ни прочные решетки на окнах, ни усиленная вооруженная охрана, ни панорамные видеокамеры, размещенные на территории предприятий и учреждений. Очевидно, что для подготовленных террористов проникновение на большинство таких объектов не представляет серьезных затруднений.

Несмотря на затраченные средства, система обеспечения ТБ на публичных объектах полностью не справляется с поставленными задачами. Причем это происходит по объективным причинам: из-за низкой пропускной способности систем контроля, неизбежных сбоев в работе круглосуточно действующей аппаратуры, усталости наблюдателей и т. п. Так, например, автоматизированная система оплаты, контроля и учета проезда в пригородном железнодорожном транспорте не может полностью исключить несанкционированное проникновение безбилетных пассажиров.

На основании вышеизложенного приходим к выводу, что вопросами профилактики терроризма

стических проявлений на транспорте должны заниматься исключительно правоохранительные органы, способные своевременно выявлять лиц, готовящих теракты либо способствующих их осуществлению. К сожалению, от представителей ФСБ России, МВД России и охранных структур продолжают поступать предложения о дальнейшем развитии системы обеспечения ТБ в ее традиционном понимании. Однако трудно согласиться с существующей сегодня тенденцией максимально широкого использования сугубо гражданских организаций для защиты от преступлений, предупреждение которых, несомненно, представляет собой крайне сложную задачу. Вызывает недоумение и настойчивое стремление органов государственного управления добиться «высокого профессионального уровня» сил ТБ хозяйствующих субъектов путем законодательного закрепления соответствующих «новаций», требующих значительных материальных затрат со стороны самих предприятий. Однако на транспорте, который по определению выступает источником повышенной опасности, такой значительный отрыв ресурсов из производственной сферы имеет тяжелые последствия, поскольку эксплуатационная безопасность движения транспортных средств в данном случае является несравненно более весомой для сохранения жизни и здоровья сотен тысяч людей.

Следует признать, что основная проблема заключается в отсутствии не только достаточных средств на создание и поддержание устойчивости функционирования системы обеспечения ТБ, но и современной ее идеологии, имеющей четкое научное обоснование.

Разработчики и координаторы мероприятий, предусмотренных как федеральными, так и региональными программами обеспечения ТБ, обычно занимаются лишь теми вопросами, которые отвечают их собственным потребностям, позволяют добиться увеличения выделяемых им кадровых и материально-технических ресурсов и тем самым повысить собственный статус. Показательно, что практически на всех пассажирских транспортных терминалах обязательно присутствуют группы досмотра, состоящие из штатных работников подразделений ТБ, сотрудников ведомственной охраны и частных охранных предприятий, полиции, казачьих формирований и т. п. Но любое избыточное и, по сути, имитационное построение системы безопасности в конечном счете разрушает устойчивое функционирование соответствующей транспортной инфраструктуры, финансирование которой представляет собой серьезнейшую проблему в силу низкой рентабельности, относительно продолжительного периода окупаемости подвижного состава, роста цен на топливо и эксплуатационные материалы.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает анализ стремления производителей технических систем обеспечения ТБ добиться предельно возможной «автономизации» их исполнения, исходя из особого характера террористических угроз. Но в реальных транспортных процессах такие средства наблюдения, контроля доступа и досмотра давно успешно используются. Их несомненными достоинствами являются универсальность, широкая унификация и относительно низкая стоимость. Вместе с тем в настоящее время формируется «особая» нормативная база, определяющая множество частных, таких как специфические требования к средствам видеофиксации. Причем использование указанных средств теперь возможно только после дорогостоящей их сертификации в соответствующих подразделениях силовых органов. Заметим, что данная процедура производится в дополнение к трем десяткам обязательных согласований с органами ФСБ России и МВД России, предусмотренным Федеральным законом от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее – ФЗ «О транспортной безопасности»).

Полагаем, следует сократить этот сонм сугубо бюрократических действий, передав рассматриваемые функции правоохранительным органам, а также отказаться от повсеместного создания специализированных служб ТБ в хозяйствующих субъектах. Заметим, что нормативное определение большинства профессиональных качеств сотрудников данных структур в значительной степени соответствует требованиям, предъявляемым к личному составу спецподразделений МВД России, ФСБ России и других силовых структур. Однако для решения задач, закрепленных в ФЗ «О транспортной безопасности», вполне достаточно положений, содержащихся в следующих федеральных законах: от 26 февраля 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» и от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации» (далее – ФЗ «О войсках национальной гвардии»). Следует отметить, что пока ФЗ «О транспортной безопасности» не учитывает наличие такой силовой структуры, как Росгвардия, которая по определению должна играть ведущую роль в решении проблем ТБ. Согласно ст. 2 ФЗ «О войсках национальной гвардии» и ст. 1 и 5 Федерального закона от 13 декабря 1996 г. 3150-ФЗ «Об оружии» контроль за деятельностью частных охранных предприятий, подразделений ведомственной охраны, их проверки на пригодность к действиям с применением оружия и специаль-

ных средств, контроль за оборотом оружия и многие другие задачи должны решаться именно данной структурой.

Отметим, что главная задача сотрудников предприятий транспортного комплекса состоит в обеспечении эффективного функционирования транспортной системы, что, в свою очередь, связано с необходимостью выполнения огромного числа предписаний, касающихся обеспечения безопасности перевозок, погрузо-разгрузочной деятельности, соблюдения весь-

ма жестких экологических требований, а также охраны собственности и транспортируемых грузов. Успешная реализация указанных задач позволит сохранить жизнь и здоровье населения в неменьшей степени, чем всеобъемлющая борьба с терроризмом. Только при условии развития транспортной системы Россия получит существенное увеличение налоговой базы и реальные возможности для эффективной антитеррористической защиты социально значимых объектов.

1. Об утверждении Положения о Федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности: постановление Правительства РФ от 4 окт. 2013 г. № 880. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Правила о применении риск-ориентированного подхода: постановление Правительства РФ от 17 авг. 2016 г. № 806. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

3. The International Ship and Port Facility Security (ISPS) Code: adopted by resolution 2 of the Conference of Contracting Governments to the International Convention for the Safety of Life at Sea, 1974–2015.

4. О внесении изменений в Положение о Министерстве транспорта Российской Федерации и Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в области транспортной безопасности: постановление Правительства РФ от 19 дек. 2017 г. № 1586. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Порядка аккредитации юридических лиц в качестве подразделений транспортной безопасности и требований к ним: приказ Минтранса России от 1 апр. 2015 г. № 145 (ред. от 02.03.2017). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

1. On the approval of the Federal State Control (oversight) regulation in the field of transport security: decree of the Government of the Russian Federation d.d. Oct. 4, 2013 № 880. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

2. Rules on the application of a risk-oriented approach: decree of the Government of the Russian Federation d.d. Aug. 17, 2016 № 806. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. The International Ship and Port Facility Security (ISPS) Code: adopted by resolution 2 of the Conference of Contracting Governments to the International Convention for the Safety of Life at Sea, 1974–2015.

4. On amending the Regulations on the Ministry of Transport of the Russian Federation and the Regulation on Federal State Control (oversight) in Transport Security: decree of the Government of the Russian Federation d.d. Dec. 19, 2017 № 1586. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

5. On the approval of the Order of accreditation of legal entities as units of transport security and requirements for them: order of the Russian Ministry of Transport d.d. Apr. 1, 2015 № 145 (as amended on 02.03.2017). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитриев Сергей Николаевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России; e-mail: dsdps@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

S.N. Dmitriev, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of of Administrative Activity of Internal Affairs Agencies of the Krasnodar University of the Interior of Russia; e-mail: dsdps@yandex.ru

Пакляченко Марина Юрьевна

Анализ осуществления административного контроля за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса и актуальные способы повышения их защиты

В статье рассматривается административный контроль за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса, осуществляемый сотрудниками, имеющими специальные звания полиции и проходящими службу в подразделениях Росгвардии России. Приводится перечень профилактических мероприятий, направленных на повышение безопасности указанных объектов, и способов взаимодействия контролирующих органов и подконтрольных объектов.

Ключевые слова: административный контроль, безопасность объектов топливно-энергетического комплекса, профилактика административных нарушений.

Reporting the administrative emergency security control of the fuel-power complex facilities implementation and current ways to improve their protection

In article the administrative control of safety of objects of fuel and energy complex exercised by the employees having special ranks of police and serving in divisions of the National Guard of the Russian Federation of Russia is considered. The list of the preventive actions directed to increase in safety of the specified objects interaction of supervisory authorities and controlled objects is provided.

Key words: administrative control, security of the fuel-power complex facilities, prevention of administrative violations.

В теории административного права и процесса существуют принципиальные отличия терминов «государственный контроль» и «административный надзор», несмотря на то что общая концепция о соотношении этих понятий на сегодняшний день не разработана [1]. Безусловно, отождествлять указанные виды деятельности некорректно [2], однако с учетом их общей субъективной принадлежности и с определенной долей условности в рамках научной статьи будем использовать указанные термины как родственные.

Государственный контроль и надзор (далее – ГКиН) – это деятельность, которая осуществляется специально уполномоченными государственными органами по наблюдению за функционированием подконтрольного субъекта и направлена на предупреждение, выявление и пресечение различного рода нарушений законодательства им.

Государственный административный контроль представляет собой функцию государственной власти, которая имеет важное

значение, поскольку ее основной целью является недопущение отклонений от установленных законодательством норм и правил. ГКиН осуществляются специальными органами исполнительной власти в форме проверок организаций, структурно не подчиненных им, и отдельных должностных лиц, что необходимо для стабильной и эффективной деятельности всех субъектов правоотношений в разнообразных сферах деятельности общества и государства: финансовой, сфере обеспечения безопасности (далее – ОБ) и др.

Значение ГКиН в области ОБ объектов топливно-энергетического комплекса (далее – ОТЭК) трудно переоценить, поскольку для указанной сферы характерны связь со всеми отраслями народного хозяйства, наличие развитой производственной инфраструктуры, значительное влияние на экономику государства.

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 30 сентября 2016 г. № 510 «О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации» [3] осуществление

ГКиН за ОБ ОТЭК возложено на данную структуру, т. е. сотрудников, проходящих службу в подразделениях Росгвардии и имеющих специальные звания полиции. Кроме компетенции в части реализации ГКиН за ОБ ОТЭК, они также наделены полномочиями по организации охраны важных государственных и иных объектов, разработке требований к инженерно-техническим средствам охраны (далее – ИТСО), участию в обеспечении общественной безопасности и охране общественного порядка и др.

Анализ деятельности сотрудников, уполномоченных на проведение ГКиН за ОБ ОТЭК и имеющих специальные звания полиции, за 2018 г. показал, что в ходе проверок на 77% ОТЭК выявлено свыше 13 тысяч нарушений обязательных требований по ОБ и составлено соответствующее число протоколов об административных правонарушениях. Установлено более 12 тысяч фактов несоответствия систем физической защиты ОТЭК предъявляемым требованиям или отсутствия на них следующих ИТСО:

- инженерно-технических средств защиты – 6082;
- систем охранной сигнализации – 1633;
- систем сбора и обработки информации – 282;
- систем контроля и управления доступом – 724;
- специальных технических средств досмотра – 363;
- охранных телевизионных систем – 1239;
- систем оперативной связи – 159;
- охранного освещения – 1044;
- систем оповещения – 354;
- электропитания – 200.

Кроме того, обнаружено 460 иных нарушений обязательных требований.

Отметим, что по сравнению с аналогичным периодом 2017 г. количество ОТЭК (86%), состояние безопасности которых не соответствовало установленным требованиям, сократилось на 9%, что свидетельствует о результативности принимаемых территориальными контролирующими органами Росгвардии России мер административного характера в отношении субъектов ТЭК.

Одним из принципиально значимых направлений в указанной сфере является предупреждение угроз и нарушений норм и правил безопасности ОТЭК, что определяет актуальность обеспечения единого подхода к формированию профилактических действий по недопущению нарушений в области ОБ ОТЭК.

Указанные мероприятия осуществляются на основании ежегодно разрабатываемых территориальными органами ГКиН программ профилактики нарушений обязательных требований [4]. Содержание таких программ, как правило, предусматривает следующее:

1. Размещение на официальном сайте территориального органа, осуществляющего ГКиН, в сети Интернет списков нормативных и нормативно-технических документов, содержащих обязательные требования, оценка выполнения которых составляет предмет административного контроля.

2. Информирование подконтрольных организаций по вопросам исполнения обязательных требований доступными способами и средствами, а именно:

разработка по решению руководителя органа, осуществляющего государственный административный контроль, брошюр или схем, иных инфографических материалов и методических рекомендаций по исполнению обязательных законодательных и нормативно-технических требований субъектами ТЭК.

В случае внесения изменений в правовые и нормативно-технические акты, касающиеся обязательных требований, подразделения ГКиН должны подготовить соответствующие разъяснения, кроме того, должны быть даны комментарии новелл, внесенных в действующую законодательную базу, регламентирующую вопросы ОБ ОТЭК, а также необходимых управленческих и организационно-технических процедур по внедрению и обеспечению соблюдения обязательных требований ОБ подконтрольными объектами.

Данное мероприятие является особо значимым при рассмотрении вопросов реализации требований и норм законодательства в области ОБ ОТЭК с позиции их технического оснащения. Приведенная выше статистика нарушений доказывает, что у большинства субъектов ТЭК отсутствует должное понимание приоритетности реализации защитных мероприятий с использованием технических устройств и систем физической защиты объектов;

регулярное проведение с подконтрольными организациями деловых бесед и персонализированных консультаций по вопросам толкования обязательных требований по ОБ ОТЭК и способов их практической и оптимальной реализации, выгодной с экономической точки зрения для субъектов ТЭК.

Такой способ взаимодействия подконтрольных объектов и должностных лиц органов, осу-

ществляющих ГКиН, является результативным, поскольку обеспечивает:

оперативное и актуализированное информирование об изменениях, внесенных в нормативные правовые акты и методические документы, регламентирующие правоотношения в сфере ОБ ОТЭК;

совместную формулировку целей, сроков и объема проведения проверочных мероприятий с возможностью их корректировки;

доведение информации об итогах проводимых контрольных и надзорных мероприятий, состоянии соблюдения законодательства в соответствующей сфере, в том числе и о случаях его нарушения;

подготовку предложений по совершенствованию законодательства [5] и разработку государственных программ.

Ежегодно органы контроля участвуют в подготовке докладов об осуществлении ГКиН, в том числе в электронной форме, и представляют их в Правительство РФ, тем самым осуществляя информационное обеспечение указанного вида деятельности. Очевидно, что доклады, отражающие результаты взаимодействия государственных органов, осуществляющих административный надзор, и подконтрольных организаций, будут вносить весомый вклад в совершенствование законодательства в сфере ТЭК.

Крайне важно, на наш взгляд, наладить взаимодействие на всех уровнях, что обеспечит более эффективную комплексную защиту ОТЭК. С целью выработки единого подхода и оказания методической помощи субъектам ТЭК необходимо проводить совещания и заседания антитеррористических комиссий с участием представителей Росгвардии и сотрудников специализированных предприятий, совместные учения и тренировки по отработке действий персонала ОТЭК при угрозе совершения теракта, а также готовить рекомендации по устранению выявленных недостатков.

3. Обобщение и систематизация итогов практического осуществления соответствующей деятельности ГКиН в форме статистической отчетности и информационно-справочных аналитических материалов, освещение типовых и частных случаев нарушения требований, разработка порядка действий, которые должны быть предприняты субъектами ТЭК во избежание подобных нарушений.

По результатам обобщения административной практики территориальный орган на регулярной основе размещает на своем офи-

циальном сайте в сети Интернет следующую информацию: статистические данные о количестве проведенных контрольно-надзорных мероприятий; список типичных нарушений законодательства; сведения о субъектах ТЭК, привлеченных к административной ответственности, с указанием основных видов правонарушений.

4. Выдача предостережения о недопустимости нарушения обязательных требований.

При наличии у контролирующего органа информации о готовящихся правонарушениях или их признаках, в том числе содержащейся в обращениях и заявлениях граждан (за исключением анонимных), органов государственной власти и местного самоуправления или поступившей из средств массовой информации, территориальный орган направляет предостережение субъекту и предлагает ему принять меры по обеспечению реализации законных требований, после чего в установленный срок уведомить его об устранении нарушений.

Подготовку и направление указанного документа следует производить оперативно – не позднее 30 дней со дня получения уполномоченным лицом органа ГКиН соответствующих сведений. В предостережении должны указываться соответствующие требования, а также сведения о том, какие конкретно мероприятия подконтрольные субъекты ТЭК должны или могут произвести во избежание нарушений.

Срок направления субъектами ТЭК в подразделение ГКиН территориального органа информации об исполнении предостережения рационально ограничить двумя месяцами (со дня направления предостережения). Кроме того, субъекты могут направлять в территориальный орган ГКиН возражения по существу полученного предостережения.

В заключение отметим, что приведенный перечень видов и форм профилактических мероприятий не является исчерпывающим. При разработке программы мероприятий предупредительного характера в области нарушения ОБ ОТЭК органы ГКиН вправе включать в нее меры, эффективность которых доказана практически или их виды и содержание определены решением руководителей.

Приведенный выше комплекс мероприятий, на наш взгляд, может быть нормативно закреплён в отраслевом правовом акте, например, в приказе Росгвардии России, утверждающем Административный регламент исполнения Феде-

ральной службой войск национальной гвардии РФ государственной функции по осуществлению федерального государственного контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов ТЭК, в частности, в разделах первом, ха-

рактеризующем правовой статус должностных лиц контролирующего органа и контролируемых субъектов ТЭК, а также третьем, определяющем состав и сроки выполнения административных процедур.

1. Лапина М.А. Сущность государственного контроля (надзора) и генезис его законодательного определения // *Финансы: теория и практика*. 2016. № 20(4).

2. Зырянов С.М. *Административный надзор полиции: учебное пособие*. М., 2012.

3. О Федеральной службе войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 30 сент. 2016 г. № 510 // *Собр. законодательства РФ*. 2016. № 41. Ст. 5802.

4. Программа профилактики нарушений обязательных требований, соблюдение которых оценивается Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации при осуществлении федерального контроля (надзора) за обеспечением безопасности объектов топливно-энергетического комплекса на 2018 г. URL: <http://rosgvard.ru/ru/page/index/kontrol-za-obespecheniem-bezopasnosti-obektov-toplivnoenergeticheskogo-kompleksa> (дата обращения: 10.02.2019).

5. Пакляченко М.Ю. *Административное правоприменение в области контроля обеспечения безопасности объектов топливно-энергетического комплекса // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии*. 2018. № 4-3(4).

1. Lapina M.A. *The essence of the state control (supervision) and the genesis of its legislative definition // Finance: theory and practice*. 2016. № 20(4).

2. Zyryanov S.M. *Administrative supervision of the police: tutorial*. Moscow, 2012.

3. *About Federal service of the National Guard Troops of the Russian Federation: the decree of the President of the Russian Federation from Sept. 30, 2016 № 510 // Coll. of legislation of the Russian Federation*. 2016. № 41. Art. 5802.

4. *The program for the prevention of violations of mandatory requirements, compliance with which is assessed by the Federal Service of Forces of the National Guard of the Russian Federation in the implementation of federal control (supervision) over ensuring the security of fuel and energy complex facilities for 2018 year*. URL: <http://rosgvard.ru/ru/page/index/kontrol-za-obespecheniem-bezopasnosti-obektov-toplivnoenergeticheskogo-kompleksa> (date of access: 10.02.2019).

5. Paklyachenko M.Yu. *Administrative enforcement in the control flow the security of the fuel and power complex objects // Public safety, law and order in the III millennium*. 2018. № 4-3(4).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пакляченко Марина Юрьевна, кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры радиотехнических систем и комплексов охранного мониторинга Воронежского института МВД России; e-mail: marina_lion@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.Yu. Paklyachenko, Candidate of Technical Sciences, Senior lecturer of a Chair of Radio Engineering Systems and Security Monitoring Systems of the Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: marina_lion@mail.ru

Светлова Анна Павловна

Имплицитные нормы исчисления срока задержания в рамках административного производства

В статье рассматриваются положения действующего законодательства, определяющие исчисление срока задержания, административного задержания, административного задержания лица в состоянии опьянения, понятие о котором включает в себя максимальный временной предел внесудебного ограничения свободы лица. Исследуются процессуальные документы, их значение и юридическое равенство при достижении основополагающего принципа правосудия – восстановления социальной справедливости путем применения наказания.

Ключевые слова: задержание, административное задержание, срок административного задержания, меры обеспечения производства, уполномоченное должностное лицо, протокол, возбуждение дела об административном правонарушении.

Implicit standards for calculating the period of detention in the framework of administrative proceedings

The article discusses the provisions of the current legislation, judicial practice defining the calculation of the period of detention, administrative detention, administrative detention of a person intoxicated, the concept of which includes, first of all, the maximum time limit of extrajudicial restriction of freedom of a person. Procedural documents, their meaning and legal equality in the achievement of the fundamental principles of justice – the restoration of social justice through the application of punishment are examined.

Key words: detention, administrative detention, term of administrative detention, measures to ensure production, authorized official, protocol, initiation of an administrative violation case.

Признание человека, его прав и свобод наивысшей ценностью предполагает создание надлежащих социальных условий, обеспечивающих безопасную жизнедеятельность, нормальное функционирование общественных и государственных институтов. Важным фактором обеспечения защиты интересов социума и государства является система правовых мер, направленных на создание нормальных условий для жизни и деятельности граждан, а также государственных органов, общественных объединений и должностных лиц с целью реализации возложенных на них полномочий.

Такие меры предусмотрены федеральными законами, определяющими понятие, значение, сроки задержания, сроки административного задержания, сроки административного задержания лица, находящегося в состоянии опьянения. Соответствие указанных мер конституционно-правовому смыслу понятия «лишение свободы», которое имеет более широкое значение, является предметом нашего исследования.

Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению данной проблемы, обозначим основополагающие моменты ее правового регулирования.

Так, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» предписывает исчисление срока задержания с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. Срок административного задержания исчисляется в соответствии с законодательством об административных правонарушениях (ч. 4 ст. 14 КоАП РФ) [1] – с момента доставления [2]. Доставка должностными лицами органов внутренних дел (полиции) осуществляется в служебное помещение органа внутренних дел (полиции) (ст. 27.5 КоАП РФ) или в помещение органа местного самоуправления сельского поселения (п. 1 ч. 1 ст. 27.2 КоАП РФ).

Глава 27 КоАП РФ посвящена применению мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, которые одновременно являются мерами принуждения.

Следовательно, административное задержание и доставление законодателем определены как меры принуждения, призванные в дальнейшем обеспечить административное производство.

Под административным задержанием понимается кратковременное ограничение свободы физического лица, которое может быть применено в исключительных случаях (ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ). Законодатель определяет

четкие временные пределы применения данной меры – они не должны превышать 3 ч, а в отдельных случаях 48 ч (ст. 27.5 КоАП РФ). Доставка предписано осуществлять в возможно короткий срок (ст. 27.2 КоАП РФ).

Судебная и правоприменительная практика органов внутренних дел по составлению процессуальных документов, основанная на нормах отраслевого права, свидетельствует о необходимости разъяснения должностным лицам органов исполнительной власти (полиции), уполномоченным применять меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, порядка исчисления срока задержания.

Согласно ст. 22 Конституции Российской Федерации каждый гражданин имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До вынесения соответствующего постановления лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 ч [3].

Таким образом, Оновной закон России определяет четкие временные пределы допустимых ограничений, независимо от их отраслевых юридических характеристик и целевого предназначения, права на свободу и личную неприкосновенность, если фактическим следствием их применения является лишение (ограничение) свободы.

Исходя из вышеизложенного возникает вопрос: в чем заключается имплицитность таких, на первый взгляд, логически верно выстроенных правовых норм?

Действительно, большинство официальных документов перегружено различными сложными синтаксическими конструкциями, специальными терминами и повторами. Толкование, или интерпретация, права – это процесс, который направлен на понимание норм права и последующее донесение их смысла до обычных граждан. Необходимость толкования закона связана с различной формулировкой норм в правовых актах, что приводит к разному, зачастую противоположному, их пониманию [4].

Вольное толкование правовой нормы представителем органов исполнительной власти недопустимо в принципе. Данную функцию осуществляют высшие судебные органы власти государства посредством вынесения постановлений.

Сотрудник полиции действует в рамках закона. Норма, определяющая срок административного задержания, адресована не простому обывателю, а должностному лицу, уполномоченному государством применять меры принуждения. Следовательно, на него возлагается

не только морально-нравственная ответственность, но и правовая, выражающаяся в привлечении сотрудника к дисциплинарной, административной, уголовной ответственности.

Поэтому в нормах права, даже отсылочных, крайне важна ясность, четкость предписаний, логичность действий и, главное, их правовых последствий.

Ситуация, складывающаяся при осуществлении любой из мер принуждения (ст. 27.1 КоАП РФ), неоднозначна, т. к. ограничивает конституционные права граждан, но обоснована обстоятельствами, четко регламентированными законом. Применение нескольких последовательно осуществляемых мер принуждения приобретает особую значимость, т. к. время ограничения свободы лица значительно увеличивается.

Итак, федеральный законодатель определяет исчисление срока задержания с момента фактического ограничения свободы передвижения лица. При этом в административном порядке процессуально не обязывает должностных лиц полиции фиксировать данные полномочия, т. е. протокол не составляется. Законодатель постановляет срок административного задержания исчислять в соответствии с КоАП РФ, т. е. с момента доставления.

Административное задержание и доставление – это меры, обеспечивающие дальнейшее производство по делу об административном правонарушении и оформляющиеся соответствующими протоколами.

Время, затрачиваемое сотрудником (должностным лицом) на осуществление доставления, четко не регламентировано – «в возможно короткий срок». Данный критерий определяется в каждом конкретном случае с учетом объективных обстоятельств: погодных условий, наличия транспортного средства, инфраструктуры местности, удаленности места пресечения правонарушения от служебных и иных помещений.

Только с момента доставления в подразделение полиции исчисляется время (срок) административного задержания, которое будет включено в срок административного ареста по решению суда в качестве меры административной ответственности (ст. 3.9 КоАП РФ).

Время «с момента фактического ограничения свободы передвижения лица» до «препровождения в служебное помещение органа внутренних дел (полицию)» не включается в срок административного задержания, т. к. задержание в рамках административного производства сопровождается протоколом об административном задержании, который, согласно требованию законодателя, составляется толь-

ко после доставления. Следовательно, данный промежуток времени не будет впоследствии компенсирован судом и включен в срок административного ареста.

При этом законодатель четко указывает на то, что уже первое действие должностного лица – «с момента фактического ограничения свободы передвижения лица» – является фактом, ограничивающим конституционные права граждан на свободу и личную неприкосновенность [3], представляющие особую ценность в демократическом государстве, а значит, находящиеся под пристальным вниманием общественности и надзирающих органов.

Доставление с применением такой меры обеспечения производства, как прохождение медицинского освидетельствования на состояние опьянения, еще более усугубляет ситуацию и правовые последствия не только в отношении правонарушителя, но и должностного лица, осуществившего данную меру принуждения либо вынесшего решение о привлечении деликвента к административной ответственности. Но именно такая последовательность действий определена в законодательстве в отношении лица, находящегося в состоянии опьянения и совершившего административное правонарушение, что, на наш взгляд, справедливо и законно.

По определению законодателя, целью доставления является составление протокола об административном правонарушении, если это невозможно сделать на месте выявления административного правонарушения (ст. 27.2 КоАП РФ). В случае если задерживаемое лицо предположительно находится в состоянии опьянения, сотрудник полиции не может составить протокол на месте, т. к. не обладает соответствующими профессиональными знаниями в сфере медицины и здравоохранения. А без подтверждения (опровержения) врачом достаточных оснований полагать, что подозреваемый в совершении правонарушения находится в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или любого токсического), возможность привлечения его к административной ответственности исключена (ст. 24.5 КоАП РФ). Поэтому закон предписывает направлять таких лиц на медицинское освидетельствование. Критерии опьянения установлены федеральным органом исполнительной власти в сфере здравоохранения [5].

В соответствии с КоАП РФ медицинское освидетельствование, наряду с доставлением и административным задержанием, является одной из мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, связанных с принудительным ограничением

свободы. В протоколе о направлении на медицинское освидетельствование указываются дата и, что в нашем случае особенно важно, время его составления, а также место, основания направления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ст. 27.2.1 КоАП РФ).

Следовательно, в случае совершения административного правонарушения лицом, находящимся в состоянии опьянения, протокол о направлении его на медицинское освидетельствование является первым протоколом применения мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, т. е. предшествует протоколу доставления.

Составление протокола о применении любой меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении (ст. 27.1 КоАП РФ) является моментом, с которого дело об административном правонарушении считается возбужденным.

Таким образом, законодатель определяет, что протокол о направлении на медицинское освидетельствование и протокол о доставлении являются равными, юридически значимыми процессуальными документами, имеющими одинаковые правовые последствия.

Возбуждение дела об административном правонарушении – начальная стадия административного производства, целью которого выступает привлечение лица к административной ответственности с назначением административного наказания. Одним из видов последнего является административный арест, в срок которого включается срок административного задержания (ст. 3.9 КоАП РФ).

При этом меры, обеспечивающие дальнейшее производство по делу об административном правонарушении, являются одновременно и мерами принуждения в той степени, в которой они обязывают выполнять законные распоряжения или требования сотрудников органов внутренних дел.

Анализ императивных правовых норм, определяющих срок задержания с момента фактического ограничения свободы передвижения лица, а срок административного задержания с момента доставления, свидетельствует об отсутствии немаловажного связующего звена – срока (времени), отведенного для прохождения медицинского освидетельствования.

Если следовать букве закона, то с точки зрения логики и права необходимо увеличить время задержания лица, совершившего правонарушение в состоянии опьянения.

В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, как действия сотрудника полиции согласовать с конституционно-правовым смыслом понятия «лишение свободы», которое имеет более широкое значение и охватывает любые вводимые в отраслевом законодательстве меры ограничения, если они фактически влекут лишение свободы (например, санкция за правонарушение или принудительные меры, обеспечивающие производство по делу, – доставление, направление на медицинское освидетельствование). Различие понятий «лишение свободы» и «ограничение свободы» состоит лишь в степени или интенсивности наказания, а не его характере или сути; их восприятие должно базироваться не на формальных, а на существенных признаках, таких как принудительное пребывание в ограниченном пространстве, изоляция человека от общества и семьи, невозможность свободного передвижения и общения с неограниченным кругом лиц [6].

Как следует поступать сотруднику полиции, которого закон обязывает применять такую меру принуждения, как медицинское освидетельствование, в случае совершения лицом противоправного деяния в состоянии опьянения и при этом процессуально отражать правовой смысл указанного действия, в основе которого находятся четкие временные пределы внесудебного лишения свободы?

Ответ на данный вопрос растворяется в отсылочных нормах действующего законодательства, не имеющего четко проработанного механизма, позволяющего в дальнейшем учитывать время, затраченное на прохождение медицинского освидетельствования, в счет административного ареста, как и доставление.

На практике суды, руководствуясь теми же нормами отраслевого права, выносят решения о привлечении лица к административной ответственности с применением административного ареста в качестве меры наказания исходя из различных подходов к вопросу восстановления социальной справедливости в отношении лица, совершившего административное правонарушение в состоянии опьянения [6].

Такая ситуация возникает вследствие применения имплицитных норм, определяющих исчисление срока задержания, административного задержания, административного задержания лица в состоянии опьянения.

Возможно, необходимость придавать данной ситуации такую значимость отсутствовала бы, поскольку состояние опьянения всегда является отягчающим обстоятельством при совершении противоправного деяния, если бы не

основной принцип права – законность и юридическое равенство, выражающий его сущность и социальную обусловленность, не допускающий в рамках производства, в том числе по делам об административных правонарушениях, любое отступление от закрепленных в Конституции Российской Федерации гарантий свободы и личной неприкосновенности, к числу которых относится и запрет задержания лица до судебного решения на срок более 48 ч.

Подводя итог, отметим, что федеральный закон – это правовой акт, императивные нормы которого не терпят разночтения, не подлежат изменению по инициативе его адресатов. Им руководствуются уполномоченные должностные лица, на которых государством возложена соответствующая обязанность для совершения юридически значимого действия. Должностное лицо (государственный орган) не может уклониться от неиспользования права для осуществления предписанного законом действия и выстраивает свое поведение соответствующим образом.

В правовых нормах, даже отсылочных, крайне важна ясность, четкость предписаний, логичность последующих действий, наличие возможности предвидения правовых последствий указанных действий.

Имплицитные нормы исчисления срока задержания в рамках административного производства создают неопределенность ответа законодателя на возникающие вопросы практики об их соответствии конституционно-правовому смыслу понятия «лишение свободы», которое имеет более широкое значение и четко определенный временный предел внесудебного ограничения свободы лица.

Сотрудник полиции как представитель исполнительной власти, уполномоченный осуществлять задержание, административное задержание, задержания лица, находящегося в состоянии опьянения, в настоящее время действует в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Требовать выполнения обязанностей, возложенных на полицию, по применению мер принуждения, не урегулировав вопрос в правовом поле, – это огромная ответственность, имеющая не абстрактные, а реальные очертания, прежде всего в отношении должностного лица, выражающаяся в привлечении его к дисциплинарной, административной, уголовной ответственности. Следовательно, федеральному законодателю необходимо принять безотлагательные меры по совершенствованию механизма реализации данных полномочий.

1. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ. URL: <http://consultant.ru>

3. Конституция Российской Федерации. М., 1993.

4. Шашек В.В., Харченко Н.А. Проблема ясности языка законодательства и множественности интерпретаций текстов законов (на материале статей Гражданского кодекса Российской Федерации) // Молодой ученый. 2016. № 7.

5. О порядке проведения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (алкогольного, наркотического или иного токсического): приказ Минздрава России от 18 дек. 2015 г. № 933н.

6. По делу о проверке конституционности части 4 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой гражданина Е.С. Сизикова: постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2016 г. № 25-П. URL: <http://consultant.ru>

1. On the Police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 № 3-FL. URL: <http://consultant.ru>

2. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: fed. law d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL. URL: <http://consultant.ru>

3. The Constitution of the Russian Federation. Moscow, 1993.

4. Shashek V.V., Kharchenko N.A. The Problem of Clarity of the language of legislation and the multiple interpretations of the texts of laws (on the material of the articles of the Civil Code of the Russian Federation) // Young scholar. 2016. № 7.

5. On the procedure for conducting a medical examination for intoxication (alcoholic, narcotic, or other toxic): order of the Ministry of Health of Russia d.d. Dec. 18, 2015 № 933n.

6. In the case of the verification of the constitutionality of Part 4 of Article 27.5 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen E.S. Sizikova: resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation d.d. Nov. 17, 2016 № 25-P. URL: <http://consultant.ru>

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлова Анна Павловна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры специальных дисциплин Краснодарского университета МВД России; тел.: + 79182623449.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.P. Svetlova, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Special Disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; tel.: + 79182623449.

Административно-правовое регулирование обязательного медицинского страхования в России

В статье рассматриваются особенности административно-правового регулирования обязательного медицинского страхования в России. Автор приходит к выводу о существовании ряда недостатков в законодательном регулировании оказания бесплатной медицинской помощи гражданам России. Отмечает необходимость участия в реализации территориальных программ обязательного медицинского страхования всех медицинских организаций, способных ее оказать, в обязательном, а не в добровольном уведомительном порядке, который предусмотрен в настоящее время.

Ключевые слова: медицинская помощь, государственные гарантии, страхование, полис обязательного медицинского страхования, страхователи, застрахованные лица.

Administrative and legal regulation of compulsory medical insurance in Russia

The article discusses the features of administrative and legal regulation of compulsory medical insurance in Russia. Based on an analysis of the legislation, the author comes to the conclusion that there are a number of flaws in the legislative regulation of the provision of free medical care to Russian citizens. It is noted that it is necessary to attract all medical organizations that are able to provide it for the provision of medical care in the framework of the implementation of territorial obligatory medical insurance programs, in a compulsory, rather than voluntary, notification procedure that is currently envisaged.

Key words: health care, state guarantees, insurance, policy of compulsory medical insurance, insured, insured persons.

Зарождение страховой медицины в России связано с созданием касс взаимопомощи для рабочих капиталистических предприятий. Медицинское страхование изначально было направлено на оплату медицинской помощи пациентам, которых уравнивали между собой и страховали от возможных болезней и несчастных случаев. Такое страхование могло быть обязательным или добровольным. Обязательность медицинского страхования подчеркивает принудительный характер страховых взносов, которые являются одним из источников финансирования здравоохранения. В зависимости от основы финансирования медицинское страхование делится на несколько видов, каждый из которых имеет как свои преимущества, так и недостатки. В данной статье предлагаем рассмотреть проблемные вопросы, связанные с обязательным медицинским страхованием (далее – ОМС) в России.

В качестве альтернативы ОМС может выступать государственная монополия в здравоохранении, исключающая конкуренцию медицинских организаций и специалистов, которые обеспечиваются клиентами независимо от качества и эффективности своей деятельности. Использование системы ОМС нивелирует обозначенную проблему, т. к. распространяется на медицинские организации любой формы соб-

ственности, а не только государственные. При этом ОМС доступно для всех граждан, независимо от их заработка и места работы.

Так, Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет право гражданина выбрать врача и медицинскую организацию, в которой он желает получить медицинскую помощь (ч. 1 ст. 21) (далее – ФЗ № 323), в порядке, утвержденном уполномоченным федеральным органом исполнительной власти (за исключением случаев оказания скорой медицинской помощи (далее – СМП)). Закон регламентирует выбор только тех медицинских организаций, которые оказывают первичную медико-санитарную или специализированную медицинскую помощь в плановой форме. В любом случае данные организации должны участвовать в реализации территориальной программы ОМС, их замена возможна не чаще одного раза в год, за исключением случаев смены места жительства или пребывания гражданина.

Формирование современной системы ОМС в России завершилось принятием Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 326), регламентирующего оплату предоставленной

услуги (а не финансирование медицинских организаций) и закрепляющего невозможность отказа в ее предоставлении застрахованным лицам. Еще одним важным нововведением является оплата медицинских услуг той медицинской организации, которая их предоставляет, на всей территории России, в том числе оказанных индивидуальными предпринимателями.

Согласно ст. 45 ФЗ № 326 в определении полиса ОМС речь идет об оказании медицинской помощи в объеме, предусмотренном базовой программой ОМС, которая, как и территориальные программы ОМС, является частью Программы государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи, утвержденной Постановлением Правительства РФ (ст. 35, 36 ФЗ № 326). Приказ Минздравсоцразвития России от 28 февраля 2011 г. № 158н «Об утверждении Правил обязательного медицинского страхования» устанавливает единые требования к полису ОМС.

Однако следует отметить, что в административно-правовой регламентации ОМС имеются определенные недоработки.

Так, к поликлинике можно прикрепиться, подав заявление и предъявив полис ОМС, а вопрос замены участкового врача входит в компетенцию главврача поликлиники. Право застрахованного лица на бесплатное оказание медицинской помощи на всей территории РФ и в любой медицинской организации реализуется только в экстренных случаях, когда существует угроза жизни (гликемическая кома, внутреннее кровотечение, роды, сердечный приступ, криз и т. д.). В других ситуациях предоставление первичной медицинской помощи взрослому населению осуществляется по профилю «терапия» в соответствии с территориально-участковым принципом.

Какой бы спецификой ни обладало медицинское страхование, основная обязанность страховщика – выплата определенной денежной суммы (денежное обязательство), что следует из дефиниции договоров имущественного и личного страхования (п. 1 ст. 929, п. 1 ст. 934 ГК РФ). В связи с этим достаточно спорной представляется позиция П.З. Иванишина, полагающего, что «страховщик несет ответственность за лечебное учреждение (привлеченное третье лицо) путем устранения изъянов предоставленной медицинской помощи, компенсируя нанесенный застрахованному вред» [1, с. 62]. Согласиться с этим утверждением нельзя, т. к. у страховщика изначально отсутствует обязанность предоставлять медицинские услуги, даже через третьих лиц. Он несет перед застрахованными лицами только денежные обязательства

(финансирование медицинской помощи в переделах, предусмотренных программой ОМС) [2, с. 37–40].

Оказание СМП возможно в амбулаторных или стационарных условиях в экстренной или неотложной формах, а также вне медицинских организаций. При этом не всегда у гражданина при себе имеется полис ОМС, а обязательность его предъявления предусмотрена во всех случаях, кроме экстренной формы медицинской помощи (угроза жизни). При невозможности установить личность пациента (отсутствие документов, тяжелое состояние) возникает необходимость в ее идентификации, а для этого предполагаемые сведения о нем передаются в Территориальный фонд ОМС для проверки наличия полиса в Едином регистре застрахованных лиц (п.п. 11 п. 9 приказа Минздравсоцразвития России от 28 февраля 2011 г. № 158н).

Исходя из вышеизложенного, на наш взгляд, необходимо внедрять идентификационные системы в ОМС, например, дактилоскопическую или геномную регистрацию застрахованных пациентов. В случае отсутствия у пациента страхования по ОМС или невозможности его идентифицировать в системе ОМС СМП (в том числе скорая специализированная) оказывается за счет региональных средств, как и в случае оказания медицинской помощи новорожденным, не оформленным в системе ОМС, отказ в предоставлении которой недопустим.

Реализацией предоставления медицинских услуг, предусмотренных программами ОМС, занимаются государственные медицинские организации федерального, регионального и местного уровней, а также частные. Степень заинтересованности каждой из них в оказании качественной медицинской помощи, как правило, различна из-за минимальных тарифов, установленных на оплату данной услуги. С нашей точки зрения, такая ситуация логична и ожидаема, изменить ее можно только путем увеличения оплаты оказываемой медицинской помощи – по полному тарифу. В результате каждая медицинская организация будет стараться оказывать помощь на самом высоком уровне, чтобы привлечь как можно больше пациентов. Для этого необходимо обязать все медицинские организации оказывать медицинские услуги в рамках реализации территориальных программ ОМС вместо добровольного уведомительного порядка, который предусмотрен в настоящее время. Это также повлияет на повышение качества предоставляемых услуг.

Именно такая формула предоставления медицинских услуг должна быть реализована в нашей стране.

Согласно ст. 41 Конституции РФ медицинская помощь гарантируется государством на бесплатной основе за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. Однако за предоставление бесплатной медицинской помощи гражданам расходы несет не только государство и в определенных законом случаях страхователи, но и иные лица – работодатели и сами граждане, осуществляющие трудовую деятельность.

ФЗ № 326 определяет страхователей для работающего и неработающего населения (ст. 11). Для работающих граждан страхователи делятся на две категории: тех, кто производит выплаты своим сотрудникам и из них исчисляет взносы, и тех, кто сам обеспечивает себя работой и платит взносы со своих трудовых доходов. К первой категории относятся организации, индивидуальные предприниматели и физические лица, не признаваемые индивидуальными предпринимателями. Во вторую входят самозанятые граждане: индивидуальные предприниматели, занимающиеся частной практикой нотариусы, адвокаты, арбитражные управляющие.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 430 Налогового кодекса РФ страховой взнос на ОМС в фиксированном размере составил за расчетный период 2018 г. 5 840 руб., 2019 г. – 6 884 руб., за 2020 г. – 8 426 руб.

Для неработающих граждан страхователями являются органы исполнительной власти субъектов РФ и иные организации, определенные Правительством РФ (например, дислоцированные за пределами РФ воинские формирования, военные суды и т. п.) [3].

Федеральным законом от 30 ноября 2011 г. № 354-ФЗ «О размере и порядке расчета тарифа страхового взноса на обязательное медицинское страхование неработающего населения» установлен тариф в размере 18 864,6 рублей.

Анализируя приведенные цифры, можно отметить, что доля медицинской помощи за счет средств ОМС в последние годы существенно возросла, однако данная тенденция не должна прекращаться, как и увеличение количества граждан, застрахованных в рамках ОМС.

Например, сотрудники органов внутренних дел, как и остальные граждане РФ, имеют право на бесплатную медицинскую помощь на всей территории России. Однако согласно Федеральному закону от 29 июля 2018 г. № 2686 полис ОМС сотрудника ОВД при поступлении на службу признается недействительным, т. е. обязательное медицинское страхование прекращается. При этом сотрудник ОВД должен сдать свой полис ОМС в любую

страховую медицинскую организацию или территориальный фонд ОМС лично либо через своего представителя (ст. 49.1 ФЗ № 326). За неисполнение этой обязанности ему грозит дисциплинарная ответственность. МВД России включено в перечень органов, обязанных осуществлять контроль за выполнением сотрудниками ОВД обязанности по сдаче недействительных полисов ОМС посредством информационного взаимодействия с Федеральным фондом ОМС (ч. 7 ст. 49 ФЗ № 326), который, в свою очередь, должен предоставлять доступ к Единому регистру застрахованных лиц, а также использования единой системы межведомственного электронного взаимодействия путем направления запросов о предоставлении сведений о конкретном застрахованном лице (ч. 5 ст. 49.1 ФЗ № 326).

Думается, что целью данной процедуры является уточнение сведений о застрахованных лицах и, как следствие, уменьшение платежей на ОМС, которые ранее выделялись на отдельные категории лиц, в том числе сотрудников ОВД, получающих медицинскую помощь в медицинских организациях за счет средств федерального бюджета. При этом, на наш взгляд, законодателю следовало бы предусмотреть процедуру аннулирования полиса ОМС сотрудника ОВД (без его участия) и невозможность выдачи его действующим правоохранителям вместо возложения на сотрудника ОВД дополнительных обязанностей.

Отдельным объектом исследования является обоснование неправильности заполнения документов по ОМС. На наш взгляд, врач должен писать только диагноз, а остальные данные должны вноситься юридически грамотным сотрудником, т. к. из-за ошибок, допущенных врачом, страховые выплаты пациентам не осуществляются.

Одним из актуальных предложений является введение специальных административных норм, предусматривающих ответственность за нарушения в сфере ОМС. Статьи Особенной части КоАП РФ закрепляют ответственность лишь за нарушение правил информирования граждан об условиях осуществления деятельности в сфере ОМС (ст. 6.30, 15.33.1). Существенным нарушением, требующим установления административной ответственности, считаем выдачу умышленно и (или) по халатности сотрудника страховой медицинской организации полиса ОМС лицу, не подлежащему страхованию по ОМС в соответствии с законом. Подобное предложение выдвигалось и ранее, но не нашло должной

поддержки, однако оно не потеряло своей актуальности.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что обозначенные проблемы административно-правового регулирования системы ОМС в России не являются исчерпывающими, т. к. повышение качества и доступности меди-

цинской помощи зависит от заинтересованности страховых компаний в предоставлении гражданам лучшего пакета услуг и медицинских организаций в своих клиентах. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование правового регулирования системы ОМС в России.

1. *Иванишин П.З. Гражданско-правовое регулирование договора добровольного медицинского страхования: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2004.*

2. *Козлова Н., Кратенко М. Ответственность страховой медицинской организации перед застрахованными (гражданами) по договорам обязательного и добровольного медицинского страхования // Право и экономика. 2005. № 12.*

3. *Маслова Т.А. Медицинское страхование граждан: новшества, возможности выбора. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2014. Вып. 20.*

1. *Ivanishin P.Z. Civil-legal regulation of a voluntary medical insurance contract: diss. ... Candidate of Law. Kazan, 2004.*

2. *Kozlova N., Kratenko M. Responsibility of an insurance medical organization before the insured (citizens) under contracts of compulsory and voluntary medical insurance // Law and Economics. 2005. № 12.*

3. *Maslova T.A. Citizens health insurance: innovations, choices. 2nd ed., rev. and augm. Moscow, 2014. Iss. 20.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Трусов Александр Игоревич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: Kandidat26@rambler.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

A.I. Trusov, Candidate of Law, Senior Lecturer of the Chair of Administrative Law and Administrative Activity of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: e-mail: Kandidat26@rambler.ru

Проблемы применения правил перевозки детей-пассажиров в салонах легковых автотранспортных средств

В статье анализируются проблемы, связанные с перевозкой детей в салонах легковых автомобилей. Автор рассматривает нормы законодательства Российской Федерации, регламентирующие правила перевозки несовершеннолетних пассажиров, исследует спорные вопросы применения различных видов детских удерживающих устройств.

Ключевые слова: правила дорожного движения, удерживающее устройство, административная ответственность, дети-пассажиры, административные санкции.

Problems of the application of the transportation rules of children-passengers in the salons of automobile vehicles

In article the problems connected with transportation of children in insides of cars are analyzed. The author considers the rules of law of the Russian Federation regulating rules of transportation of minors, investigates controversial issues of application of different types of the children's holding devices.

Key words: traffic rules, holding device, administrative responsibility, children-passengers, administrative sanctions.

В последние годы на дорогах страны растет количество автомобилей и, как следствие, увеличивается интенсивность движения, повышается риск возникновения дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП). Поэтому проблема обеспечения безопасности на дорогах в целом и профилактики и предотвращения детского травматизма и смертности в результате ДТП в частности является актуальной.

Статистика свидетельствует о снижении количества ДТП, однако аварийность по-прежнему остается высокой. По официальным данным ГИБДД, в России с 2016 по 2018 г. зарегистрировано 511 225 ДТП (в 2016 г. – 173 694 ДТП, в 2017 г. – 169432, в 2018 г. – 168099). В 2 917 ДТП пострадали дети (в 2016 г. – 1 028 ДТП, в 2017 г. – 1009, в 2018 г. – 880): 224 ребенка погибло (в 2016 г. – 82 ребенка, в 2017 г. – 82 ребенка, в 2018 г. – 60 детей) и 3438 детей получили ранения (в 2016 г. – 1188 детей, в 2017 г. – 1181 ребенок, в 2018 г. – 1069 детей) [1]. Основная причина – нарушение водителями правил перевозки детей (отсутствие ремней безопасности или удерживающих устройств).

Таким образом, в современных условиях проблема травматизма и смертности детей в ДТП требует особого внимания, т. к. они являются особыми участниками дорожного движения, а их безопасность зависит в первую очередь от внимательности и дисциплинированности водителей.

В ряде зарубежных стран специальные детские удерживающие устройства стали ис-

пользовать уже в 70-е гг. XX в., а в Европе с 1 февраля 1981 г. вступили в силу Правила ЕЭК ООН № 44, содержащие требования к детским удерживающим устройствам.

В России правила перевозки детей закреплены в постановлении Правительства Российской Федерации от 14 декабря 2005 г. № 767 «О внесении изменений в Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090»: «Перевозка детей до 12-летнего возраста в транспортных средствах, оборудованных ремнями безопасности, должна осуществляться с использованием специальных детских удерживающих устройств, соответствующих весу и росту ребенка, или иных средств, позволяющих пристегнуть ребенка с помощью ремней безопасности, предусмотренных конструкцией транспортного средства, а на переднем сиденье легкового автомобиля – только с использованием специальных детских удерживающих устройств» [2].

12 июля 2017 г. вступило в силу постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 2017 г. № 761 «О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации» [3]. Изменения коснулись, в частности, использования детских удерживающих устройств в транспортном средстве.

Так, согласно внесенным изменениям детей до 7 лет (ранее – до 12 лет) следует перевозить только с использованием детских удержива-

ющих устройств на переднем или заднем сиденье (что касается легковых автомобилей). Детей от 7 до 11 лет (включительно) можно перевозить на заднем сиденье легкового автомобиля с использованием детских удерживающих систем (устройств), соответствующих весу и росту ребенка, или ремней безопасности, а на переднем сиденье – только с использованием детских удерживающих систем (устройств), соответствующих весу и росту ребенка. Из п.п. 22.9 Правил дорожного движения [4] (далее – ПДД) исключена следующая фраза: «иные средства, позволяющие пристегнуть ребенка с помощью ремней безопасности».

Следует отметить, что все законодательные инициативы направлены на снижение травматизма несовершеннолетних на дорогах, в том числе и в случае ДТП.

Учитывая, что система безопасности любого автомобиля рассчитана на пассажиров ростом от 150 см, в случае аварийной ситуации или просто при резком торможении ребенок, которого перевозили без специального удерживающего устройства, может получить серьезные травмы. Однако взрослые не всегда понимают всю опасность ситуации и могут перевозить детей младше 7 лет, используя только штатные автомобильные ремни либо вообще без любых средств, обеспечивающих безопасность перевозки.

За нарушение правил перевозки детей в автотранспортном средстве законодательством Российской Федерации предусмотрены административные санкции. Так, ч. 3 ст. 12.23 КоАП РФ содержит такую санкцию, как наложение штрафа на водителя в размере 3 тыс. рублей, на должностных лиц – 25 тыс. рублей, на юридических – 100 тыс. рублей [5].

Следует отметить, что санкции значительно ужесточились с 2007 г., когда впервые были введены штрафы за нарушение требований к перевозке детей с использованием специальных удерживающих устройств: в 2007 г. штраф составлял 500 рублей, а с 1 сентября 2013 г. его размер увеличен до 3 тыс. рублей.

Несмотря на совершенствование законодательства в сфере перевозки детей-пассажиров, в части его применения остается немало проблемных и спорных моментов. В частности, следует обратить внимание на понятие «специальное удерживающее устройство», о котором говорится в п.п. 22.9 ПДД.

ГОСТ Р 41.44–2005, утвержденный приказом Ростехрегулирования от 20 декабря 2005 г. № 318-ст, вступивший в силу 1 января 2007 г., содержит следующее определение: «Детская удерживающая система (удерживающее устройство) (child restraint systems): совокупность элементов, состоящая из лямок

или гибких элементов с пряжками, регулирующих устройств, деталей крепления и в некоторых случаях дополнительного устройства (например, детской люльки, съемного детского кресла, дополнительного сиденья и/или противоударного экрана), которое может быть прикреплено к внутренней части кузова автотранспортного средства. Устройство должно быть сконструировано таким образом, чтобы в случае столкновения или резкого торможения транспортного средства уменьшить опасность ранения ребенка, находящегося в удерживающем устройстве, путем ограничения подвижности его тела» [6].

При этом в ПДД не указывается, что специальное удерживающее устройство – это либо автолюлька, либо специализированное каркасное кресло. Поэтому, исходя из приведенного выше определения, для перевозки детей можно использовать и частичные удерживающие устройства, например, адаптеры «ФЭСТ».

Устройство «ФЭСТ» имеет статус детского удерживающего устройства, испытания которого проводились в аккредитованной технической лаборатории «ТЮФ Рейнланд ИнтерСерт» (Венгрия). На основании проведенных тестов был сделан вывод о том, что данное устройство соответствует требованиям Правил ЕЭК ООН № 44, поэтому Национальное управление транспорта Венгрии ему присвоило официальное утверждение «Е7», а в России оно получило сертификат соответствия.

Однако в некоторых регионах Российской Федерации инспекторы ГИБДД привлекают к административной ответственности водителей за нарушение правил перевозки детей, которые используют удерживающее устройство «ФЭСТ».

Судебная практика по этому вопросу также неоднозначна. Многие суды оставляют решение о привлечении водителя к административной ответственности в силе. Так, например, в решении судьи Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 7 июня 2016 г., вынесенном в отношении Кайгородова А.Ю. по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 12.23 КоАП РФ, указано, что «“ФЭСТ” не может служить удерживающим устройством, так как является лишь адаптером для ремней. Данное устройство не выполняет функцию безопасности, поскольку плечевой ремень может надавить на шею ребенка». Данное решение было оставлено в силе решением судьи Свердловского областного суда от 3 августа 2016 г. и постановлением заместителя председателя Свердловского областного суда от 5 октября 2016 г. Однако Верховный Суд РФ не согласился с доводами, указанными в данных решениях, и отменил их. Таким образом, возможность использования удерживающего

устройства «ФЭСТ» подтверждает постановление Верховного Суда РФ от 16 февраля 2017 г. № 45-АД17-1, в котором оно определено как «частичное удерживающее устройство» [7].

Представляется, что избежать спорных вопросов в части применения тех или иных удерживающих устройств позволило бы уточнение определения термина «детская удерживающая система (удерживающее устройство)» в ПДД. Кроме того, необходимо разграничить понятия «удерживающее устройство цельной конструкции» и «удерживающее устройство нецельной конструкции» и внести в п.п. 22.9 ПДД изменения, касающиеся возможности применения того или иного типа удерживающего устройства в зависимости от возраста и веса ребенка-пассажира.

Исходя из этого, предлагаем дополнить п.п. 22.9 ПДД следующей фразой: «Перевозка детей в возрасте младше 4 лет в легковом автомобиле и кабине грузового автомобиля, конструкцией которых предусмотрены ремни безопасности либо ремни безопасности и детская удерживающая система ISOFIX, должна осуществляться с использованием детских удерживающих систем (устройств) цельной конструкции, соответствующих весу и росту ребенка. Перевозка детей от 4 до 6 лет (включительно) в легковом автомобиле и кабине грузового автомобиля, конструкцией которых предусмотрены ремни безопасности либо ремни безопасности и детская удерживающая система ISOFIX, допускается с использованием удерживающих систем (устройств) нецельной конструкции, соответствующих весу и росту ребенка».

Такая формулировка исключит применение удерживающих устройств нецельной конструкции (например, частичных удерживающих устройств, дополнительных подушек (booster) и направляющих лямок) для перевозки детей младше 4 лет.

Следует подчеркнуть, что обеспечить надежную защиту детей-пассажиров могут толь-

ко сертифицированные детские каркасные автокресла. Использование фальсификата, конечно, позволит водителю избежать административного штрафа, но в аварийной ситуации не обеспечит надлежащей защиты.

Технический регламент Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» [8] требует, чтобы детские удерживающие устройства соответствовали ГОСТу Р 41.44–2005. Наличие особой маркировки и международного знака официального утверждения обязательно для каждого сертифицированного детского удерживающего устройства.

Однако КоАП РФ не предусматривает административных санкций для водителя за использование несертифицированного детского удерживающего устройства. Кроме того, водитель не обязан предъявлять сертификат соответствия на детское удерживающее устройство инспектору ГИБДД.

Исправить ситуацию могло бы внесение дополнений в п.п. 2.1.1 ПДД – включение в перечень документов, которые водитель должен иметь при себе и по требованию сотрудников полиции передавать им для проверки, также сертификата соответствия на детское удерживающее устройство, а перевозку детей-пассажиров с использованием детского удерживающего устройства, не имеющего необходимого сертификата, приравнять к нарушениям правил перевозки детей.

Таким образом, анализ постановления Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения» выявил ряд спорных вопросов, касающихся регулирования перевозки детей-пассажиров в салонах автотранспортных средств. Для их устранения необходимо дальнейшее совершенствование законодательных норм и ужесточение административной ответственности, которые являются достаточно эффективными мерами по снижению детского травматизма на дорогах.

1. Показатели состояния безопасности дорожного движения. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (дата обращения: 01.04.2019).

2. О внесении изменений в Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. № 1090: постановление Правительства Российской Федерации от 14 дек. 2005 г. № 767. Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс».

1. Road safety status indicators. URL: <http://stat.gibdd.ru/> (date of access: 01.04.2019).

2. On amendments to the Resolution of the Council of Minister – The Government of the Russian Federation d.d. Oct. 23, 1993 № 1090: decree of the Government of the Russian Federation d.d. Dec. 14, 2005 № 767. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

3. On amendments to the Traffic Rules in the Russian Federation: decree of the Government

3. О внесении изменений в Правила дорожного движения Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 28 июня 2017 г. № 761. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

4. О Правилах дорожного движения (вместе с Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения): постановление Правительства Российской Федерации от 23 окт. 1993 г. № 1090 (ред. от 13 фев. 2018 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 7 марта 2018 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

6. ГОСТ Р 41.44–2005 (Правила ЕЭК ООН № 44). Национальный стандарт Российской Федерации. Единообразные предписания, касающиеся удерживающих устройств для детей, находящихся в механических транспортных средствах: приказ Ростехрегулирования от 20 дек. 2005 г. № 318-ст. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 16 фев. 2017 г. № 45-АД17-1. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О принятии Технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (вместе с ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств»): решение Комиссии Таможенного союза от 9 дек. 2011 г. № 877 (ред. от 13 дек. 2016 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

of the Russian Federation d.d. June 28, 2017 № 761. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

4. About Traffic Rules (with the Basic provisions from the admission of vehicles to operation and the duties of officials to ensure road safety): decree of the Government of the Russian Federation d.d. Oct. 23, 1993 № 1090 (edited d.d. Febr. 13, 2018). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

5. Code of administrative offenses of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 30, 2001 № 195-FL (edited d.d. Mar. 7, 2018). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

6. GOST R 41.44–2005 (Rules EEK UN № 44). National Standard of the Russian Federation. Uniform provisions concerning the type approval of restraining devices for child occupants of power-driven vehicles: order of Rosstandart d.d. Dec. 20, 2005 № 318-Art. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

7. Decree of the Supreme Court of the Russian Federation d.d. Feb. 16, 2017 № 45-AD17-1. Access from legal reference system «ConsultantPlus».

8. On adoption of technical regulations of the Custom Union About the safety of wheeled vehicles (with the TR CU 018/2011. Technical regulations of the Customs Union. On the Safety of wheeled vehicles): decision of the Commission of the Custom Union d.d. Dec. 9, 2011 № 877 (edited d.d. Dec. 13, 2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сифириди Мария Дмитриевна, магистрант Государственного морского университета имени адмирала Ф.Ф. Ушакова (г. Новороссийск); e-mail: marua-s1993@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M.D. Sifiridi, Master`s degree of Admiral Ushakov Maritime State University (Novorossiysk); e-mail: marua-s1993@mail.ru

Хайдаров Альберт Анварович
Диденко Николай Сергеевич
Юнусов Ахат Ахнафович

Ошибки, допускаемые государственными обвинителями в стадии апелляционного производства по уголовным делам

В статье на основе судебной практики рассматриваются некоторые типичные ошибки, которые допускаются государственными обвинителями (прокурорами) при рассмотрении уголовных дел в судах апелляционной инстанции.

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, прокурорский надзор, апелляционная инстанция, судебное разбирательство, приговор.

Mistakes made by public prosecutors to appeal in criminal cases

In this article, on the basis of judicial practice will be considered some errors that are allowed by public prosecutors (prosecutors) in criminal cases in the courts of appeal.

Key words: prosecutor, public prosecutor, public prosecutor's supervision, appellate court, trial, verdict.

Апелляционное производство в уголовном процессе выступает самостоятельной стадией судебного разбирательства, на которой устанавливается законность, объективность и справедливость приговора, вынесенного судом первой инстанции. Апелляционное производство по уголовным делам в первую очередь призвано обеспечить устранение ошибок, допущенных при рассмотрении уголовных дел в судах апелляционной инстанции.

Предлагаем проанализировать некоторые типичные уголовно-правовые ошибки государственных обвинителей (прокуроров), выявленные при рассмотрении уголовных дел в апелляционной порядке.

Так, в соответствии с уголовно-процессуальным законом участие государственного обвинителя в рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции направлено на обеспечение соблюдения порядка прохождения этапов судебного разбирательства, формы проведения судебного заседания и прав подсудимого. При этом председательствующий судья должен предоставить сторонам возможность ознакомления с протоколом судебного заседания в течение 3 суток со дня получения ходатайства об ознакомлении с протоколом судебного заседания.

В приведенном ниже примере государственный обвинитель не зафиксировал нарушение процессуальной формы проведения заседания, в результате один из этапов судебного разбирательства не нашел отражение в протоколе судебного заседания.

Государственный обвинитель обратился в суд с апелляционным представлением об изменении описательно-мотивировочной части приговора в отношении гр. М., осужденного по ч. 1 ст. 139, п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 69 УК РФ. Определением Судебной коллегии областного суда приговор в отношении М. отменен, уголовное дело направлено на новое рассмотрение, апелляционное представление государственного обвинителя отклонено. В обоснование отмены судебного решения Судебная коллегия указала, что подсудимый был фактически лишен последнего слова, однако в протоколе судебного заседания данный факт не отражен. В соответствии с этим процессуальным документом суд перешел к судебным прениям, после чего судебное заседание было отложено для предоставления осужденному времени на подготовку к последнему слову.

Суд в своем решении обратил внимание на то, что из протокола судебного заседания невозможно определить, было ли предоставлено осужденному последнее слово, а также удался ли суд в совещательную комнату для вынесения приговора.

Таким образом, приговор суда в отношении М. был признан незаконным [1]. Следует отметить, что ошибка государственного обвинителя стала возможной из-за невнимательного изучения им протокола судебного заседания.

В другом случае государственный обвинитель не убедился в наличии подписи руководителя следственного органа в обвинительном заключении.

Так, приговором городского суда были осуждены гр. Б. и Н. по п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В суде апелляционной инстанции выяснилось, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований ч. 6 ст. 220 УПК РФ, т. е. без согласования с руководителем следственного отдела. Суд посчитал данный факт препятствием для вынесения решения.

На основании ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ допущенное существенное нарушение закона при составлении обвинительного заключения послужило основанием для отмены приговора по жалобам и возвращением уголовного дела прокурору [2].

Уголовное дело было рассмотрено в суде первой инстанции, при этом ни прокурор в ходе досудебного производства, ни государственный обвинитель в судебных стадиях нарушение закона не выявили. Более того, государственный обвинитель на данное нарушение уголовно-процессуального закона не отреагировал. На наш взгляд, именно халатность этих должностных лиц привела к указанным выше последствиям.

Отметим, что суды апелляционной инстанции строго следят за соблюдением положений ч. 4 ст. 231 УПК РФ. Так, при рассмотрении уголовного дела в отношении И., осужденного городским судом по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, указанное требование уголовно-процессуального закона судом первой инстанции не было выполнено.

Исходя из материалов дела, решение о назначении судебного заседания на 22 декабря судья принял 15 декабря, копии этого решения были направлены сторонам. Однако, согласно имеющейся в деле расписке, И. получил данное постановление 19 декабря, т. е. менее чем за 5 суток. Нарушение требований ч. 1 ст. 233 УПК РФ повлекло ограничение права подсудимого на подготовку к судебному заседанию, которое состоялось в назначенное время.

Поскольку судом нижестоящей инстанции было допущено существенное нарушение, которое не может быть устранено в суде вышестоящей инстанции, апелляционным постановлением суда приговор суда по жалобам отменен, а уголовное дело было направлено на новое рассмотрение [3].

Уголовно-процессуальное правило о том, что суд обязан извещать стороны о месте, дате и времени судебного разбирательства не менее чем за 5 суток, известно государственному обвинителю. Однако он не убедился в том, что данный срок был соблюден и не отреагировал на это формальное нарушение закона.

Ошибка прокурора заключается в том, что в своем апелляционном представлении он не поставил вопрос об отмене приговора в связи с нарушением судом требований ст. 231 УПК

РФ об извещении осужденного о месте, дате и времени судебного заседания.

Следовательно, государственному обвинителю необходимо проверять не только сам факт вручения постановления о назначении судебного заседания, но и дату его вручения. В случае нарушения процессуального срока, предусмотренного ч. 4 ст. 231 УПК РФ, данное должностное лицо обязано настаивать на переносе судебного заседания на более поздний срок.

В судебной практике встречаются случаи, когда суд (судья) в начале судебного разбирательства выявляет факты невыполнения требования ч. 4 ст. 231 УПК РФ. Однако вместо принятия решения о переносе даты судебного разбирательства, он начинает выяснять у представителей сторон возможность продолжения судебного разбирательства (например, достаточно ли было времени у подсудимого на подготовку к заседанию). В подобной ситуации государственный обвинитель должен занять принципиальную позицию и настаивать на вынесении постановления о назначении судебного заседания в соответствии с положениями ч. 4 ст. 231 УПК РФ. Свое мнение прокурор должен обосновывать тем, что данная норма УПК РФ не предусматривает возможность принятия судом решения о сокращении процессуального срока.

Встречаются случаи, когда государственный обвинитель не учитывает положения п. 5 ч. 1 ст. 51 УПК РФ, согласно которым защитник должен принимать участие в деле, если лицо обвиняется в совершении преступления, санкция за которое превышает пятнадцать лет лишения свободы.

Так, Л. осужден городским судом к лишению свободы по п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, ч. 2 ст. 228 УК РФ. Санкция п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 20 лет. Адвокат Г., защищавший подсудимого Л., в обозначенное время на судебное заседание не явился, и его подзащитный выступил с последним словом в его отсутствие. Провозглашение приговора происходило также без участия адвоката Г.

Указанные обстоятельства являются грубым нарушением уголовно-процессуального закона и означают, что право Л. на защиту в суде нижестоящей инстанции было нарушено. Кроме того, подсудимый утверждал, что был лишен возможности согласовать свою позицию с защитником перед выступлением с последним словом.

Как следствие, приговор суда первой инстанции был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение [4].

В данном случае государственный обвинитель также не обратил внимание судьи на факт проведения отдельных этапов судебного разбирательства без участия защитника, хотя его присутствие при рассмотрении таких категорий дел является обязательным.

В заключение рассмотрим актуальный, по нашему мнению, вопрос о необходимости исследования и оценки доказательств в судах первой и апелляционной инстанций по делам, которые были расследованы в форме сокращенного дознания.

Государственный обвинитель должен всегда помнить о том, что, согласно положениям ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ, приговор выносится на основании исследования и оценки доказательств, указанных в обвинительном постановлении.

Так, апелляционным постановлением суда от 27 января 2017 г. отменен по жалобам приговор городского суда от 28 ноября 2016 г. в отношении С., дело направлено на новое судебное разбирательство.

С., будучи поднадзорным лицом, признан виновным в самовольном оставлении места жительства или пребывания в целях уклонения от административного надзора. Судебное разбирательство по делу проведено в особом порядке с учетом положений ст. 314 УПК РФ. При этом предварительное расследование по этому делу проводилось в форме сокращенного дознания. Несмотря на это, по мнению суда апелляционной инстанции, приговор должен быть основан на исследованных и оцененных доказательствах, перечень которых содержится в обвинительном постановлении, а также дополнительных данных о личности подсудимого. В своем постановлении суд отметил, что решение суда первой инстанции в отношении С. не соответствует указанным выше требованиям уголовно-процессуального закона, поскольку не содержит данных об исследовании и оценке таких доказательств.

Иными словами, суд первой инстанции в нарушение требований ч. 1 ст. 226.9 УПК РФ провел судебное разбирательство в порядке, установленном ст. 316 УПК РФ, без изъятий, предусмотренных ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ [5].

В данной ситуации государственный обвинитель, который обязан следить за соблюдением

положений ч. 2 ст. 226.9 УПК РФ, должен был представить суду доказательства, указанные в обвинительном постановлении, ссылаясь на ч. 5 ст. 246 УПК РФ.

В Российской Федерации данный вопрос носит дискуссионный характер. В одних регионах государственные обвинители просто перечисляют доказательства, на которые ссылается в судебном заседании сторона обвинения, в других требуются исследование и оценка доказательств, что соответствует положениям уголовно-процессуального закона, а в третьих субъектах дело рассматривается в особом порядке, без исследования доказательств.

Существование данной проблемы, но применительно к кассационному производству, отмечает в своих исследованиях А.А. Хайдаров [6], основываясь на обзоре судебной практики 2017 г. В частности, автор указывает, что суд кассационной инстанции для постановления обвинительного решения без проведения судебного следствия при согласии подсудимого с предъявленным обвинением должен убедиться в том, что обвинение подтверждено собранными доказательствами.

В противном случае суд кассационной инстанции в своем решении отметит, что принятое судом первой инстанции решение о проведении судебного заседания в порядке, предусмотренном ст. 316 УПК РФ, и вынесение обвинительного приговора без исследования и оценки собранных доказательств противоречат принципу законности [7].

Таким образом, по смыслу положений уголовно-процессуального закона приговор по делам, оконченным в форме сокращенного дознания, постановляется на основании исследования и оценки доказательств, которые указаны в обвинительном постановлении, а также с учетом дополнительных данных о личности подсудимого [8]. Государственному обвинителю всегда нужно помнить о положениях ст. 226.9 УПК РФ и ориентировать суд на исследование и оценку указанных в обвинительном постановлении доказательств. Несоблюдение данных положений может приводить к пересмотру решений не только в апелляционном, но и кассационном порядке.

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 23 мая 2017 г. по делу № 22-3397 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 12.02.2019).

2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 24 янв.

1. Appeal determination of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan d.d. May 23, 2017 in the case № 22-3397 // Gas Of the Russian Federation «Justice» (date of access: 12.02.2019).

2. The appeal determination of the Supreme court of the Republic of Tatarstan d.d. Jan. 24,

2017 г. по делу № 22-431/2017 (22-9796/2016) // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 12.02.2019).

3. Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 10 марта 2017 г. по делу № 22-1493 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 12.02.2019).

4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Республики Татарстан от 26 февраля 2017 г. по делу № 22-1189 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 12.02.2019).

5. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Татарстан от 27 января 2017 г. по делу № 22-522 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 12.02.2019).

6. Хайдаров А.А. Алиби – причина отмены в кассационной инстанции приговоров, постановленных в особом порядке // Уголовный процесс. 2017. № 11.

7. Постановление Президиума Верховного суда Республики Татарстан от 15 марта 2017 г. по делу № 44у-61 // ГАС РФ «Правосудие» (дата обращения: 12.02.2019).

8. Багаутдинов Ф.Н., Диденко Н.С. Работа над ошибками // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2018. № 2(32).

9. Дайджест практики по уголовным делам областных и равных им судов // Уголовный процесс. 2017. № 7.

2017 in the case № 22-431/2017 (22-9796/2016) // GUS of the Russian Federation «Justice» (date of access: 12.02.2019).

3. Appeal determination of the Supreme court of the Republic of Tatarstan d.d. March 10, 2017 in case № 22-1493 // GUS of the Russian Federation «Justice» (date of access: 12.02.2019).

4. The appeal determination of Judicial Board on criminal cases of the Supreme court of the Republic of Tatarstan d.d. Febr. 26, 2017 in case № 22-1189 // GUS of the Russian Federation «Justice» (date of access: 12.02.2019).

5. Appeal decision of the Supreme court of the Republic of Tatarstan d.d. Jan. 27, 2017 in the case № 22-522 // GUS of the Russian Federation «Justice» (date of access: 12.02.2019).

6. Khaydarov A.A. Alibi – the reason for the cancellation of the cassation instance of the sentences imposed in a special order. 2017. № 11.

7. Resolution of the Presidium of the Supreme court of the Republic of Tatarstan d.d. March 15, 2017 in case № 44u-61 // GUS of the Russian Federation «Justice» (date of access: 12.02.2019).

8. Bagautdinov F.N., Didenko N.S. Work on errors // Bull. of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 2(32).

9. Digest of the practice in criminal cases of the regional and equal to them courts // Criminal trial. 2017. № 7.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Хайдаров Альберт Анварович, кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции, профессор кафедры прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации; тел.: +78435904531;

Диденко Николай Сергеевич, кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России; тел.: +79281877699;

Юнусов Ахат Ахнафович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Казанского инновационного университета В.Г. Тимирязова; тел.: +78432319290.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

A.A. Khaydarov, Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Prosecutorial Supervision over the Execution of Laws in Operational Investigative Activities and Participation of the Prosecutor in Criminal Proceedings of the Kazan law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation; ph.: +78435904531;

N.S. Didenko, Candidate of Law, Head of the Chair of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +79281877699;

A.A. Yunusov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure of the Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov; ph.: +78432319290.

Государственное принуждение к правомерному поведению: эмпирический анализ

В статье рассматривается механизм государственного принуждения. Целесообразность применения государством инструментов принуждения автор обосновывает предположением о том, что социально-биологическая природа человека не исключает аффективного, иррационального реагирования на механизм обеспечения действия норм права. В целях верификации проблемы проводится эмпирическое исследование посредством метода глубинных интервью, результаты которого представлены в данной статье.

Ключевые слова: государство, право, правоохранительные органы, правовая психология, гражданин, принуждение, правомерное поведение, эмпирический анализ.

State coercion to lawful behavior: empirical analysis

In article the mechanism of the state coercion is considered. The author proves expediency of use of instruments of coercion by the state by the assumption that the social and biological human nature does not exclude affective, irrational response to the mechanism of ensuring action of rules of law. For verification of a problem the empirical research by means of a method of deep interviews which results are presented in this article is conducted.

Key words: state, law, law enforcement, legal psychology, citizen, coercion, lawful behavior, empirical analysis.

Социальный институт государства в процессе своей деятельности реализует несколько ключевых функций, одной из которых выступает принуждение граждан к соблюдению и исполнению норм права. Как известно, любое принуждение оказывает воздействие на человека и не всегда вызывает у него однозначную реакцию, т. к. его социально-биологической природе присущи не только рационально-сознательные, но и эмоционально-чувственные, аффективные, иррациональные действия. Учитывая это, невозможно быть полностью уверенным в рациональных реакциях человека на государственное принуждение. З. Фрейд сравнивал людей с «рабами, несущими трон властительницы» – культуры как неотъемлемого элемента государства и общества [1]. Человек вынужден подчиняться оказываемому на него государственному (мягкому или жесткому) воздействию в процессе социализации и воспитания, однако каковы пределы такого подчинения? Данная проблема на протяжении длительного периода широко обсуждается не только среди психологов, социологов, философов, но и правоведов.

Один из основателей психологической теории генезиса государства Л.И. Петражицкий рассматривал право в качестве особого психического явления общества. Социум, с его точки зрения, дифференцируется на две группы: первая обладает психическими способностями

управлять людьми, а вторая – подчиняться управляющему воздействию. Причем обе группы на психологическом уровне осознают справедливость подобной ситуации [2].

Л.И. Петражицкий исследовал не только связь государства и права, но и различные формы взаимодействия между правом и отдельными индивидами, группами, классами, общностями. Ученый приходит к выводу, что значительное место в праве занимают эмоции, т. к. его регулятивное воздействие на граждан сопровождается переживаниями, эмоциональными всплесками, социальным чувствованием. Так в сознании граждан возникает интуитивное право, определяющееся психологическим отношением адресата к праву объективному. Именно поэтому при изучении положений законов правовая психология представляет значительный научный интерес [2].

С точки зрения Е.Ю. Семенова, «правовая психология является мотивацией правового поведения личности и непосредственно влияет на решение, которое принимает субъект права, в силу чего она не может быть отнесена к числу низших, второстепенных звеньев в структуре правосознания» [3, с. 11–15].

Именно данный раздел юридической психологии оптимально соответствует целям научного анализа субъективной стороны права. Ключевой задачей здесь выступает понимание глубинной мотивации субъектов правоотноше-

ний. В связи с этим правовая психология позволяет адекватно охарактеризовать чувственное восприятие права, что в целом соответствует системе координат обычного человека.

Как полагает И.А. Лихачев, «правовую психологию невозможно полностью поставить под сознательный контроль, нельзя однозначно запрограммировать на желаемый результат, поскольку она включает элементы стихийности, которые постоянно вносятся динамикой общественной жизни, разнообразием многочисленных объективных и субъективных факторов» [4, с. 4–6].

Эмоциональное отношение к праву соответствует закономерностям развития социума, а также особенностям субъективного мировосприятия. Подобная методологическая установка позволяет преодолевать опасные последствия ряда идеально-типических моделей, популярных в научной среде, постулирующих рационально-логическое мировоззрение в качестве основы личностного реагирования, что может быть поставлено под сомнение.

Следует согласиться с тем, что правовые чувства – это переживания, которые испытывают люди в связи с принятием (или неприятием) юридических норм и их реализацией (или ее отсутствием) (например, радость или огорчение, чувство удовлетворения или недовольства практикой применения юридических норм, нетерпимое или равнодушное отношение к праву) [5].

Личностное восприятие норм права, особенностей правотворчества приводит к появлению в социуме определенных реакций, связанных с отторжением положений закона. Это происходит под воздействием политических, экономических, социальных и культурных факторов, которые являются темой для самостоятельного исследования. Вместе с тем институт государства нацелен на обеспечение повсеместного соблюдения норм права, вследствие чего периодически актуализируется функция принуждения. Нарушение закона гражданами представляет собой угрозу существованию государства, на которую оно призвано соответствующим образом реагировать.

По мнению Е.В. Лошенковой, «реакцией государства на нарушение нормы права должно быть принуждение к исполнению обязанности, не исполненной добровольно» [6, с. 207–210].

С.В. Девятковская, в свою очередь, отмечает, что «принуждение как правовое явление неразрывно связано с такими основными институтами человеческой цивилизации, как государство и право. Принудительная власть существует во всяком обществе, это неотъемлемый атрибут социальной жизни, необходимый для обеспечения ее стабильности» [7, с. 126–128].

Как отмечалось выше, применение государством такого метода управления обществом, как принуждение к соблюдению норм права, вызывает различные реакции у граждан. С научной точки зрения особый интерес представляет эмоционально-чувственное реагирование, содержащее в себе больший личностный, субъективный импульс по сравнению с другими формами реакций. В связи с этим государство должно акцентировать внимание на прогнозировании возможных реакций общества на его принудительные действия, а также объективном анализе основных факторов, детерминирующих негативные психологические состояния граждан.

Анализ теоретического материала по рассматриваемой проблеме с неизбежностью актуализирует ряд вопросов: в какой мере люди готовы подчиняться государству и праву, не возникает ли у них желания выйти из-под государственного контроля и перестать соблюдать нормы права, какие чувства они испытывают при этом?

Вследствие того, что государство активно реализует механизм принуждения граждан, а также осуществляет системно организованную деятельность по целенаправленному переводу некоторых социальных норм в разряд общеобязательных (правотворчество), происходит изменение сознания граждан, являющихся объектом данного воздействия. При этом наблюдается дифференциация их правосознания, зависящая от специфики социокультурных, социально-психологических и социально-возрастных характеристик индивидуумов. Именно поэтому в ряде случаев активизируется пласт правовой идеологии (рационального правопонимания и оценки системы права) и правовой психологии (чувственного, эмоционально-психологического отношения к праву).

В данной ситуации следует обратить особое внимание именно на психологический компонент правового сознания. В целях получения более подробной эмпирической информации, касающейся проблемы применения мер государственного принуждения, была проведена серия глубинных интервью. В проекте приняли участие жители Краснодарского края в возрасте от 18 до 65 лет. Респондентам были заданы следующие открытые вопросы:

1. Чем для Вас является право?

Отвечая на данный вопрос, респонденты чаще всего апеллировали к естественному, а не позитивному праву: «право для меня – это то, что принадлежит человеку по определению, независимо от факторов жизни», «право – это нечто непреклонное, вечное»; «считаю, что право – это то, с чем человек рождается». Часть опрошенных отождествляет право с

«упорядоченностью и структурированностью». Однако, как показало качественное исследование, большинство участников репрезентируют право как естественное, а не позитивное, которое выступает необходимым элементом правовой реальности государства.

2. Какие чувства у Вас вызывают законы?

Большинство респондентов указали такие факторы, как страх («в какой-то степени страх, страшно их нарушать») и опасность произвола государственных органов («страх в том смысле, что "закон что дышло", поэтому и боишься», «нет гарантий, что меня ждет справедливое разбирательство по закону»). Таким образом, следует констатировать, что закон в нашей стране, к сожалению, ассоциируется не только со справедливостью, социальным порядком и иными универсальными институциональными конструктами, но и со страхом. Именно возникновение данной установки ухудшает общее восприятие норм права и процесса законотворчества в современной России.

3. Как Вы относитесь к тем, кто нарушает законы?

Результаты опроса показали, что часть респондентов склонна одобрять действия тех, кто нарушает закон, если они соответствуют морально-нравственным представлениям о социальной справедливости и т. п. («зависит от того, как на это посмотреть. Например, есть случаи, когда человек вынужден преступить закон, в том числе из-за противодействия со стороны государства»; «в нашей стране в трудной ситуации больше вероятность получить помощь от людей, чем надеяться на законы, государство»; «бывают безвыходные ситуации»).

Большинство участников исследования продемонстрировали категорически негативное отношение к «убийцам, насильникам, бандитам». Например, раздражение у водителей вызывают их «наглые коллеги», которые «двигаются по встречной полосе с высокой скоростью и допускают опасное сближение», «...не показывая поворота, подрезают или тормозят, это возмущает – хочется сделать с ними что-то нехорошее». Вместе с тем зачастую неоднозначное восприятие правонарушителей в целом соответствует российскому менталитету.

4. Как Вы воспринимаете перспективу насилия со стороны государства?

Проблема заключается в том, что люди готовы добровольно и вполне осознанно терпеть определенное насилие, если в качестве компенсации подавленного чувства свободы желают получить от государства определенные преференции (как материальные, так и нематериальные). Открыто выступить против государственной власти большинство респондентов не готовы, т. к. опасаются негативных формальных санкций.

5. В какой мере Вы готовы подчиняться государству и праву?

Исследование выявило ряд тревожных тенденций, связанных с уровнем правосознания респондентов, спецификой их психических реакций на принуждение со стороны государства. Многие участники в своих ответах противопоставляют себя «остальному народу»: «наш народ запуган, люди готовы в любых условиях безропотно подчиняться государству». Однако, как известно, лица, принимающие участие в опросе, обычно говорят и о себе.

Как пояснили некоторые респонденты, специфика реагирования на принуждение со стороны государства и права обусловлена тем, что «страх оказаться в тюрьме сильнее всего, поэтому они готовы подчиняться». Именно с этим связаны основные мотивы подчинения власти и соблюдения законов. Вместе с тем добровольные аспекты сотрудничества редко упоминались респондентами.

6. Не возникает ли у Вас ощущения избыточности государственного контроля?

Как показала проведенная серия глубинных интервью, подобные мотивы нередко актуализируются в сознании респондентов. Основным барьером на пути подобного поведения выступает страх (это «повлечет за собой санкции», «люди боятся последствий, поэтому и молчат», «зачем среднестатистическому россиянину высовываться?»).

В ходе дискуссий респонденты акцентировали внимание именно на чувственной стороне своего отношения к государственному контролю и принуждению: «мои ощущения по отношению к этому предельно негативные, а действия – нейтральные»; «одно дело думать об этом, а совсем другое – действовать». По мнению некоторых участников исследования, сегодня россияне нередко негативно оценивают деятельность государства и его органов, однако приходят к выводу, что «себе дорожке против этого выступать». В то же время часть респондентов отмечает, что «так принято в нашей стране на протяжении веков – наш протест против государства ограничивается разговорами дома».

Таким образом, государственное принуждение к правомерному поведению предполагает наличие фактора насилия, что вызывает в целом неоднозначные реакции у граждан. Проведенное эмпирическое исследование подтвердило данный факт. Специфика реагирования на подобные действия государства обусловлена комплексом субъективных и объективных факторов, в своей совокупности определяющих прежде всего поведенческую составляющую. Глубины психики в данной ситуации оказываются скрыты от научного наблюдения и анализа, однако именно здесь формируются

установки граждан по отношению к институту государства. В современных условиях имеет место недооценка эмоционально-аффективной составляющей в восприятии мероприятий государственного принуждения к соблюдению норм права. Именно так формируется социальная проблема: внешнее вполне толерантное отношение граждан к праву и системе государственного принуждения и внутреннее психическое отторжение его отдельных норм. Подобное положение потенциально может привести к ряду негативных последствий, т. к. ухудшение социально-экономической и/или социально-политической обстановки обуславливает резкий рост правонарушений.

В заключение отметим, что проведенное исследование показало наличие определенных проблем в сфере правовой психологии российских граждан, а также доминирование эмоционально-чувственных оценок над рационально-логическими. Возможно, данная ситуация связана с особенностями российского правового менталитета. В связи с этим наука и практика должны уделять повышенное внимание именно эмоционально-чувственному восприятию гражданами государственного принуждения к правомерному поведению, результатом чего могут стать апробированные на практике управленческие модели реагирования на различные варианты развития проблемной ситуации.

1. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе / пер. М.В. Вульф, А.А. Спектор. М., 2006.

2. Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды / науч. ред. Е.В. Тимошина. СПб., 2011.

3. Семенов Е.Ю. Влияние правовой психологии на принятие правовых актов субъектами правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

4. Лихачев И.А. Правовая психология: понятие, структура и ее место в системе правовых и политических отношений: дис. ... канд. социол. наук. Ярославль, 1999.

5. URL: <http://naukarus.com/pravovaya-psihologiya/> (дата обращения: 12.01.2019).

6. Лошенкова Е.В. Ответственность как принуждение к исполнению обязанности, неисполненной добровольно // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1.

7. Девятовская С.В. Понятие принуждения в российском уголовном праве // Юрист-Правоведъ. 2010. № 2.

1. Freud Z. Basic psychological theory in psychoanalysis / transl. by M.V. Wulf, A.A. Spector. Moscow, 2006.

2. Petrazhitsky L.I. Theory and policy of law. Selected works / scientific. ed. E.V. Timoshina. St. Petersburg, 2011.

3. Semenov E. Yu. Influence of legal psychology on the adoption of legal acts by subjects of law enforcement: diss. ... Candidate of law. Moscow, 2007.

4. Likhachev I.A. Legal psychology: concept, structure and its place in the system of legal and political relations: diss. ... Candidate of Sociology. Yaroslavl, 1999.

5. URL: <http://naukarus.com/pravovaya-psihologiya/> (date of access: 12.01.2019).

6. Losenkova E.V. Responsibility for enforcement of obligations voluntarily unexecuted // Actual problems of Russian law. 2008. № 1.

7. Devyatovskaya S.V. The concept of coercion in the Russian criminal law // Yurist-Pravoved. 2010. № 2.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Карнаушенко Леонид Владимирович, доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583414.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

L.V. Karnaushenko, Doctor of History, Professor, Head of the Chair of Theory and History of Law and State of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583414.

Понятие юридической техники и ее соотношение со смежными категориями права

В статье рассматриваются различные подходы к понятию юридической техники, проводится сравнительный анализ юридической и законодательной техники, юридической техники и нормографии, юридической техники и юридической технологии. Предлагаются авторские определения юридической и законодательной техники.

Ключевые слова: юридическая техника, законодательная техника, юридическая стратегия, юридическая тактика, нормография, правотворчество, нормотворчество.

State coercion to lawful behavior: empirical analysis

In article various approaches to a concept of the legal equipment are considered, the comparative analysis of the legal and legislative equipment, legal equipment and a normography, legal equipment and legal technology is carried out. Author's definition of the legal and legislative equipment are given.

Key words: legal technique, legislative technique, legal strategy, legal tactics, normography, law-making, norm-setting.

Еще недавно юридическая техника рассматривалась в рамках дисциплины «Теория государства и права». Необходимость оформления ее в самостоятельную учебную дисциплину обусловлена принятием огромного количества актов, сложность понимания и реализации которых стала правовой реальностью.

В современном Российском государстве темпы правотворческой работы достаточно высоки. Принимаются нормативные правовые и иные акты не только законодательными, исполнительными и судебными органами государственной власти, но и должностными лицами, руководителями организаций, предприятий, учреждений и т. д. Однако их качество недостаточно высокое. Размытые формулировки, неточные термины и дефиниции, неоднозначное понимание, искажение смысла и содержания правовых норм, нарушение логики изложения норм права в статьях законов, дублирование – все это следствие несоблюдения правил юридической техники.

В научной литературе отсутствует единое понимание феномена «юридическая техника», ее дефиниции, структуры, видов и содержания. Среди специалистов ведутся споры и по поводу того, является ли юридическая техника наукой и дисциплиной или только дисциплиной.

Так, одни ученые считают юридическую технику наукой, «отпочковавшейся» от общей теории права, имеющей свой предмет, метод, и

относят ее к прикладным. Предметом ее, по мнению Т.В. Кашаниной, являются наиболее общие закономерности осуществления юридической деятельности, т. е. особый круг вопросов, который будет только расширяться, методологию составляют исходные научные подходы к исследованию юридической деятельности, а также способы и приемы ее реализации [3, с. 28, 29], т. к. любая наука зарождается в результате накопления определенных знаний.

Другие исследователи указывают на недостаточность научной разработки предмета и метода юридической техники, подчеркивая, что она является не более чем прикладным разделом общей теории права. По их мнению, если теория юридической техники обособится от общей теории права, огромный пласт научных изысканий перенесется в другую дисциплину, что поставит под сомнение фундаментальность теории права.

Существует несколько подходов к определению понятия юридической техники.

По мнению ряда авторов, при формулировании дефиниции юридической техники необходимо отталкиваться от того, что она выступает инструментом правотворческой деятельности, выработанным практикой (навыки, приемы создания норм права). Можно предположить, что это инструментальный подход к понятию «юридическая техника».

Вторую группу образуют подходы, суть которых составляет поиск ответа на вопрос о том,

на что направлены требования юридической техники. Первый принято называть узким, документационным. Данный подход предложил С.С. Алексеев, впоследствии он получил развитие в исследованиях А.Ф. Черданцева и других авторов, которые условно представляют юридическую технику как науку о составлении юридических документов. Согласно другому подходу, деятельностному, юридическая техника – это правила ведения юридической работы, результатом которой является создание правовых документов. Данной точки зрения придерживается большинство правоведов, т. к. для осуществления любой юридической деятельности и получения положительных результатов необходим набор правовых инструментов, которыми владеет юридическая техника.

Отдельные исследователи предлагают рассматривать юридическую технику в широком и узком смысле. В широком смысле она выступает методом и средством, с помощью которых органы власти облекают намеченные цели в правовую оболочку. Таким образом, юридическая техника является условием, которое в итоге определяет качество принятых правовых актов, а значит, и эффективность правового регулирования общественных отношений в целом. Известно, что посредством права государство моделирует поведение людей и их коллективов. Существование эффективного механизма правового регулирования жизнедеятельности социума говорит о профессионализме законодателей, их умении, в том числе при помощи юридической техники, предвидеть последствия своей деятельности. Однако можно иметь хорошо разработанную правовую базу, но не уделять достаточного внимания проведению принятых законов в жизнь. В такой ситуации механизм правового регулирования окажется ущербным. Создание правовой системы и реализация норм права представляют собой две одинаково важные задачи государства. Процесс фактического осуществления юридических норм является итогом правотворческой работы, дает возможность достигнуть целей правового регулирования. В связи с этим полагаем, что вопрос о механизме реализации норм права должен обсуждаться еще на стадии правотворчества, и только в этом случае принятые законы будут иметь реальное обеспечение, подкрепляться экономическими, политическими, организационными и иными гарантиями.

В узком смысле юридическая техника – это конкретные правила, приемы, средства и спо-

собы, с помощью которых формулируются и оформляются юридические документы.

Нельзя игнорировать тот факт, что требования юридической техники используются субъектами правовой деятельности с учетом научных знаний. В учебниках, учебных пособиях, научных статьях, монографиях, посвященных проблемам юридической техники, ученые пытаются выработать и сформулировать выводы о содержании ее элементов, дать рекомендации по их использованию, опытным путем проверить истинность этих предложений.

Более того, данные рекомендации трансформируются в правовые предписания, когда происходит закрепление научных новелл в нормативных актах.

Рассмотрение, анализ и обобщение различных точек зрения относительно понимания юридической техники явились основанием для формулирования авторского определения указанного понятия. По нашему субъективному суждению, юридическая техника – это совокупность системно-научных требований (приемов, средств, правил и способов), предъявляемых к форме и содержанию правовых документов при осуществлении юридической деятельности.

Юридическая техника взаимосвязана и взаимодействует с другими смежными категориями, но в рамках нашего исследования представляется необходимым сопоставить ее с законодательной техникой, нормографией и юридической технологией.

Так, законодательная техника в узком значении – это система приемов и правил создания совершенных структурно-содержательных проектов правовых актов, в полной мере отражающих предмет правового регулирования. Сторонники «широкого» подхода считают, что это учение о законодательной системе, ее формах, структуре, а также методах построения. Вместе с тем в начале 1980-х гг. А.С. Пиголкин подверг критике такое емкое понимание законодательной техники. По его мнению, в предложенное определение можно вместить практически всю теорию права, тогда как законодательная техника охватывает лишь технические аспекты деятельности по подготовке и оформлению законопроектов. Она должна носить прикладной характер и касаться только внешнего оформления проектов законодательных актов [6, с. 43–44].

Заслуживает внимания научная позиция Д.В. Чухвичева, который определяет законодательную технику как совокупность приемов, способов, методов и принципов создания, из-

менения системы нормативных правовых актов. По его мнению, такой комплексный подход позволит исследовать законодательство и законодательное регулирование общественных отношений как единую систему взаимосвязанных элементов: способов формирования и изложения нормативных правовых предписаний в определенной форме; процесса разработки проектов актов; процедуры принятия; приемов совершенствования и приведения в соответствие между собой, их систематизации; социальных факторов, влияющих на законодательский процесс и др. [7, с. 21–22]. Не вполне понятно, почему автор, размышляя о содержании законодательной техники, делает вывод о комплексном подходе к исследованию законодательства (а не правотворчества), о законодательном (а не правовом) регулировании общественных отношений, несмотря на то что в систему нормативных правовых актов входят не только законы.

В.К. Бабаев, в свою очередь, предлагает понимать законодательную технику как совокупность средств, правил и приемов разработки, оформления, опубликования и систематизации нормативных правовых актов [1, с. 426].

Некоторые авторы рассматривают ее еще более узко, а именно как требования, предъявляемые к законам. Так, Д.Н. Лызлов и В.Ю. Картухин полагают, что законодательная техника – это особая система научно обоснованных и сложившихся на практике способов и средств, которые используются при подготовке и оформлении законов [4, с. 7].

А.Б. Венгеров приходит к выводу, что юридическая техника представляет собой совокупность правил и приемов, относящихся к подготовке, формулированию и опубликованию законов [2, с. 505–507]. Как видим, в данном случае понятия «законодательная техника» и «юридическая техника» отождествляются.

Однако, несмотря на мнения некоторых авторов, в целом взгляды теоретиков на соотношение понятий «юридическая техника» и «законодательная техника» совпадают – законодательная техника выступает одним из видов юридической.

С нашей точки зрения, законодательная техника – это совокупность системно-научных требований (приемов, средств, правил и способов), предъявляемых к форме и содержанию нормативных правовых актов при осуществлении правотворческой деятельности.

Сложным представляется взаимодействие юридической техники и нормографии. Нормография, по мнению Ю.Г. Арзамасова, есть наука о нормотворчестве, главной функцией которой является создание нормативных правовых актов [5, с. 11, 36]. Нормотворчество, по нашему мнению, также имеет широкое и узкое значение. Если рассуждать о норме как образце, правиле поведения, то можно прийти к выводу о существовании, помимо правовых, социальных и иных норм (к примеру, технических, технико-правовых и др.), правовых обычаев, а также судебных прецедентов. Следовательно, нормотворчество представляет собой сложный многогранный феномен. Но, как видим, авторы нормографии рассматривают нормотворчество в более узком смысле – как создание нормативных правовых актов, поэтому проанализированное выше широкое понимание нормотворчества представляется неприменимым в данном контексте.

Нормотворчество в узком смысле – создание (творение) норм права (нормативных правовых актов). Из этого понимания исходят авторы некоторых учебных пособий [8]. В данном случае понятие «правотворчество» как деятельность по подготовке нормативных правовых актов будет соответствовать категории «нормотворчество» (нормография). Возникает закономерный вопрос: если есть общепринятый термин «правотворчество», то насколько целесообразно вводить новый – «нормотворчество» (нормография)? Можно предположить, что это сделано для того, чтобы не понимать правотворчество в узком его значении, не загромождать понятийный аппарат неизвестными, сложными в употреблении или одинаковыми терминами и т. п.

«Юридическая техника» и «юридическая технология», безусловно, – близкие понятия. Однако существуют и диаметрально противоположные суждения. Так, некоторые исследователи полагают, что неправильно считать технологию более широким понятием, чем техника. Технология является техническим заданием, способом, при помощи которого происходит разрешение технической проблемы. Поэтому технологический процесс достаточно конкретизирован. Авторы приходят к выводу, что если и употреблять в юридической теории и практике термин «юридическая технология», то только применительно к процессам систематизации, реализации, промульгации правовых актов.

Нам близка точка зрения В.Н. Карташова, который считает юридическую технику одним из элементов юридической технологии, состав-

ной ее частью. В юридическую технологию, на наш взгляд, необходимо включать, во-первых, юридическую стратегию, суть которой сводится к планированию, прогнозированию развития, существования и совершенствования определенных государственно-правовых явлений, а во-вторых, юридическую тактику, т. е. эффективное управление субъектами юридической практики с помощью определен-

ных юридических действий и операций при соблюдении требований (средств, правил, приемов, способов), предъявляемых к форме и содержанию правовых документов (юридическая техника).

Таким образом, юридическая техника выступает одним из факторов, влияющих на качество и эффективность нормативных правовых актов, и элементом юридической технологии.

1. Бабаев В.К. *Теория государства и права: учеб. для бакалавров.* М., 2017.

2. Венгеров А.Б. *Теория государства и права.* М., 1998.

3. Кашанина Т.В. *Юридическая техника.* М., 2007.

4. Лызлов Д.Н., Картухин В.Ю. *Юридическая техника: учеб. пособие.* М., 2009.

5. *Нормография: теория и методология нормотворчества: учеб.-метод. пособие / под ред. Ю.Г. Арзамасова.* М., 2007.

6. Чухвичев Д.В. *Законодательная техника: учеб. пособие.* М., 2006.

7. *Юридическая техника: учеб. пособие по подготовке законопроектов и иных нормативных правовых актов органами исполнительной власти / под ред. Т.Я. Хабриевой, Н.А. Власенко.* М., 2010.

8. Москалькова Т.Н., Черников В.В. *Нормотворчество: науч.-практ. пособие.* М., 2011.

1. Babayev V.K. *Theory of state and law: textbook for bachelors.* Moscow, 2017.

2. Vengerov A.B. *Theory of state and law.* Moscow, 1998.

3. Kashanina T.V. *Legal technique.* Moscow, 2007.

4. Lyzlov D.N., Kartogin V.Yu. *Legal technology: proc. benefit.* Moscow, 2009.

5. *Nomography: theory and methodology of rulemaking: proc.-method. the allowance / ed. by Yu.G. Arzamasova.* Moscow, 2007.

6. Chukhvicev D.V. *Legislative technique: textbook.* Moscow, 2006.

7. *Legal technique: textbook on the preparation of draft laws and other normative legal acts of bodies of Executive power / ed. by T.Ya. Khabrieva, N.A. Vlasenko.* Moscow, 2010.

8. Moskalkova T.N., Chernikov V.V. *Standard setting: scientific and practical textbook.* Moscow, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кич Ирина Станиславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета; тел.: +78612199502.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.S. Kich, Candidate of Law, Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of Theory and History of State and Law of the Kuban State University; ph.: +78612199502.

Курдюк Петр Михайлович
Упоров Иван Владимирович

Организационно-публичные основы охраны общественного порядка в контексте соотношения полномочий федеральной полиции и муниципальной милиции

В статье исследуется проблема организационно-публичного структурирования федеральной полиции и муниципальной милиции в сфере охраны общественного порядка. Анализируются нормы Конституции РФ, федеральных законов, указов Президента РФ, научные труды по заявленной теме. Обосновывается необходимость принятия закона о муниципальной милиции, разграничивающего полномочия федеральных и муниципальных органов правопорядка. Высказываются предложения по решению рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: охрана общественного порядка, полиция, милиция, органы местного самоуправления, конституция, закон, указ, государство, полномочия.

Organizational-public basis of protection public order in the context of relation authority of the federal police and the municipal police

The article examines the problem of organizational and public structuring of the federal police and municipal police in the sphere of public order protection. The norms of the Constitution of Russia, federal laws, decrees of the President of the Russian Federation, scientific works on the stated subject are analyzed. It is noted that for more than twenty years it has not been possible to differentiate the powers of federal and municipal law enforcement agencies, which has resulted in a failure to adopt an acceptable municipal society law. Proposals for the solution of the problem under consideration are justified.

Key words: protection of public order, police, police, local self-government bodies, constitution, law, decree, state, powers.

Согласно п. «е» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ на федеральном уровне функцию охраны общественного порядка должно выполнять Правительство РФ; такая же функция возложена на органы местного самоуправления (ч. 1 ст. 132). Правительство РФ является федеральным органом государственной власти, осуществляющим исполнительную власть на федеральном уровне (ч. 1 ст. 110 Основного закона России). В соответствии со ст. 12, 13 Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» [1] министерства федерального уровня обладают соответствующими полномочиями в определенной сфере общественных отношений и ответственны перед федеральным Правительством за выполнение порученных им задач. Сфера охраны общественного порядка относится к ведению МВД России, что закреплено в Положении о Министерстве внутренних дел Российской Федерации 2011 г. [2] (далее – Положение)

(п.п. 4 п. 3 Положения). В декабре 2016 г. данное Положение было переутверждено специальным Указом Президента РФ [3], однако перечень основных задач МВД России не изменился. Кроме того, этот акт утвердил Типовое положение о территориальном органе Министерстве внутренних дел Российской Федерации по субъекту РФ (далее – региональный орган МВД России), в котором указывается, что «территориальные органы осуществляют свою деятельность непосредственно и (или) через подчиненные территориальные органы МВД России на районном уровне (далее – подчиненные органы), а также подразделения и организации, созданные для реализации задач и обеспечения деятельности территориальных органов» [3], при этом охрана общественного порядка неизменно входит в перечень основных задач, которые ставятся перед региональным органом МВД России, наряду с противодействием преступности, обеспечением общественной безопасности и др.

Непосредственно меры, связанные с охраной общественного порядка, осуществляют органы полиции, которая, как следует из ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [4] (далее – ФЗ «О полиции»), является «составной частью единой централизованной системы федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел» и обеспечивает в том числе охрану общественного порядка (ч. 1 ст. 1 ФЗ «О полиции»). При этом в соответствии со ст. 13 данного закона для выполнения возложенных задач органы и должностные лица имеют определенные права: «патрулировать населенные пункты и общественные места, оборудовать при необходимости контрольные и контрольно-пропускные пункты, выставлять посты, в том числе стационарные, и заслоны, использовать другие формы охраны общественного порядка» [4]. Однако, на наш взгляд, указанные виды деятельности должны составлять не права, а обязанности полиции.

В Указе Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 250 «Вопросы организации полиции» [5] закрепляется, что в состав полиции входят подразделения, организации и службы, на которые, в частности, возлагаются функции по «обеспечению безопасности граждан и общественного порядка, в том числе в местах проведения публичных и массовых мероприятий, а также при чрезвычайных ситуациях и осложнениях оперативной обстановки» [5]. Деятельность полиции, связанная с охраной общественного порядка, осуществляется в соответствии с государственной федеральной программой, утвержденной федеральным Правительством 15 апреля 2014 г. [6], направленной на выполнение следующих задач: «повышение эффективности деятельности органов внутренних дел по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, противодействию преступности, охране общественного порядка, обеспечению общественной безопасности» [6].

Данная деятельность органов полиции довольно подробно рассматривается в литературе. Однако заметим, что структура подразделений полиции регионального органа МВД России, как правило, включает в себя: «управление организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами исполнительной власти и органами местного самоуправления; отдел организации охраны общественного порядка на улицах и при проведении массовых мероприятий (отдел организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних; отдел организации охраны и конвоирования спецучреждений полиции; отдел организации исполнения администра-

тивного законодательства; центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей) ...управление (отдел) ГИБДД; патрульно-постовая служба» [7, с. 28]. На городском (районном, межрайонном) уровне типичная структура подразделений полиции, реализовывающих меры по охране общественного порядка, выглядит следующим образом: «подразделение охраны общественного порядка; подразделение участковых уполномоченных полиции; подразделение по делам несовершеннолетних; строевое подразделение охраны и конвоирования подозреваемых и обвиняемых; подразделение исполнения административного законодательства; центр временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей ...подразделения ГИБДД; строевое подразделение патрульно-постовой службы полиции» [7, с. 31]. Нормативно закрепляются также критерии создания территориального органа полиции (например, на районном уровне отдел полиции образовывается в том случае, если численность жителей составляет не менее 20 тыс. человек).

Следует заметить, что такая структура подразделений, отвечающих за охрану общественного порядка, была разработана на рубеже 1970 г. и с тех пор практически не изменилась. Однако в Советском государстве территориальные органы внутренних дел считались подразделениями исполкомов местных советов народных депутатов, а их руководители тесно взаимодействовали как с исполкомами, так и местными партийными комитетами КПСС. Несмотря на то что прохождение службы в органах внутренних дел определялось законодательством СССР, формально начальники ОВД имели двойное подчинение (исполкому и вышестоящим начальникам), но назначались (увольнялись) по линии МВД СССР (по согласованию с местными советами). Руководители (заместители) ОВД участвовали в заседаниях исполкомов местных советов, разрабатывали и осуществляли совместные мероприятия, в том числе связанные с деятельностью добровольных народных дружин, отчитывались перед населением и т.д.

В советский период вопрос о применении иных мер по охране общественного порядка со стороны местной власти, кроме уже осуществляемых городским (районным) ОВД, не возникал, поскольку местные советы являлись нижним звеном единой государственной власти. Однако после распада СССР и принятия Конституции РФ 1993 г. на местах (городах, районах, поселках, селах) публичная власть была трансформирована в новый институт – органы местного самоуправления, которые, согласно ст. 12 Основного закона России, «...не входят в систему органов государственной власти». Как

следствие, возникло противоречие между полномочиями органов местного самоуправления и органов внутренних дел, которые являются частью системы государственной власти федерального уровня в сфере охраны общественного порядка. Попытки механической передачи ряда подразделений районных (городских) ОВД, входивших в милицию общественной безопасности, в ведение органов местной власти (органов местного самоуправления), предпринимаемые в 1990 г., не дали положительных результатов (недостаточное финансирование, противоречивый статус местной милиции общественной безопасности и др.).

Однако это послужило началом поиска оптимального решения проблемы, связанной с определением круга полномочий и организационно-структурных оснований деятельности муниципальной милиции по реализации конституционной функции по охране общественного порядка, создание которой прямо предписывается Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [8] (далее – ФЗ 2003 г.). В данном акте предусматривается создание муниципальной милиции в городских округах и муниципальных районах, деятельность которой должна регулироваться специальным законом (п. 8 ч. 1 ст. 15 и п. 9 ч. 1 ст. 16). Так, в законопроекте, внесенном на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ группой депутатов от фракции «Справедливая Россия» [9], указывается, что муниципальная милиция является самостоятельным органом, а ее руководитель должен избираться жителями муниципального образования. При этом муниципальная милиция трактуется как «вооруженная (военизированная) организация, которая имеет специальные средства, огнестрельное оружие, специальную полицейскую технику» [9], а также наделена таким «силовым» полномочием, как право задерживать нарушителей закона. Однако следует признать, что данный проект не учитывает реальное положение дел в муниципальных образованиях, прежде всего речь идет о финансовой (абсолютное большинство муниципальных районов и городских округов, в которых должна быть создана муниципальная милиция, являются дотационными) и кадровой составляющей (муниципальные милиционеры должны иметь надлежащую подготовку), и поэтому только в долгосрочной перспективе может рассматриваться в качестве базового.

Следует указать на еще одну коллизию, которая может возникнуть при функционировании в одном муниципальном образовании сразу двух независимых друг от друга силовых структур, выполняющих общую задачу по охране обще-

ственного порядка (федеральная полиция и муниципальная милиция). В России, как в царский, так и советском периоды, отсутствовали самостоятельные полицейские (милицейские) структуры на местном уровне, т. е. исторические традиции, по сути, не сформировались.

В данном контексте не можем согласиться с позицией, согласно которой органы местного самоуправления должны наделяться полномочиями, присущими спецслужбам. Так, по мнению А.Е. Юрицина, «органы местного самоуправления обязаны в пределах своей компетенции противодействовать экстремизму и выполнять следующие функции: предупреждение терроризма; выявление, предупреждение, пресечение террористических актов ... выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных объединений, религиозных и иных организаций, физических лиц» [10, с. 94]. Несмотря на то что автор не ведет речь об охране общественного порядка, его суждение, на наш взгляд, характерно для сторонников передачи полномочий силовых спецслужб, связанных с осуществлением охраны общественного порядка, органам местного самоуправления. Полагаем, что этого делать не следует прежде всего потому, что противодействие экстремизму и терроризму не является и не может являться вопросом местного значения, регулируемым органами местного самоуправления самостоятельно в рамках муниципального образования. Это проблема федерального уровня, поэтому заниматься ее решением должны надлежащим образом подготовленные профессионалы.

В то же время охрана общественного порядка должна входить в перечень наиболее важных функций муниципального образования, поскольку она имманентно присуща любому территориальному органу публичной власти общей компетенции. Для этого необходимо таким образом структурировать и сформировать соответствующие полномочия органов местного самоуправления, чтобы они не дублировали функции действующих в границах муниципального образования органов федеральной полиции, на что уже обращалось внимание в литературе [11, с. 10]. Так, справедливо отмечается, что «фактическая отстраненность муниципальных органов от участия в обеспечении охраны правопорядка в условиях современной России приводит к тому, что федеральный центр несет всю полноту ответственности за обеспечение правопорядка на всех уровнях территориальной организации государства – от городов федерального значения до небольших сельских поселений и межселенных территорий. Это порождает далеко не всегда оправданный перенос негативного восприятия населением ка-

чества обеспечения правопорядка только на федеральную власть, сохранение патерналистской модели российской государственности, стагнацию организационно-правовых форм обеспечения правопорядка на территории муниципальных образований» [12, с. 24–25].

Исправить сложившуюся ситуацию, по мнению Ю.П. Соловья, может создание муниципальной милиции, которая будет финансироваться за счет средств местного бюджета и, соответственно, подчиняться органам местного самоуправления, что «возможно лишь при кардинальном пересмотре, в том числе и в законодательном порядке, всего спектра взаимоотношений государства и местного самоуправления» [13, с. 21]. Однако полагаем, что кардинальных изменений все же не потребуются, т. к. уже имеется первый опыт функционирования муниципальной милиции, которая в отсутствие федерального закона о ней де-факто создана на основании законов субъектов РФ и правовых актов местного значения. Так, в 2011 г. решением Городской думы г. Ижевска (Удмуртская Республика) была образована муниципальная милиция [14]. Организационно она представляет собой Управление муниципальной милиции местной администрации, сотрудники которого занимаются вопросами благоустройства и поддержания порядка (контролируют соблюдение тишины в ночное время, осуществление земляных работ и др.). При этом муниципальные милиционеры могут только фиксировать нарушения, проводить беседы, составлять протоколы, которые затем направляются в административные комиссии. Данный опыт показывает, что некоторое понимание участия муниципалитетов в охране общественного порядка определено.

Как видно, полномочия ижевской муниципальной милиции весьма ограничены. С другой стороны, на наш взгляд, в настоящее время отсутствуют условия для предоставления ей права применять меры государственного принуждения (включая физическую силу, спецсредства, оружие). Вместе с тем муниципалитеты наделены конституционной функцией по охране общественного порядка, целесообразность которой сомнений не вызывает (об этом свидетельствует как мировой опыт, так и логика формирования публичной власти общей компетенции). Однако осуществление указанной функции целесообразно регулировать иначе, чем предусмотрено в ФЗ 2003 г., некоторые нормы которого являются декларативными. Так, в ФЗ 2003 г. применительно к созданию муниципальной милиции в городских округах и муниципальных районах (п. 8 ч. 1 ст. 15, п. 9 ч. 1 ст. 16) делается оговорка

о том, что указанные нормативные положения «вступают в силу в сроки, установленные федеральным законом, определяющим порядок организации и деятельности муниципальной милиции» [8]. Однако до настоящего момента такой закон не принят, а имеющиеся законопроекты (один из них рассмотрен выше) не соответствуют потребностям общества. Камнем преткновения является, как отмечалось выше, необходимость разграничения полномочий в сфере охраны общественного порядка между федеральной полицией и муниципальной милицией, входящей в систему органов местного самоуправления. Вариант исключения муниципальной милиции из сферы охраны общественного порядка неприемлем, поскольку функция охраны общественного порядка, еще раз подчеркнем, имманентно присуща территориальной публично-властной структуре общей компетенции.

С другой стороны, местное самоуправление еще не готово с организационно-финансовой точки зрения осуществлять охрану общественного порядка в необходимом объеме. Полагаем, что первым шагом может стать передача в ведение органов местного самоуправления несилловых подразделений полиции, а именно участковых уполномоченных полиции и инспекций по делам несовершеннолетних, учитывая, что, согласно ФЗ 2003 г., органы местного самоуправления (городских округов и поселений) уже сейчас обязаны предоставлять служебные помещения участковому уполномоченному полиции. Кроме того, в настоящее время законом субъекта РФ полномочием по созданию комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав могут наделяться органы местного самоуправления (на практике эта норма Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [15] применяется), т. е. для органов местного самоуправления указанные направления не являются новыми.

Следует предусмотреть в ФЗ 2003 г. различные формы охраны общественного порядка для муниципалитетов, не связанные с применением мер принуждения (например, патрулирование во время проведения массовых мероприятий, составление протоколов, профилактическая деятельность и др.). Что касается федерального закона о муниципальной милиции, то, на наш взгляд, он может быть разработан только после обобщения практики органов местного самоуправления по охране общественного порядка, а на это потребуется, очевидно, не менее 10–15 лет.

1. О Правительстве Российской Федерации: федер. конст. закон от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ (ред. от 28.12.2016). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 30.06.2018).

2. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 (вместе с «Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации») // Рос. газ. 2011. 2 марта.

3. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента РФ от 21 дек. 2016 г. № 699. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2018).

4. О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 07.03.2018). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 30.06.2018).

5. Вопросы организации полиции: указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 250 (ред. от 07.12.2016). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2018).

6. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апр. 2014 г. № 345 (ред. от 31.03.2017). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.06.2018).

7. Административная деятельность полиции. Частии Общая и Особенная / под ред. А.К. Дубровина. Иркутск, 2013.

8. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 18.04.2018). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.06.2018).

9. Муниципальная милиция в Российской Федерации: проект федерального закона фракции политической партии «Справедливая Россия» в Государственной Думе / С.М. Миронов и др. М., 2015.

10. Юрицин А.Е. Взаимодействие полиции с органами государственной власти и местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму // Вестн. Омск. юрид. акад. 2017. № 2.

11. Баликоева Л.М. Полномочия органов местного самоуправления по обеспечению правопорядка: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

1. About the Government of the Russian Federation: fed. law d.d. Dec. 17, 1997 № 2-FKL (edition of 28.12.2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 30.06.2018).

2. Questions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation: decree of the Russian President of March 1, 2011 № 248 (together with «The provision on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation») // Rus. newsp. 2011. March 2.

3. About the adoption of the Provision on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Standard provision on territorial authority of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the territorial subject of the Russian Federation: decree of the Russian President d.d. Dec. 21, 2016 № 699. Access from справ. legal system «ConsultantPlus» (date of access: 30.06.2018).

4. About police: fed. law d.d. Febr. 7, 2011 № 3-FZL (edition of 07.03.2018). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 30.06.2018).

5. Questions of the organization of police: decree of the Russian President d.d. March 1, 2011 № 250 (edition of 07.12.2016). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 30.06.2018).

6. About the approval of the state program of the Russian Federation «Ensuring public order and counteraction of crime»: resolution of the Government of the Russian Federation from Apr. 15, 2014 № 345 (edition of 31.03.2017). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 30.06.2018).

7. Administrative activity of police. Parts the General and Special / ed. by A.K. Dubrovina. Irkutsk, 2013.

8. About the general principles of the organization of local government in the Russian Federation: fed. law d.d. Oct. 6, 2003 № 131-FL (edition of 18.04.2018). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 01.06.2018).

9. Municipal militia in the Russian Federation: the draft federal law of fraction of political party «Just Russia» in the State Duma / S.M. Mironov, et al. Moscow, 2015.

10. Yuritsin A.E. Interaction of police with public authorities and local government in the sphere of counteraction to extremism // Bull. of Omsk Law Academy. 2017. № 2.

11. Balikoyeva L.M. Powers of local governments on providing law and order: diss. ... Candidate of Law. Moscow, 2013.

12. Skripkina Yu.G. Interaction of local governments with law-enforcement bodies on protection of public order in the territory of the municipal unit (constitutional and legal and organizational bases): auth. abstr. ... Candidate of Law. St. Petersburg, 2009.

12. Скрипкина Ю.Г. *Взаимодействие органов местного самоуправления с органами внутренних дел по охране общественного порядка на территории муниципального образования (конституционно-правовые и организационные основы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2009.*

13. Соловей Ю.П. *Федеральный закон «О полиции» как основной источник отечественного полицейского права // Полиция – новый институт современной государственной правоохранительной системы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Омск, 15–16 сент. 2011 г.). Омск, 2012.*

14. *Об утверждении Положения об Управлении муниципальной милиции Администрации города Ижевска // Официальный сайт Администрации городского округа Ижевск. URL: http://www.izh.ru/res_ru/0_hfile_37946_1.pdf (дата обращения: 30.04.2018).*

15. *Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федер. закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017). Доступ из справ. правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.06.2018).*

13. Solovey Yu.P. *Federal law «About Police» as main source of the domestic police right // Police – new institute of a modern state law-enforcement system: proc. of All-Russian sci.-pract. conf. (Omsk, Sept. 15–16, 2011). Omsk, 2012.*

14. *About the adoption of the Provision on Management of municipal militia of City administration of Izhevsk // Official site of Administration of the city district Izhevsk. URL: http://www.izh.ru/res_ru/0_hfile_37946_1.pdf (date of access: 30.04.2018).*

15. *About bases of a system of prevention of neglect and offenses of minors: fed. law d.d. June 24, 1999 № 120-FL (edition of 07.06.2017). Access from legal reference system «ConsultantPlus» (date of access: 20.06.2018).*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Курдюк Петр Михайлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права Кубанского государственного аграрного университета им. И.Т. Трубилина; e-mail: mail@kubsau.ru;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612581426.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

P.M. Kurdyuk, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Administrative and Financial Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; e-mail: mail@kubsau.ru;

I.V. Uporov, Doctor of History, Professor, Professor of the Chair of Constitutional and Administrative Law of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612581426.

Критика криминальной идеологии как средство профилактики организованной преступности в молодежной среде

В статье анализируется криминальная идеология, опровергаются базовые ее принципы с целью предупреждения вовлечения молодежи в преступную деятельность. Исследуются ценностные ориентиры и противоправные модели поведения, характерные для субкультуры АУЕ, доказывается ее тесная связь с субкультурой «воров».

Ключевые слова: криминальная идеология, субкультура АУЕ, право, субкультура «воров», девиантная модель поведения.

Criticism of criminal ideology as a means of prevention organized crime youth

The article analyzes the criminal ideology, refuted its basic principles in order to prevent the involvement of young people in criminal activities. Value orientations and illegal behavior patterns characteristic of the AUE subculture are investigated, its close connection with the «thieves» subculture is proved.

Key words: criminal ideology, AUE subculture, law, subculture of «thieves», deviant model of behavior.

В настоящее время в России сформировалась и стремительно распространяется новая опасная криминальная субкультура АУЕ (эта аббревиатура раскрывается как «арестантский уклад един», «арестантское уркаганское единство»), которая пропагандирует идеологию «воров в законе» и тюремные понятия, активно вовлекая в преступный мир молодежь, в том числе школьников.

В связи с этим возникает острая потребность в осуществлении пропаганды правовой грамотности и законопослушного поведения, направленной на профилактику криминальных проявлений в молодежной среде. Следует отметить, что она будет эффективной только при условии полного понимания специфики криминальной идеологии. Однако прежде чем приступить к критике данной идеологии, необходимо проанализировать ценностные ориентиры и противоправные модели поведения, характерные для субкультуры АУЕ.

Данная субкультура представляет собой малоизученный феномен современного российского криминального мира, поэтому ее характер, время и причины возникновения являются предметом научных дискуссий. Одни исследователи полагают, что истоки данной криминальной субкультуры следует искать в молодежных субкультурах советского периода. Ученые-криминологи, напротив, полагают, что АУЕ следует

признать новым явлением, возникшим после 2010 г. Не меньше споров вызывает и отношение данной субкультуры к «воровскому» миру. Так, ряд исследователей подчеркивают ориентацию анализируемого криминального сообщества на субкультуру исправительных учреждений несовершеннолетних, однако другие ученые и практики указывают на его подчиненность субкультуре тюремного сообщества.

Не менее важным вопросом необходимо признать степень ее реальности. Так, сотрудники правоохранительных органов и жители некоторых российских регионов констатируют массовое распространение субкультуры АУЕ среди подростков и молодежи. Например, в Сибири и на Дальнем Востоке имеет место установление жесткого контроля за деятельностью молодежных группировок со стороны профессиональных преступников, как находящихся на свободе, так и отбывающих наказание. При этом можно с уверенностью утверждать, что в других регионах субкультура АУЕ практически не выходит за рамки сети Интернет.

Несмотря на существующие противоречия в определении и оценке рассматриваемого явления, очевидно, что АУЕ представляет собой самостоятельную молодежную криминальную субкультуру, ориентированную на ценности «воров». Данное определение следует признать правомерным в силу следующих обстоятельств:

в отличие от «воровской» субкультуры, субкультура АУЕ не распространена в местах лишения свободы и действует только в молодежной среде;

обе субкультуры базируются на единых ценностях и носят обособленный по отношению к обществу характер;

АУЕ имеет собственную социальную структуру, принципиально отличную от «воровской»;

субкультура АУЕ основана, по сути, на одной простой идее, а «воровская» субкультура представляет идеологически и социально значительно более сложное явление.

На основании вышеизложенного представляется возможным рассматривать субкультуру АУЕ как отдельный, но при этом тесно связанный с субкультурой «воров», феномен.

Основная идея АУЕ заключается в организации молодежных группировок с целью сбора денег, продуктов и вещей, так называемого «грева», для «авторитетных» заключенных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях. Необходимость реализации этой идеи именно участниками данной субкультуры объясняется следующими причинами:

криминальный мир, в отличие от нормального общества, и его ценности являются единственно верными;

пребывание в тюрьме неизбежно, и к нему нужно готовиться сейчас, изучая тюремную субкультуру и ведя соответствующий образ жизни;

положение в тюрьме зависит от твоего поведения на свободе, поэтому необходимо собирать «общак» для поддержки «правильных» заключенных.

Структурно субкультура АУЕ состоит из совокупности подростковых и молодежных группировок, собирающих «дань» с подростков, обучающихся в школах и средних специальных учебных заведениях, под предлогом помощи заключенным, каждая из которых включает в себя следующие категории лиц:

«старший» – лидер группировки, осуществляющий руководство сбором «дани» и являющийся держателем «общака», забирающий себе определенный процент добычи;

«близкие» – окружение лидера, состоящее из нескольких человек, заявляющих о своей приверженности криминальным ценностям, но не принимающих непосредственного участия в вымогательстве;

«сборщики» – лица, осуществляющие ежемесячный сбор «дани»;

«бойцы» – участники группы рэкетиров, обеспечивающих силовое прикрытие вымогательства;

«знающие» – участники группы рэкетиров, убеждающие жертв платить «дань»;

«терпилы» – обучающиеся средних и средних специальных учебных заведений, платящие «дань» и обладающие правом обращаться к активным участникам субкультуры за помощью.

Следует отметить, что для субкультуры АУЕ характерны:

картежные игры и алкоголизм как средства сплочения преступной группы;

паразитизм и тунеядство;

жестокость по отношению к более слабым, отсутствие чувства сострадания;

вымогательство у лиц, стоящих на низших ступенях групповой иерархии;

пониженная эмоциональная идентификация члена группы с группой в целом.

Наиболее распространенными ритуалами в данной субкультуре являются:

коллективное нанесение татуировок;

спор на выносливость, например, держание рук над зажженными свечами;

«варка», или «ровное стояние», – нанесение удара по надутой щеке с целью искупления какого-либо незначительного проступка;

использование друга («близкого») в качестве заместителя при силовом разрешении конфликтов или споров;

сбор «грева» для заключенных;

наличие прозвища;

обряд «опускания».

К числу субкультурных навыков участников группировок АУЕ следует отнести:

умение говорить на воровском жаргоне («ла-лакать по фене»);

умение побеждать («вывозить») в споре;

участие в драках («выход раз на раз»);

знание оснований разрешения споров;

знание местных криминальных авторитетов;

знание истории и традиций криминального сообщества.

Повысить авторитет индивида в группировке могут следующие действия:

победа в драке; совершение краж у лиц, не принадлежащих к субкультуре;

умение силовым или мирным способом решать конфликты.

При этом действиями, приводящими к потере авторитета, являются:

извинение на камеру;

признание своей неправоты;

прощение обиды;

воровство у своих («крысятничество»).

Как и для субкультуры «воров», для участников АУЕ характерны девиантные модели поведения:

употребление наркотиков (гашиш, синтетические наркотики);

посредничество в покупке наркотиков;

пренебрежительное отношение к девушкам с целью демонстрации верности группировке;

поощрительное отношение к чрезмерному употреблению алкоголя;

демонстративно развязное поведение, пренебрежение к соблюдению общепризнанных моральных и этикетных норм;

допустимость краж и грабежей;

невозможность сотрудничества с правоохранительными органами;

уважительное отношение к силе.

Одной из наиболее опасных черт данной субкультуры является невозможность выхода из нее. Подросток или молодой человек, хотя бы один раз уплативший «дань», обязан делать это все время. Если учесть, что группировки АУЕ находятся под контролем «воров», то у криминальной идеологии и субкультуры в целом открываются перспективы для проникновения в широкие слои молодежи, что создает значительную угрозу обществу и правопорядку.

В системе противодействия преступности критика криминальной идеологии занимает важное место, поскольку формирует нетерпимое отношение в обществе к противоправным моделям поведения и субкультуре «воров». Вместе с тем решение данной социально значимой задачи затрудняется рядом специфических черт криминальной идеологии:

отсутствием у нее четко сформулированных мировоззренческих положений;

нерациональным характером большинства мировоззренческих установок;

апелляцией к эмоциям, а не разуму человека.

Исходя из вышеизложенного сложно выделить основные элементы криминальной идеологии в качестве предметов критики. Несмотря на это, следует признать, что она обладает определенностью и не сводится к другим формам девиантного поведения. Рассмотрим важнейшие аргументы, направленные на опровержение базовых принципов любой криминальной идеологии.

Так, несмотря на то, что криминальная идеология не может предложить своим последователям целостный образ мира, она содержит в себе определенные установки, важнейшей из которых является представление о человеческой жизни как игре случайностей.

Криминальная идеология отрицает нравственное и рациональное начала и предлагает идею судьбы, равнодушную к идеям добра и зла. Мир, по сути, является игрой случай-

ностей, поэтому и человек не несет никакой ответственности перед ним. Он может либо выиграть, либо проиграть, но при этом он не должен чувствовать никакой вины ни перед Богом, ни перед обществом. Понятие «фарт» (удача) выражает идею жизни как игры. Наличие или отсутствие форта находится за пределами возможностей человека, а следовательно, ему не стоит сожалеть о своих поступках. Неудачи объясняются не ошибкой при выборе преступного образа жизни, а трусостью, нежеланием играть дальше.

Преступник, умеющий играть с судьбой, является бесстрашным существом, морально превосходящим обывателей, прячущихся от мира, приспособившихся к нему.

Признание криминальной идеологией иррациональной сущности мира и существования Бога приводит к извращенной религиозности, которая, по сути, является суеверием. Вместе с тем именно иррациональность криминального мировоззрения может стать основанием для его критики с религиозно-нравственных позиций.

Действительно, критиковать криминальную идеологию с атеистических позиций представляется затруднительным, поскольку отсутствие Бога, бессмертия души и посмертного воздаяния делает преступника безнаказанным, а признание разумности, нравственности и личностной сущности мира влечет неминуемое наказание за преступный образ жизни.

Для всех идеологий криминальной направленности характерно деление людей на «сильных» и «слабых», что свидетельствует о сведении ими сущности человека к животному началу. Как и в животном мире, главной целью криминального сообщества является физическое и социальное выживание любыми способами, в том числе путем обмана, предательства и т. п.

В связи с этим романтизация жизни преступных элементов как духовного братства совершенно несостоятельна. Криминальный мир представляет собой непрекращающуюся «животную» борьбу всех со всеми, в которой никакое подлинное нравственное начало невозможно. Даже клановая этика криминальной идеологии, допускающая безнравственное отношение к миру за пределами преступного сообщества и провозглашающая незыблемость нравственных ценностей внутри него, является откровенным лицемерием. В криминальном мире каждый борется только за себя, при этом так называемые общие интересы служат лишь прикрытием корыстных мотивов и стремления выжить.

Вместе с тем принципиальное отличие человека от животного заключается в способности контролировать свои природные инстинкты и поступаться собственными интересами ради общих. Уязвимость криминальной идеологии состоит в том, что она теоретически не отрицает нравственное начало, провозглашает преступное сообщество царством подлинной нравственности, где невозможна ложь, предательство, корысть, где все служат общему делу – «воровской» идее, «братве», но на практике она нарушает собственные лозунги, демонстрируя низменную животную составляющую человека.

Все криминальные идеологии носят антиобщественный, паразитический характер, поскольку в них труд рассматривается в качестве способа унижения человеческого достоинства и удела «слабых» личностей, не способных «взять свое» силой. Однако именно труд является одним из важнейших условий сохранения духовно-нравственного стержня в человеке.

Отрицая необходимость трудовой деятельности, криминальная субкультура противопоставляет труду риск. Во многом это связано с архаической природой криминальной идеологии в целом. Профессиональные преступники мыслят себя воинами, каждую секунду рискующими своей жизнью, что делает их, по собственному убеждению, выше обычных людей, которые отказались от риска и предпочли спокойную жизнь. Представители криминального мира убеждены, что предприниматели и рабочие «должны им по жизни». Данная логика интересна не только тем, что характерна для эксплуататорского класса рабовладельческого или феодального общества, но и тем, что содержит в себе явное противоречие: считая себя выше общества, криминальный мир является абсолютно несамостоятельным, он не может что-либо производить, а следовательно, способен лишь на паразитическое существование. Таким образом, криминальный образ жизни не является самодостаточным и эталонным для человека, как полагают профессиональные преступники.

Паразитизм криминальной субкультуры вступает в явное противоречие с идеей о независимом, самодостаточном «сильном человеке». На практике отказ от трудовой деятельности оказывается проявлением страха перед социальным миром, неумением добиться признания у членов общества, бегством от него в параллельную реальность и в конечном счете человеческой слабостью.

В личностном же плане данная установка приводит к полному разрушению духовно-нравственного сознания человека.

Правовой нигилизм традиционно признается одной из главных характеристик криминальной идеологии. Однако рациональная критика данной черты будет эффективной только при условии правильного понимания ее специфики, которая заключается в замене общепринятых норм права их девиантной формой. Вообще под правом понимаются строго регламентированные правила жизнедеятельности общества, подкрепленные угрозой применения насилия. Особенность нормальной формы права заключается в том, что оно осуществляет социальную регуляцию на основе гуманистических ценностей и интересов социума в целом, но при строгом соблюдении правил наложения и снятия санкций. В противоположность этому девиантная форма права, предлагаемая криминальной субкультурой, исходит из антигуманистических, по сути «животных», ценностей, действует в интересах узкой социальной группы, применяющей насилие.

Другими словами, криминальная идеология и субкультура предлагают собственную форму права, которую они противопоставляют, с одной стороны, государственному праву, а с другой – действующим преступникам-одиночкам и преступным группам, не подчиненным криминальной субкультуре. Таким образом, выступая с критикой правового нигилизма криминальной идеологии, следует опровергать не столько нарушения норм действующего законодательства, сколько саму идею превращения криминала в субъекта судопроизводства, поскольку представители криминальной субкультуры мыслят себя в качестве альтернативы государству.

Невозможность осуществления криминального проекта альтернативного права заключается не столько в том, что криминал не контролирует определенную территорию, на которой он мог бы гарантировать реализацию своих «законов» и организацию социальной жизни в соответствии с ними, а скорее, в том, что предлагаемая им система социального регулирования не является подлинным правом, т. е. не учитывает интересы общества и личности, а потому не способна реализовать идею социальной справедливости. Отсюда следует, что различные криминальные «кодексы поведения» пытаются принять правовую форму, однако правом в полном смысле этого слова они не являются. Криминал, по сути, предлагает

вернуться к первобытным, догосударственным формам права, в которых определяющую роль играл не закон, а судья. Именно доминирование личностного начала в криминальных «законах» делает невозможным его письменную фиксацию и детальную разработку. Поэтому призывы к рассмотрению «законов» преступного мира в качестве подлинного права, характерные для криминальной идеологии, оз-

начают возвращение общества в первобытное состояние.

В заключение краткого анализа критики базовых принципов криминальной идеологии следует подчеркнуть, что она должна быть сопряжена с культурной и просветительской работой и учитывать специфику мышления социальных слоев, являющихся главными объектами идеологического воздействия криминальной субкультуры.

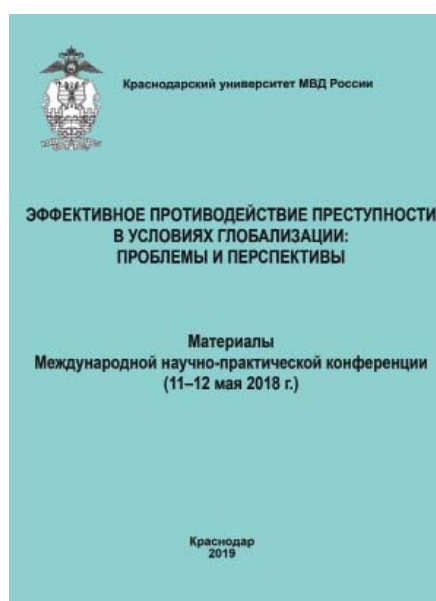
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Самойлов Сергей Федорович, доктор философских наук, профессор, начальник кафедры философии и социологии Краснодарского университета МВД России; тел.: +78612583957.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

S.F. Samoilov, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Philosophy and Sociology of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; ph.: +78612583957.

ИЗДАНИЯ КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ

Эффективное противодействие преступности в условиях глобализации: проблемы и перспективы : материалы Международ. науч.-практ. конф., 11–12 мая 2018 г. / редкол.: Д.М. Берова, Н. Г. Канунникова, А. А. Цримов, Х. А. Аккаева, А. Ю. Тутуков, М. М. Ардавов, Б. А. Тарчоков, А. К. Карданов, М. М. Хамгоков. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2019. – 160 с.

Содержатся материалы Международной конференции, в которых рассматриваются актуальные проблемы противодействия терроризму, экстремизму, незаконному обороту оружия и наркотических средств, вопросы взаимодействия гражданского общества и государства в обеспечении правопорядка.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Шинкевич Владимир Ефимович

Оценка акме-потенциала обучающихся в условиях организации образовательного процесса на основе компетентностного подхода: на материалах социологического исследования

В статье рассматривается ценность компетентностного подхода в условиях организации образовательного процесса в образовательных организациях МВД России. Обосновывается идея развития акмеологического потенциала будущих полицейских с первых дней профессионального обучения. Автор анализирует результаты социологического исследования, направленного на изучение субъективных акмеологических установок обучающихся в образовательной организации МВД России и основных акмеологических факторов, способствующих развитию личности будущего полицейского, формированию его профессиональной компетентности.

Ключевые слова: компетенция, компетентность, образование, профессионализм, акмеологический потенциал, акмеология.

Assessment of the acme-potential of students in the context of educational arrangements on the basis of a competency building approach: based on the materials of social studies

The article considers the value of a competency building approach in the context of educational arrangements in educational organizations of internal affairs bodies. The idea to increase attention to police training as professionals is justified; attention is drawn to the need to develop acme potential of future police officers from the very first days of their vocational training. The author analyzes the results of a social research aimed at studying the subjective acmeological attitudes of students at an educational organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia and the main acmeological factors contributing to the development of a student's personality, the formation of professional competence while in an educational institution of law enforcement bodies.

Key words: competence, competency, education, professionalism, acmepotential, acmeology.

Проблема формирования личности профессионала и эффективной мотивации к овладению необходимыми компетенциями уже на начальном этапе правоохранительной службы, который совпадает с периодом обучения в образовательной организации, по-прежнему остается актуальной.

Значительный коммуникативный эффект становления профессионализма сотрудников органов внутренних дел может дать внедрение в практику подготовки сотрудников внутренних дел рекомендаций, выработанных в ходе акмеологических исследований [1]. Это объясняется прежде всего тем, что для успешного саморазвития как обучающегося, так и действующего сотрудника (следователя, оперативника, сотрудника дежурных, кадровых и воспитательных структур и т. д.), необходимы внутренние потребности в самооценке и самосовершенствовании, которые могут возникнуть и поддер-

живаться только у высокомотивированного к данному виду деятельности человека [2].

Для оценки состояния организации образовательного процесса, потенциальной готовности обучающихся к освоению образовательной программы в соответствии с новыми Федеральными государственными образовательными стандартами в октябре-ноябре 2017 г. был проведен опрос курсантов и слушателей Сибирского юридического института МВД России [3].

Как показало исследование, большинство обучающихся до поступления в ведомственный вуз (79%), как мужчины (78%), так и женщины (80%), проживали в городской местности, что в целом соответствует уровню урбанизации региона. Основная их часть (97%) поступает в образовательную организацию высшего образования сразу же по окончании средней общеобразовательной школы. При этом около 85% делают свой выбор осознанно. Среди курсан-

тов, обучающихся на разных курсах, более 27% составляют те, кто продолжает семейные традиции. Данная часть обучающихся имеет представление о специфике правоохранительной деятельности, а следовательно, более высокий акмеологический потенциал к службе.

Вместе с тем то, что практически 100% педвукурсников очной формы обучения – это вчерашние выпускники общеобразовательных учебных заведений, позволяет предположить относительно невысокую выраженность у абитуриентов той составляющей акме, которая основана на имеющемся личном жизненном опыте будущих сотрудников органов внутренних дел. Данный факт во многом объясняет такое социально негативное профессиональное явление, как текучка кадров.

Несомненно, значимыми для определения акме-потенциала обучающихся является уровень субъективной и объективной оценки интеллектуального и физического развития тех, кто решил связать свою жизнь с правоохранительной деятельностью. Более 50% абитуриентов имеют средний балл диплома о среднем общеобразовательном образовании выше 4, более 72% из них оценивают свою физическую подготовленность как хорошую.

Первоначальное представление курсантов о будущей службе определенным образом влияет на выбор профессии. Однако можно предположить, что со временем первичные детерминанты могут быть ослаблены реальностью, т. к. человек нередко переоценивает свои возможности, что приводит к разочарованию в выборе профессии, уменьшает акме-потенциал формирования качеств, необходимых сотруднику органов внутренних дел.

При оценке уровня правильности первоначального выбора было установлено, что подавляющее большинство обучающихся считают сделанный ими выбор верным. Причем наиболее выражен акме-потенциал у тех курсантов, которые не сомневаются в правильности своего выбора (около 67%). Оценивая выраженность индикаторов «да, вполне», «скорее да, чем нет», было установлено, что они практически не изменяются на течение всего периода обучения. Этому во многом способствует эффективно организованная работа администрации, профессорско-преподавательского состава и сотрудников воспитательных подразделений образовательной организации.

Отмечаются некоторые «провалы» индикатора «да, вполне» при оценке ответов обучающихся четвертого курса. Данный факт мож-

но объяснить прежде всего тем, что курсанты четвертого курса к моменту опроса прошли первичную стажировку в подразделениях ОВД и получили личные впечатления о правоохранительной службе. Возможно, те трудности, с которыми им пришлось столкнуться, детерминировали некоторые сомнения относительно правильности сделанного профессионального выбора. В связи с этим представляется необходимым более внимательно подходить к организации практики курсантов четвертого курса и выбору подразделений полиции, усилить контроль за ее проведением со стороны руководителей из числа профессорско-преподавательского состава.

Один из самых высоких показателей оценки правильности выбора профессии полицейского отмечается у слушателей 5 курса (более 75%). Опрос был проведен по завершении практики, во время которой пятикурсники проходили стажировку в основном на тех должностях, на которые они будут назначены по окончании обучения. Выпускники имели возможность лично увидеть особенности конкретных правоохранительных специальностей, применить знания, умения и навыки, сформированные в процессе обучения, на практике, получить советы и поддержку от старших товарищей. Уверенность в правильно сделанном выборе способствует достижению профессионального акме и личностно значимых целей. Необходимо, по возможности, предусмотреть совместную стажировку профессорско-преподавательского состава с обучающимися в подразделениях органов внутренних дел как в качестве руководителей практики, так и стажеров по должности.

Следует отметить, что формированию акме обучающихся во многом призвана способствовать комплексная система организации образовательного процесса. Качество предоставляемого образования непосредственно влияет на мотивацию человека к успешному освоению дисциплин учебного плана, формирует уверенность в том, что при определенном усилии им могут быть достигнуты высокие результаты.

Обучающимся было предложено оценить по десятибалльной шкале уровень реализации образовательной организацией основных составляющих образовательной деятельности. Анализ результатов опроса показал, что средняя оценка уровня эмоционального восприятия образовательной процесса составляет 6,5 балла, при этом вариационный размах равен 2 баллам, и практически все слагаемые превышают срединный уровень шкалы изме-

рения – 5 баллов. Самыми относительно высокими показателями являются такие индикаторы, как «организация обеспеченности учебной литературой» (7,2 балла) и «организация образовательного процесса в институте» (7,1 балла). Необходимо отметить значимость данных организационных процессов для развития акме обучающихся, укрепления уверенности в правильном выборе профессии, однако их положительный потенциал используется не в полном объеме. В связи с этим возникает вопрос: каковы ресурсы совершенствования образовательного процесса? Прежде всего следует проанализировать возможные источники ресурсов: проблемы с последовательностью изучения дисциплин и модулей; объемы часов, отводимых на отдельные дисциплины; организация самостоятельной подготовки; привлекательность, насыщенность, креативность новых активных и интерактивных методик, применяемых на занятиях, и их разнообразие; доступность преподавателя для обучающихся и т. п.

Наименьшие относительные показатели уровня положительной эмоциональной составляющей у такого индикатора, как «организация личного времени в институте» (5,2 балла). Индикаторы оценки организации личного времени могут быть представлены и количественными (например, объемом времени, которое выделяется обучающимся на досуг, и пр.), и качественными показателями (например, разнообразие досуговых мероприятий, их территориальная и материальная доступность и пр.). Ценность феномена личного досуга для человека доказана рядом исследований [4; 5]. Досуг формирует навыки самоанализа, самоорганизации, поиска наиболее оптимальных форм занятости, развивает творческий акме человека, выступает регулятором психологически комфортного настроения, способствует профилактике социальной деформации и негативных зависимостей, разрушающих личность [6].

Большое значение для дальнейшей профессиональной деятельности и определения профессиональной составляющей логики акме имеет четкое представление о том, как и чему учат. Основным признаком того, хотят ли обучающиеся получить качественное образование и смогут ли они реализовать его потенциал в процессе будущей профессиональной деятельности, является то, знают ли они содержание того минимума профессиональных компетенций, которые должны сформироваться у них к концу обучения в соответствии с

Федеральным государственным образовательным стандартом по выбранному направлению подготовки. Более 90% будущих сотрудников органов внутренних дел ответили, что «имеют представление» о содержании профессиональных компетенций. Вместе с тем высокие результаты опросов по предложенным индикаторам есть следствие того, что сам вопрос был воспринят опрашиваемыми как риторический. Настораживает то, что даже среди тех, кто выбрал индикатор «да, знаю», немногие смогли воспроизвести содержание компетенций.

Однако, как показывает исследование, личная заинтересованность в изучении содержания профессиональных компетенций не выражена, следовательно, акме-потенциал, составляющий базу дальнейшего профессионального роста, в период обучения остается в «спящем» состоянии. Этому во многом способствует сохранившаяся предметная организация обучения. Основная цель курсантов – сдать экзамен, получить зачет, а не показать уровень сформированности компетенций или конкретной компетенции. В связи с этим профессорско-преподавательскому составу необходимо четко обозначать обучающимся, какие компетенции должны быть у них сформированы по завершении изучения дисциплины. Кроме того, в фондах оценочных средств и в контрольно-измерительных материалах должны быть определены соответствующие параметры по измерению уровня сформированности компетенций. Оптимальное объединение объема знаний по дисциплине и содержания компенсаций, формируемых дисциплиной, предполагает компетентностный подход в образовании даже в условиях, когда практически каждая образовательная организация самостоятельно определяет количество и перечень профессиональных компетенций. Данная работа профессорско-преподавательского состава, учебных и учебно-методических подразделений должна способствовать оптимальному использованию образовательного акме-потенциала обучающимися.

Для унификации качества и количества знаний, получаемых обучающимися в образовательной организации, целесообразно согласовывать их перечень с различными образовательными организациями одного направления подготовки. При этом методический компонент, в том числе его количественно-качественная составляющая, должен являться прерогативой каждой образовательной организации. Должна проявляться здоровая кон-

курения во взаимоотношениях между образовательными организациями при сохранении и развитии института обмена передовым опытом, в том числе касающегося методик преподавания. Однако абсолютно недопустимо административное навязывание под предлогом «исключительной» ценности, инновационности, эффективности, апробированности и пр. достоинств опыта одной образовательной организации всем остальным.

Формирование соответствующих компетенций, предусмотренных образовательными стандартами, расширение акме обучающихся невозможны без напряженной, но сбалансированной нагрузки. Это обусловлено физиологическими и эмоционально-психологическими особенностями человека, включенного в образовательный процесс.

Вершину рейтинга основных ресурсов для реализации социально значимых целей и акме сотрудника органов внутренних дел занимают следующие факторы: «наличие специального образования и умение аккумулировать профессиональный опыт» (более 19%), «уверенность в себе, упорство в достижении цели» (около 18%), «наличие цели в деятельности» (14%). Данные факторы отражают суть личного деятельного начала в акме человека. Обучающийся, отличающийся трудолюбием, усердием, настойчивостью и решительностью, имеет большие потенциальные возможности в достижении высоких результатов в профессиональной деятельности. Следует отметить такой фактор, как «поддержка и хорошее отношение в семье» (7%). Именно в семье человек находит душевное спокойствие, приобретает уверенность и бескорыстную веру в самых близких людей.

Сотруднику органов внутренних дел в условиях профессиональной деятельности, как показывает практика, необходимы как высокая выучка, так и устойчивые профессионально-этические качества, например готовность противостоять факторам, обуславливающим профессиональную деформацию и выгорание. Эти качества формируются и развиваются при решении оперативно-служебных задач, но их становление, как свидетельствуют опыт и специальные исследования, начинается в период обучения в образовательной организации МВД России. В процессе опроса обучающимся было предложено назвать три наиболее ценных качества из восемнадцати, которыми должен обладать сотрудник органов внутренних дел.

Наиболее ценными, по мнению обучающихся, качествами, являются: «высокая профессиональная подготовка» (более 26%), необходимость «дополненного специального профессионального образования» (более 8%), «ответственность» (около 20%) и «умение самостоятельно принимать решения» (около 15%).

Большим ценностным значением для обучающихся обладает фактор личного уважения и признания. Курсантам было предложено ранжировать восемь социальных феноменов, которые по результатам научных исследований способствуют реализации накопленного профессионального потенциала, и оценить их значимость. Обучающиеся считают наиболее важными следующие: «уважение и признание в обществе», «уважение и признание руководителей», «уважение и признание их результатов родственниками», «уважение и признание товарищей по службе».

Таким образом, на основании проведенного исследования акме-потенциала обучающихся были сделаны следующие выводы:

основная часть обучающихся поступает в образовательную организацию сразу же после окончания средней общеобразовательной школы, при этом ощущается дефицит курсантов, имеющих опыт самостоятельной жизни или службы в российских Вооруженных Силах либо правоохранительной службы на должностях младшего начальствующего состава;

большинство семей курсантов материально обеспечены, имеют возможность оплачивать дополнительное образование детей, занятия в секциях, кружках и т. п. по интересам, т. е. формировать первоначальный акме капитал;

курсанты приняли решение о поступлении в образовательную организацию МВД России осознанно, самостоятельно;

более половины абитуриентов имеют средний балл диплома о среднем образовании выше 4, примерно три четверти оценивают свою физическую подготовленность как хорошую;

первоначальное представление о службе в органах внутренних дел имеет романтический характер, что определенным образом влияет на выбор данной профессии;

основная часть выпускников не сомневается в правильности сделанного выбора, что способствует укреплению акмеологической составляющей, успешной реализации профессионально и личностно значимых целей;

относительно высокие, хотя и не максимальные, баллы получили такие показатели, как «организация образовательного процесса в институте» и «организация обеспеченности учебной литературой», наименьшие – «организация личного времени в институте» и «организация питания в институте»;

отмечается положительная динамика субъективной оценки уровня успешности освоения программ учебных дисциплин по мере приближения окончания обучения. Наиболее успешно их осваивают те обучающиеся, которые имеют изначально более высокую базовую подготовку;

у обучающихся наблюдается довольно большое стремление получить соответствующее образование, но при этом констатируются недостаточные знания содержания профессиональных компетенций;

образовательный процесс, культурно-массовая деятельность и общественная деятельность, по субъективным оценкам респондентов, занимают основной объем их времени. При этом большинство из них считают, что времени для решения учебно-воспитательных задач в институте достаточно, однако отмечают некоторый дефицит свободного времени. Наиболее выражена данная проблема на первоначальном этапе обучения;

процесс активной фазы профессиональной социализации у большинства курсантов наиболее активно начинает проявляться на третьем курсе;

в целом обучающиеся имеют хорошо выраженную интенцию, адекватно оценивают перспективы службы и карьерного роста;

первокурсники чаще, чем обучающиеся других курсов, отмечают слабую подготовку к занятиям, при этом на первом курсе, по мнению опрошенных, наиболее четко выражена возможность адекватно соотносить время труда и отдыха. Наибольшая напряженность образовательного процесса отмечается на третьем курсе, когда возникают сложности в оптимизации режима труда и отдыха, несколько снижаются возможности личностного регулирующего влияния;

курсанты изначально признают ценности образовательной организации, функционирующей как авторитарный институт, и необходимость подчиняться распорядку дня;

большое значение для реализации социально значимых целей, акме сотрудника органов внутренних дел имеют такие факторы, как «наличие специального образования и умение аккумулировать профессиональный опыт», «уверенность в себе, упорство в достижении цели», «наличие цели в деятельности»;

наиболее значимыми, по мнению обучающихся, качествами, которыми должен обладать сотрудник органов внутренних дел, являются «высокая профессиональная подготовка», «наличие специального профессионального образования», «ответственность» и «умение самостоятельно принимать решения»;

реализация акме сотрудником органов внутренних дел возможна только при четком понимании всего комплекса ресурсов, которые гипотетически может использовать человек, осознающий жизненно важные цели и готовый приложить оптимальные усилия для их достижения.

Обучающиеся должны знать, какие компетенции будут у них сформированы по завершении изучения дисциплин, предусмотренных учебным планом. Кроме того, в фондах оценочных средств и контрольно-измерительных материалах должны быть определены соответствующие требования к уровню сформированности компетенций.

Организаторам образовательного процесса, профессорско-преподавательскому составу, специалистам воспитательных подразделений необходимо внимательнее относиться к социализации обучающихся третьего курса, уметь сочетать теоретический учебный материал и содержание общих воспитательных мероприятий. Следует обеспечить корреляцию различных видов деятельности, учебных дисциплин (как предусмотренных федеральными образовательными стандартами, так и определяемых и предлагаемых образовательной организацией), направленную на распределение познавательных усилий курсантов.

Руководству курсантскими подразделениями целесообразно обратить внимание на состояние организации самостоятельной подготовки обучающихся, прежде всего на первом курсе, предусмотреть комплекс мероприятий по формированию у них навыков и умений, направленных на минимизацию проблемы дефицита времени на отдых в условиях напряженной служебной деятельности.

1. Совершенствование процесса формирования профессиональной компетентности сотрудников органов внутренних дел: акмеологический аспект / В.Е. Шинкевич и др. Красноярск, 2018.

2. Профессиограмма сотрудников следственных и оперативных подразделений: отчет о научно-исследовательской работе (заключ.) / научн. рук. Н.В. Маслодудова. Красноярск, 2014.

3. Невирко Д.Д., Шинкевич В.Е., Горбач Н.А. Методика организации научного исследования и практика оформления его результатов: учебное пособие. Красноярск, 2009.

4. Проблема объективности расчетов и охвата населения развивающимися досуговыми учреждениями как необходимых составляющих оценки эффективности наркотической профилактической деятельности: отчет о научно-исследовательской работе (заключ.) / научн. рук. В.Е. Шинкевич. Красноярск, 2014.

5. Шинкевич В.Е., Ступина С.А. Уровень охвата населения досуговыми учреждениями как фактор эффективной организации здорового образа жизни // Вестн. СибЮИ ФСИН России. 2015. № 2.

6. Шинкевич В.Е. Феномен зависимости как проблема социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 1.

1. Improving the process of formation of professional competence of employees of internal affairs bodies: acmeological aspect / V.E. Shinkevich, et al. Krasnoyarsk, 2018.

2. Professiogram of the staff of the investigative and operational units: research report (concluding) / research advisor N.V. Maslodudova. Krasnoyarsk, 2014.

3. Nevirko D.D., Shinkevich V.E., Gorbach N.A. Methods of organizing scientific research and the practice of presenting its results: study guide. Krasnoyarsk, 2009.

4. The problem of objectivity of calculations and population coverage by developing leisure establishments as necessary components of the evaluation of the effectiveness of narcotic preventive activities: research report (concluding) / research advisor V.E. Shinkevich. Krasnoyarsk, 2014.

5. Shinkevich V.E., Stupina S.A. The level of population coverage by leisure establishments as a factor in the effective organization of a healthy lifestyle // Bull. of Sibl. of Federal Drug Control Service of Russia. 2015. № 2.

6. Shinkevich V.E. The phenomenon of dependence as a problem of sociological research // Social and humanitarian knowledge. 2015. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Шинкевич Владимир Ефимович, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Сибирского юридического института МВД России; e-mail: vlashink@yandex.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

V.E. Shinkevich, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Chair of Humanities and Social Disciplines Institution of Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: vlashink@yandex.ru

Рыкова Ирина Юрьевна

Проблемы формирования устойчивого антиэкстремистского поведения в период профессионального обучения сотрудников органов внутренних дел, впервые принимаемых на службу

В статье обосновывается необходимость формирования высокой правовой культуры и правосознания у сотрудников правоохранительных органов как основы их антиэкстремистского поведения. Предлагаются конкретные решения рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: антиэкстремистское поведение, профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел, анкетирование, экстремизм.

Problems of formation of sustainable anti-extremist behavior in the period of professional training of police officers for the first time employed

Need of formation of high legal culture and sense of justice at law enforcement officers as bases of their anti-extremism behavior is proved in article. Concrete solutions of the considered problem are proposed.

Key words: anti-extremist behaviour, professional training of police officers, survey, extremism.

В Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683, основной угрозой государству и обществу названа деятельность экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, и радикальных общественных объединений и группировок, проповедующих религиозно-экстремистскую идеологию.

В последние годы наблюдается стабильный рост преступлений экстремистской направленности. Количество таких деяний, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, с 2012 по 2017 г. возросло с 696 до 1521 [1].

В 2017 г. всего на территории России зарегистрировано 2058476 преступлений, что на 101587 меньше, чем за аналогичный период 2016 г. (-4,7%). Однако при общем снижении количества выявленных противоправных деяний в Российской Федерации число преступлений экстремистской направленности увеличилось на 4,9% [2].

Анализ статистических данных позволяет предположить, что расследование преступлений данного вида имеет ряд сложностей как правового, так и организационного характера. В связи с этим требуется постоянное повышение квалификации соответствующей категории сотрудников правоохранительных органов. Эта

необходимость также продиктована изменениями и дополнениями законодательства в исследуемой сфере, а также появлением новых форм экстремизма.

Формирование основ устойчивого антиэкстремистского поведения у сотрудников органов внутренних дел как представителей власти является одной из важнейших задач их профессиональной подготовки.

На наш взгляд, антиэкстремистское поведение следует понимать как неотъемлемый элемент правосознания, правовой и профессиональной культуры сотрудника полиции.

Основой совершенствования образовательного процесса и воспитательной работы являются знания об уровне сформированности антиэкстремистского поведения слушателей, их отношении к проявлениям экстремизма в обществе и анализ изменения ключевых показателей устойчивости антиэкстремистского поведения в период их обучения.

Так, в Брянском филиале ВИПК МВД России было проведено исследование, целью которого являлось получение актуальной информации о сформированности антиэкстремистского поведения у слушателей, обучающихся в филиале.

Для проведения исследования была подготовлена анкета, включающая вопросы, позволяющие определить исходный уровень имеющихся у слушателей правовых зна-

ний об экстремизме, а также наиболее эффективных методах профилактики и предупреждения данного негативного социально-правового явления.

В анкетировании, проводившемся анонимно, приняли участие 180 слушателей (33 (18%) женщины, 147 (82%) мужчин), из них 126 (70%) человек относятся к должностной категории рядового и младшего начальствующего состава, 54 (30%) слушателя – среднего и старшего начальствующего состава. По возрасту респонденты распределились следующим образом: от 18 до 25 лет – 114 (63%) слушателей, от 26 до 30 лет – 46 (26%), от 31 до 35 лет – 18 (10%) и старше 35 лет – 2 (1%).

Исходя из тематики и задач исследования, прежде всего было установлено, какое смысловое значение участники опроса вкладывают в понятие «экстремизм», как оценивают уровень преступности экстремистской направленности.

Так, значительное количество опрошенных (59%) (при условии выбора не более трех вариантов из шести ответов, предложенных в анкете) поставили знак равенства между понятиями «экстремизм» и «терроризм». Это, на наш взгляд, обусловлено тем, что терроризм как крайнее проявление экстремизма представлен наиболее резонансными преступлениями.

Более половины респондентов (53%) под экстремизмом понимают «воспрепятствование законной деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, избирательных комиссий, общественных и религиозных объединений или иных организаций, соединенное с насилием либо угрозой его применения», а 52% слушателей – «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации».

Сотрудники, относящиеся к должностной категории рядового и младшего начальствующего состава, обучающиеся в филиале менее двух месяцев (6%), экстремизмом считают получение взятки и использование государственных, муниципальных средств в личных целях. Можно предположить, что данные респонденты отождествляют понятия «экстремизм» и «коррупция» либо считают, что коррупционные преступления влекут за собой проявления экстремизма.

В графе «Другое» слушатели указали пропаганду, возбуждающую социальную, национальную или религиозную ненависть и вражду. Следует отметить, что наличие у опрошенных высшего юридического образования позволяет им видеть правовые предпосылки того или иного явления.

Большинство анкетированных считают, что за последние 3–5 лет уровень преступности экс-

тремистской направленности снизился (41%), хотя это не соответствует действительности; 38% респондентов полагают, что таких преступлений стало больше. 21% слушателей уверен, что данный показатель не изменился. Полученные результаты вполне предсказуемы. Указанное выше отождествление экстремизма и терроризма не позволило респондентам объективно оценить ситуацию.

Интересным с научной точки зрения представляется анализ мнений слушателей относительно причин возникновения экстремистских настроений в России. Так, 45% опрошенных отметили, что они обусловлены политическими разногласиями в обществе, 31% слушателей в качестве главной причины указали социальное неравенство и 24% – религиозную вражду.

Однако, согласно результатам других социологических исследований, экстремистские настроения обусловлены недостаточным правовым просвещением граждан в сфере противодействия экстремизму, а также целенаправленным разжиганием социальной, национальной или религиозной ненависти и вражды [2; 3].

Подавляющее большинство слушателей (92%), участвовавших в анкетировании, признались, что они не сталкивались с проявлениями экстремизма, а, соответственно, 8% респондентов имеют такой опыт. Следует отметить, что среди последних преобладают представительницы женского пола.

Информацию об антиэкстремистских мерах слушатели в основном получают из средств массовой информации (71%), представители среднего и старшего начальствующего состава, обучающиеся в филиале более двух месяцев, – из нормативных правовых актов (18%), а также от своих руководителей и коллег (9%).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают ответы слушателей на вопросы, связанные с противодействием экстремистской преступности. В частности, важным для исследования был вопрос: «Знакомы ли Вы с основными мерами по противодействию экстремистской преступности?». Большинство респондентов – 135 (75%) ответили, что имеют лишь общее представление о них, 23 (13%) человека подтвердили, что хорошо знакомы с ними, 22 (12%) признались, что не владеют такой информацией.

Респонденты считают, что с помощью применяемых сегодня мер можно значительно снизить уровень преступности в данной сфере (51%), однако, по мнению 42% опрошенных, это можно сделать лишь частично. Неэффективными признают используемые меры 2% слушателей. При этом к основным мерам противодействия

экстремизму большинство респондентов (62%) относят повышение уровня антитеррористической защищенности важных и потенциально опасных объектов, улучшение качества жизни российских граждан (51%), устранение политических разногласий (37%).

При этом эффективное правовое просвещение населения как меру, направленную на борьбу с экстремизмом, отметили лишь 11% респондентов, религиозное просвещение – 13%. Такие показатели позволяют констатировать невысокий уровень правовой культуры и правосознания анкетированных слушателей.

Таким образом, отсутствие правовых знаний о сущности экстремизма, отождествление его с террористической деятельностью проявились в ответах и на данный вопрос.

Анкета также включала в себя задание, не предусматривающее готовых вариантов ответов: «Перечислите основные субъекты противодействия экстремистской деятельности в России (не менее 3-х)». Большинство респондентов указали в качестве таких субъектов органы внутренних дел, в том числе полицию (81%) и ФСБ России (81%). Кроме того, слушатели называли ФСО России (26%), Вооруженные Силы России (12%), органы местного самоуправления (9%), Национальную гвардию России (8%). Следует отметить, что такое соотношение ответов проявилось у представителей всех возрастных групп и должностных категорий. Вместе с тем респонденты, относящиеся к среднему и старшему начальствующему составу, нередко указывали более трех субъектов. Анализ их ответов на предыдущие вопросы позволяет утверждать, что они обладают более высоким уровнем правовой культуры и профессиональных знаний.

Для самостоятельной оценки респондентами собственного уровня правовых знаний и правосознания в анкете был предусмотрен соответствующий вопрос, т. к. данные показатели являются базой для успешного профессионального обучения и формирования устойчивого антиэкстремистского поведения.

Так, 11% опрошенных (в основном слушатели, имеющие высшее юридическое образование) считают уровень своих правовых знаний и правосознания высоким, 83% – средним, 6% – низким. На наш взгляд, такая самооценка является объективной, т. к. в качестве эффективной меры борьбы с экстремизмом только 11% респондентов назвали правовое просвещение.

Необходимо отметить, что антиэкстремистское поведение сотрудников органов внутренних дел включает два основных направления:

недопущение экстремистских проявлений в собственной деятельности, как служебной, так и вне службы;

непосредственное выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности.

Наиболее актуальным для сотрудников органов внутренних дел, безусловно, является второе направление, эффективная реализация которого подразумевает не только наличие соответствующих знаний в сфере противодействия экстремизму, но и возможности их применения. Именно на формирование системы таких знаний и овладение соответствующими профессиональными компетенциями в рассматриваемой сфере должно быть направлено профессиональное обучение.

Вместе с тем результаты анкетирования позволяют сделать следующие выводы:

1. Большинство респондентов не обладают достаточными знаниями об экстремизме, его причинах и формах, отождествляют понятие «экстремизм» с терроризмом, информацию о противодействии экстремизму в основном получают из СМИ, имеют слабое представление о субъектах противодействия экстремистской деятельности.

2. Уровень правовых знаний и правосознания респондентов является достаточно низким, что говорит о необходимости его повышения как в ходе профессионального обучения, так и в дальнейшей служебной деятельности.

Для сотрудника ОВД правовая подготовленность имеет важнейшее значение, определяющее устойчивое положительное отношение к праву и практике его применения, понимание полезности, необходимости и справедливости закона. Поэтому формированию высокой правовой культуры сотрудников правоохранительных органов как основы их антиэкстремистского поведения должно уделяться пристальное внимание, особенно на этапе их профессионального обучения.

3. Наиболее низкий уровень оценки собственных правовых знаний, правосознания и антиэкстремистского поведения в целом был выявлен у сотрудников, относящихся к категории рядового и младшего начальствующего состава, не имеющих высшего образования.

На наш взгляд, это обусловлено следующими причинами:

недостаточным уровнем правовой культуры и правосознания российского общества в целом, отсутствием эффективно действующей системы правового просвещения населения;

недостаточностью освещения проблемы экстремизма в рамках воспитательной работы

и изучения учебных дисциплин, преподаваемых в образовательных организациях, прежде всего школе;

фрагментарностью изучения антиэкстремистской деятельности в образовательных организациях МВД России [4].

На основании вышеизложенного предлагается включать в образовательные программы профессионального обучения темы, раскрывающие проблему экстремизма как угрозы национальной безопасности Российской Федерации и миру в целом.

1. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 14.07.2018).

2. Социологическое исследование «Толерантность и причины проявления экстремизма» 2018 г. URL: <http://dmoshans.ru/shans-press/sociologicheskie-issledovaniya/> (дата обращения: 16.09.2018).

3. Нуриев Ф.Ф. Изучение отношения современной молодежи к проблеме экстремизма. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31309/> (дата обращения: 18.08.2018).

4. Рыкова И.Ю. Экстремизм в молодежной среде: причины возникновения, особенности и пути противодействия // Вестн. Краснодарского ун-та МВД России. 2018. № 4(42).

1. Portal of legal statistics of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL: <http://crimestat.ru> (date of access: 14.07.2018).

2. The sociological research «Tolerance and Reasons of Manifestation of Extremism» 2018. URL: <http://dmoshans.ru/shans-press/> (date of access: 16.09.2018).

3. Nuryev F.F. Studying of the relation of modern youth to extremism problem. URL: <https://moluch.ru/archive/116/31309/> (date of access: 18.08.2018).

4. Rykova I. Yu. Extremism among young people: causes, features and ways of counteraction // Bull. Krasnodar University of Russian MIA. 2018. № 4(42).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыкова Ирина Юрьевна, кандидат юридических наук, профессор кафедры общеправовых дисциплин Брянского филиала Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации; e-mail: press_bfvipk@mvd.gov.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.Yu. Rykova, Candidate of Law, Professor of the Chair of General Legal Disciplines of the Bryansk branch of the Russian Institute of Advanced Training of Employees of the Ministry of the Interior of Russian Federation; e-mail: press_bfvipk@mvd.gov.ru

Данькова Ирина Валерьевна

Роль социальных и психологических факторов в формировании асоциального поведения несовершеннолетнего в Республике Беларусь

В статье исследуются некоторые биологические, социальные и психологические факторы, оказывающие влияние на формирование противоправного поведения несовершеннолетних. Отмечается, что асоциальное, отклоняющееся, девиантное поведение несовершеннолетних продолжает оставаться актуальной проблемой, решение которой требует особого подхода, учитывающего возрастные и психологические особенности развития личности.

Ключевые слова: подростковый возраст, асоциальное поведение, девиантное поведение, несовершеннолетний правонарушитель.

The role of social and psychological factors in the formation of the asocial behavior of the juvenile in the Republic of Belarus

In article some biological, social and psychological factors having an impact on formation of illegal behavior of minors are investigated. It is noted that the asocial, deviating, deviant behavior of minors continues to remain a current problem which solution demands the special approach considering age and psychological features of personal development.

Key words: adolescence, antisocial behavior, deviant behavior, juvenile offender.

В Республике Беларусь формирование личности несовершеннолетнего является одной из актуальных проблем. Вопросами воспитания подростков занимаются правоохранительные органы, социальные службы, педагогические коллективы школ, комиссии по делам несовершеннолетних и др. Однако, несмотря на это, продолжается рост алкогольной зависимости, наркомании, сексуальной распущенности у подростков, которые ведут к утрате ценностных ориентаций и таких духовных ценностей, как нравственность, честность, достоинство, уважение и др. В связи с этим поведение несовершеннолетних может выходить за границы дозволенного и общепринятого. Такое поведение в специальной литературе получило название «отклоняющееся».

Цель данной статьи – определить влияние социальных и психологических факторов на формирование асоциальной личности.

Под отклоняющимся поведением в психолого-педагогической литературе понимается система поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе правовым или нравственным нормам. К основным видам отклоняющегося поведения относят непротивоправное, аморальное поведение, выражающееся в систематическом пьянстве, наркомании, занятиях проституцией и пр., а также деяния, за которые не предусмотрена уголовная ответственность. Данные виды поведения взаимосвязаны и взаимообусловлены, т. е. привычное аморальное поведе-

ние детерминирует совершение правонарушений [1, с. 407].

Часто встречающимся типом отклоняющегося поведения является девиантное поведение, определяемое как действие, не соответствующее тем или иным нормам, критериям, социокультурным традициям. Для него характерны такие поведенческие реакции подростков, как систематические уходы из дома, пропуски учебных занятий, ранний алкоголизм и наркотизация, агрессия [2, с. 124].

Для изучения девиантного поведения исследователи классифицировали признаки, характерные для тех или иных его форм.

М.И. Еникеев, например, выделяет:

антисоциальное поведение, т. е. поведение, находящееся в противоречии с общественным правосознанием и ценностными ориентациями (хулиганство, воровство и т. д.);

асоциальное поведение, представляющее собой некоторую разновидность отклоняющегося поведения, которое не соответствует нормам и стандартам, принятым в социуме, но при этом не влечет за собой уголовной ответственности [3, с. 233].

Согласно Терминологическому ювенологическому словарю асоциальное поведение – это разновидность отклоняющегося (девиантного) поведения, не представляющего общественной опасности, но приносящее вред социуму [4].

Если сравнить асоциальное поведение с антисоциальным, то можно констатировать тот факт, что первое не имеет глубокой направлен-

ности против общественных отношений. Для асоциального поведения характерна детская и подростковая инфантильность, нередко переходящая в такие психические состояния, когда несовершеннолетние не осознают, к чему могут привести их действия и поступки, не понимают их социальный смысл.

А.А. Александров называет асоциальное поведение проблемным и приводит следующую его классификацию:

агрессивно-защитный тип поведения, который проявляется в склонности к хулиганским действиям, нарушению учебной и трудовой дисциплины, созданию конфликтных ситуаций, раннему приобщению к алкоголю и наркотикам и т. д.;

оппозиционный тип, который характеризуется повышенной конфликтностью, правовым нигилизмом, нежеланием принять общепринятые моральные и нравственные ценности, постоянным соперничеством в коллективе, доказыванием своего лидерства всеми возможными способами, а также стремлением обвинить в своих неудачах окружающих, в том числе родителей, учителей и сверстников [5, с. 32].

Анализ приведенных классификаций позволил определить ключевое понятие в формировании асоциального поведения несовершеннолетнего – это социализация индивида. В научной литературе под социализацией понимают процесс развития личности, в ходе которого она наделяется определенными качествами, самостоятельно выбирает свой жизненный путь, вектор ценностных ориентаций, устанавливает необходимые социальные связи. И.С. Кон рассматривает социализацию как усвоение индивидом социального опыта, определенной системы социальных ролей и культуры. Б.Д. Парыгин, в свою очередь, считает, что социализация представляет собой вхождение в социальную среду, приспособление к ней, освоение различных социальных ролей и функций [6, с. 23].

М.В. Андреев отмечает, что процесс социализации личности включает в себя ряд аспектов: социальное познание, овладение определенными навыками практической деятельности, формирование на основе полученных знаний системы ценностных ориентаций, установок и т. д.

Социализация не ограничена конкретными временными рамками и включает в себя следующие этапы:

первичная социализация – социализация ребенка;

маргинальная социализация (промежуточная) – социализация подростка;

устойчивая социализация, которая знаменует переход от юношества к зрелости.

Затем следует развитие уже социализированной личности [7, с. 45].

На первых стадиях формирования личности происходит бессознательный выбор модели поведения, который делается под влиянием ближайшего ее окружения. Сначала ребенок имитирует лишь некоторые внешние черты человека, которому подражает, а затем происходит глубокое отождествление своего Я с эталоном. При этом заимствуются такие качества характера, как доброта и мягкость, отзывчивость и решительность, мужественность, стойкость или грубость, дерзость. Подобное «вживание в образ» корректируется отношением окружающих к выбранной модели поведения [6, с. 23].

Личность подростка формируется и социализируется в условиях микросреды посредством коммуникации и установления межличностных связей. При этом нередко ребенок усваивает образцы противоправного поведения, которые и формируют у него антиобщественную установку, приводящую к таким поведенческим реакциям, как агрессия, конфликтность, чрезмерная обидчивость и т. д.

Анализ исследований в области девиантологии позволил определить причины формирования асоциального поведения подростка. В качестве основной причины называется разрыв либо недостаточность связей подростка с обществом, обусловленные снижением авторитета взрослых из окружения подростка [8, с. 64].

Кроме того, факторами, влияющими на формирование асоциального поведения, являются: внешние условия, которые подросток в силу своего возраста, уровня образования и недостаточности жизненного опыта не способен правильно и адекватно оценить;

личностные свойства: повышенная возбудимость, эмоциональность, бескомпромиссность, юношеский максимализм, нескритичность, эгоизм, замкнутость, внушаемость и др.

Известно, что на поведение индивида влияют также биологические, социальные и психологические факторы, которые взаимодействуют между собой.

Биологические факторы, провоцирующие отклонения в поведении, делятся на наследственные (генетическая предрасположенность к отклоняющемуся поведению), врожденные и приобретенные (например, инфекционные заболевания, черепно-мозговая травма, психосоматические патологии) [9, с. 9–11].

К социальным причинам относят неблагополучие в семье, межличностные отношения со сверстниками, учителями, родителями, недостатки школьного воспитания и пр.

Как правило, социализация личности ребенка начинается в семье, где в процессе его развития и воспитания формируется характер, жизненные взгляды, интересы и потребности, усваиваются стандарты поведения и нормы нравственности. Как показывают мно-

гочисленные исследования, именно неблагополучная семья является той микросредой, которая отрицательно влияет на формирование личности ребенка. Ни для кого не секрет, что семьи, в которых отношения между родителями строятся на недопустимых моральных основах, преобладают конфликты, применяется физическое насилие над ребенком либо родители безразличны к его потребностям, являются десоциализирующими и дезадаптирующими. Сложные взаимоотношения между членами семьи могут вызывать серьезные изменения в психике ребенка. Выведенный из психического равновесия, не получая разумной своевременной поддержки, он подсознательно ищет помощи и сочувствия у сверстников, нередко связанных с криминальной средой [10, с. 6–7].

Образовательные организации, которые занимаются обучением и воспитанием детей, также влияют на формирование личности ребенка. Образование является показателем культурного уровня личности, степени ее приобщения к тем духовным благам, которыми располагает общество. В связи с этим образовательные организации призваны компенсировать недостатки семейного воспитания путем развития у подростков положительных потребностей, взглядов и ценностных ориентаций. Неблагоприятно влияет на формирование личности ребенка недостаточный уровень воспитательной работы, слабая внутришкольная организация досуга подростков, а также отсутствие связи школы с родителями. В результате невысокого интеллектуального уровня несовершеннолетнего, негативного воздействия микросреды современные подростки не могут правильно оценить не только свои действия, но и поступки окружающих, что обуславливает формирование у них асоциального поведения [6, с. 79].

Конфликты подростка с семьей и школой приводят к побегам из дома и прогулам занятий, общению с деморализованными сверстниками, которые делятся с ним «житейскими мудростями», вовлекают его в нередко неблагоприятные занятия. Все это усугубляет отрицательное отношение к школе, учителям, родителям. В результате формируются антиобщественные черты личности и соответствующее им асоциальное поведение. Подросток, у которого еще не в достаточной мере сформированы жизненные идеалы и позиции, а также нормы правомерного поведения, легко попадает под влияние окружающих, в том числе и отрицательное, что является одним из основных факторов, побуждающих его к совершению антиобщественных поступков.

Среди психологических факторов, детерминирующих асоциальное поведение, выделяют

особенности самосознания, темперамента, характера, эмоционально-волевой и мотивационной сферы, свойственные подростковому возрасту.

Каждый человек индивидуален. Один способен на глубокие чувства, решителен, ответственный перед самим собой и другими. Другой, наоборот, слабovolен и не может управлять своими эмоциями, ему тяжело бороться с жизненными трудностями, у него не сформированы цели.

В связи с этим заслуживают внимания исследования М.А. Ковальчук и И.Ю. Тархановой, которые к индивидуально-психологическим особенностям, способствующим формированию личности несовершеннолетнего правонарушителя, относят: отклонения в психическом развитии; агрессивное поведение; акцентуации характера; неадекватную, часто заниженную самооценку; инфантилизм; неустойчивое эмоциональное развитие; потребностно-мотивационные деформации; наличие страхов; тревожность; повышенную зависимость от взрослого окружения; низкий уровень интеллекта; негативное отношение к учебе; повышенную возбудимость; неспособность разрешать сложные жизненные ситуации, отсутствие самоконтроля [5, с. 39].

Кроме вышеперечисленных, можно выделить некоторые особенности характера, которые усматриваются в различных видах деятельности несовершеннолетних, отношении к себе и окружающим, – нежелание учиться или работать, лень, эгоизм, упрямство, легкомысленность, грубость, лживость и пр.

Таким образом, на формирование личности доминирующее влияние оказывают такие факторы, как индивидуально-психологические особенности, социально-экономические условия, микросреда – семья, школа, сверстники и т. д. Под влиянием социальной среды передается человеческий опыт, формируются определенные потребности, стремления, способы поведения и жизненные позиции. Для того чтобы снизить число несовершеннолетних с признаками асоциального поведения, необходимо проводить с ними и их родителями комплексные профилактические мероприятия [11, с. 112].

В заключение отметим, что первостепенной задачей является изменение структуры потребностей и интересов подростков посредством включения их в общественно полезные виды деятельности, а также целенаправленная работа с неблагополучными семьями, в которых родители и другие родственники могут оказывать негативное влияние на социализацию личности несовершеннолетнего, выступая примером асоциального поведения, формируя отрицательные ценностные установки.

1. Словарь практического психолога / сост. С.Ю. Головин. Мн., 2001.
2. Юрчук В.В. Современный словарь по психологии. Мн., 1998.
3. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии: учеб. для вузов. М., 1996.
4. Терминологический ювенологический словарь / под науч. ред. Е.Г. Слуцкого. М., 2005. URL: <https://yuvnologicheskyy.academic.ru/13> (дата обращения: 25.01.2019).
5. Ковальчук М.А., Тарханова И.Ю. Девиантное поведение: профилактика, коррекция, реабилитация. М., 2014.
6. Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника: учеб. пособие. М., 1975.
7. Андрееenkova Н.В. Проблема социализации личности // Социальные исследования. 1970. № 3.
8. Психология девиантности. Дети. Общество. Закон / под ред. А.А. Реана. М., 2016.
9. Особенности формирования и причины противоправного поведения несовершеннолетних: учеб.-метод. пособие / С.А. Кадушкин, В.Б. Шабанов, Е.А. Никишин. Мн., 2011.
10. Профилактика правонарушений и формирование правовой культуры учащихся / сост. И.В. Журова. Мн., 2014.
11. Данькова И.В., Перунов М.В. Особенности профилактической работы с несовершеннолетними правонарушителями из неблагополучных семей // Вестн. Могилев. гос. ун-та им. А.А. Кулешова. Сер. D, Экономика, социология, право. 2018. № 1.

1. Dictionary of practical psychologist / comp. S.Yu. Golovin. Minsk, 2001.
2. Yurchuk V.V. Modern Dictionary of Psychology. Minsk, 1998.
3. Enikeev M.I. Fundamentals of general and legal psychology: textbook for universities. Moscow, 1996.
4. Terminological Juvenile Dictionary / sci. ed. by E.G. Slutsky. Moscow, 2005. URL: <https://yuvnologicheskyy.academic.ru/13> (date of access: 25.01.2019).
5. Kovalchuk M.A., Tarkhanov I.Yu. Deviant behavior: prevention, correction, rehabilitation. Moscow, 2014.
6. Antonyan Yu.M. Social environment and the formation of the identity of the offender: textbook. Moscow, 1975.
7. Andreenkova N.V. The Problem of Socialization of the Person // Social Studies. 1970. № 3.
8. Psychology of deviance. Children. Society. law / ed. by A.A. Reana. Moscow, 2016.
9. Features of the formation and causes of unlawful behavior of minors: educational-methodical manual / S.A. Kadushkin, V.B. Shabanov, E.A. Nikishin. Minsk, 2011.
10. Prevention of offenses and the formation of the legal culture of students / comp. by I.V. Zhurov. Minsk, 2014.
11. Dankova I.V., Perunov M.V. Features of preventive work with juvenile offenders from disadvantaged families // Bull. of Mogilyov State University named after A.A. Kuleshov. Ser.: D, Economics, sociology, law. 2018. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Данькова Ирина Валерьевна, старший преподаватель кафедры правовых дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь; e-mail: ira_dankova@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

I.V. Dankova, Senior Lecturer at the Department of Legal Disciplines Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus; e-mail: ira_dankova@mail.ru

Нарыкова Наталья Алексеевна
Крюкова Инна Витальевна

Аналогия как нестандартный способ словообразования в немецком языке

В статье рассматривается один из способов обогащения словарного состава немецкого языка – словообразование по аналогии. Автор приходит к выводу, что тенденция образовывать слова по уже имеющимся в речи парадигматическим и синтагматическим параметрам помогает сохранять без изменений отдельные элементы языка или словообразовательные модели на протяжении долгого времени.

Ключевые слова: аналогия, разговорно-обиходная речь, лексика, стилистическая окраска, словообразование, сложные слова, словообразовательная конструкция, полусуффиксальное словопроизводство, словообразовательный ряд.

Analogy as a non-standard way of word-formation in German language

In article one of ways of enrichment of dictionary structure of German is considered – word formation by analogy. The author comes to a conclusion that the tendency to form words in the paradigmatic and syntagmatic parameters which are already available in the speech helps to keep without changes separate elements of language or word-formation models throughout long time.

Key words: analogy, everyday spoken language, lexicon, stylistic colouring, wordbuilding, compound words, word-building pattern, semisuffixal derivation, a wordbuilding series.

Словарный состав языка представляет собой систему, в которой отражаются все происходящие в жизни процессы, поэтому он находится в непрерывном движении: появляются новые слова, исчезают старые, подвергаются изменениям семантические значения, экспрессивная окраска и др. Одним из самых важных способов обогащения словарного состава немецкого языка является словообразование. Историческая лексикология доказывает, что новые слова образуются на базе имеющегося в языке материала, по существующим моделям.

Одним из самых продуктивных способов словообразования в немецком языке является аналогия, т. е. создание слова по уже существующим в речи парадигматическим и синтагматическим параметрам [1, с. 145–147; 2, с. 200]. Явление аналогии типично для всех языков на протяжении всего их развития. Л. Блумфилд считает, что «весь процесс развития языка – вековой процесс аналогии» [3, с. 71]. В. Хенцен полагает, что «большинство сложных слов, композитов, все производные, а также большая доля сложнопроизводных слов и сращений основываются на принципе аналогии» [4]. Е.С. Кубрякова пишет, что «с синхронной точки зрения сложные слова представляют собой в подавляющем большинстве случаев аналогичное образование» [5, с. 62].

В Большом энциклопедическом словаре слово «аналогия» (от греч. *analogia* – соответствие) определено как «процесс формального и/или семантического уподобления одной единицы языка другой или перенос отношений, существующих в одной паре (серии) единиц на другую пару (серию)» [6, с. 31].

Аналогия как лингвистическое понятие означает уподобление одних элементов другим, уже существующим в языке. Уподобление, или перенос структурных особенностей, касается прежде всего звукового содержания лексических единиц.

В.Н. Перетрухин определяет аналогию как общность изначально несхожих друг с другом и разделение первоначально одинаковых или похожих языковых явлений по «семантическому (функциональному) или формальному (материальному) признаку» [7, с. 12].

На наш взгляд, под аналогией следует понимать создание словообразовательных конструкций по образцам, имеющимся в языке, а также образование слов путем творческого переноса словообразовательных образцов. Аналогия основывается на имеющихся знаниях о языке, отдельных словах и устойчивых выражениях, грамматических нормах, накопленном опыте, что и определяет область их толкования и обеспечивает их осмысление, а также ассоциациях слов или форм, соответствующих друг другу.

Поскольку следование определенной, уже существующей в языке модели облегчает говорящему процесс создания новых форм, можно сказать, что аналогия играет немаловажную роль в развитии и функционировании языка. При этом исходные и рожденные ими формы могут существовать в языке параллельно. Менее продуктивные формы постепенно исчезают, уступая место более частотным. Со временем происходит выравнивание внутриязыковой системы, что приводит к языковой экономии. Например, суффикс *-ing* встречался раньше в дериватах, имеющих значение «потомок», «потомок рода», «старший в роду», «глава государства». С этой семьей суффикс *-ing* используется в названиях селений древних родов, например, Reutlingen, Solingen. Из существующего суффикса развился расширенный вариант *-lingi*, который используется по аналогии в разных образованиях и постепенно вытесняет старую форму. С семьей потомственности суффикс *-ing* не особенно употребителен в современном немецком языке, он сохранился только в таких словах, как *Fremdling* (пришелец, чужой), *Sprößling* (отпрыск, потомок). Постепенно этот суффикс получает новые оттенки значений, чаще всего действующего лица: *Jüngling* – юноша, *Flüchtling* – беглец, *Lehrling* – ученик, *Säugling* – сосунок, младенец.

Образование слов по аналогии является распространенной стратегией словотворчества у детей. Они используют знакомую им форму слова для образования еще неизвестных. Зачастую, научившись употреблять ту или иную структуру или конструкцию, ребенок применяет представление о способе их формирования на все единицы данного класса. Процесс образования слов по аналогии характерен для всех языков. Рассмотрим такие формы в русском языке: «не плакай» – образовано по аналогии с «читай», «гуляй», «давай», «снимай», «показывай»; «танцеваю», «гореваю» – от «убегаю», «играю», «читаю», «улетаю»; «грязнота», «глубота» – по аналогии с «краснота»; «думатель», «говоритель», «вставитель» – по аналогии с «воспитатель»; «спание», «звонение», «устание», «боление» – по аналогии с «сидение».

В немецком языке вместо сильных форм глаголов при образовании прошедшего времени дети часто применяют модель слабых глаголов (*ich*) (например, *singte*, *sprechte*, *leste*). Множественное число существительных ребенок образует также по аналогии со знакомыми ему формами (*Stuhle* вместо *Stühle*, *Hause* вместо *Häuser*, *Walde* вместо *Wälder*). Продуктивны номинации незнакомых им понятий по

аналогии с существующими. Например, мастер, ремонтирующий холодильники, получает название *Kühlschrankmann* (по аналогии с *Seemann*, *Geschäftsmann*), а человек, продающий мороженое, – *Eismann*.

Если человек использует образование по аналогии для таких лексических единиц, правила употребления которых ему не совсем знакомы, возникают неверные языковые конструкции. В таких случаях говорят о языковой гипергенерализации, излишнем обобщении наиболее частого формообразования по аналогии с продуктивным.

Способ аналогии применяется также и взрослыми. Например, в русском языке при помощи данного способа образованы слова «беспощадство» (злодейство, семейство, партнерство), и «надсмехаться» (надругаться, надкусить, надрезать). В немецком языке слово *Müllemma* образовано по аналогии с *Dillema* и обозначает выбор, принятие решения, ни одно из которых не может дать положительного результата; понятие *Wischenschaftler/in* – по аналогии с *Wissenschaftler/in* (обозначает лицо, которое при наличии высшего образования работает в сфере клининговых услуг). Слово *B-Day* (день рождения младенца) образовано по аналогии с *D-Day* (*Tag der militärischen Entscheidung*). Слово с интернациональным корнем *Musikal* стало прототипом таких понятий, как *Grusikal* (мюзикл, фильм ужасов), *Erotikal* (фильм эротического содержания), *Politikal* (музыкально-историческое политическое ревю). Наряду с этими названиями можно встретить и шуточные пародийные образования: *Absurdikal*, *Unterhaltikal*, *Knastikal*, *Frostikal*, *Idiotikal*. По аналогии с *Zeitkiller* образовались слова *Jobkiller*, *Geldkiller* с общей семьей «убийца», «губитель». Как следует из вышеперечисленных примеров, образование слов по аналогии вызвано необходимостью создания иронических, шуточных коннотаций. Значение таких лексических единиц предсказуемо, легко угадываемо.

Аналогичные образования способствуют сохранению отдельных языковых элементов или целых словообразовательных моделей в течение длительного времени. Преступая порядок действия фонетических законов, аналогия помогает несколько упорядочить словообразовательные парадигмы, которые под воздействием разнообразных фонетических процессов оказались разобщены. Другими словами, происходит аналогическое сглаживание.

С точки зрения семантики словообразование по аналогии характеризуется тем, что

производная единица перенимает не лексическое значение, а определенное общее значение модели [5], т. е. образования с разными лексическими значениями компонентов объединены общим значением модели. Мотивированные единицы могут иметь иногда полностью противоположное лексическое значение, сохраняя связь с прообразом (например, правда – кривда, себестоимость – тебестоимость, Veranstaltung – Verunstaltung, Horoskop – Horrorskop).

Ярким подтверждением этому факту могут служить субдериваты немецкого языка. Субаффиксальное словопроизводство является одним из самых продуктивных способов словообразования по аналогии. В немецком языке у ряда существительных наличествует прозрачная семантика, которая является результатом частотного их употребления в различных соединениях основ в ходе морфологического словопроизводства: Zeug, Werk, Anstalt, Stück. Имена существительные с достаточно размытой семантикой оказываются между самостоятельной и служебной частями речи. Другими словами, они переходят в разряд словообразовательных формантов. В лингвистической литературе существительное, занимающее такое среднее положение, называют «полуаффикс», «относительный аффикс», «аффиксоид», «субаффикс». Наиболее точным, на наш взгляд, является термин «субаффикс», отражающий неполноту качества, свойства.

Можно сказать, что субаффикс – это результативный продукт процесса аналогии в целом, и в то же время он выступает средством для продуктивного словообразования по аналогии. Субаффиксами становятся названия человека, частей тела, животных, имена собственные и нарицательные: Weibsbild – баба, бабенка; Poltergeist – крикун, горлан; Forschergeist – пытливый ум, исследователь; Schmierlappen – грязнуля; Waschlappen – безвольный человек; Dicksack – толстяк; Spaßvogel – шутник, Spottvogel – насмешник, зубоскал; Betthase – темпераментная девочка, женщина для постели; Schneehase – лыжник; Milchfrau – молочница; Waschfrau – прачка; Bergfex – заядлый альпинист; Sportfex – страстный любитель спорта; Ladenfräulein – продавщица; Büfettfräulein – буфетчица; Schreibzeug – письменные принадлежности; Dachwerk – крыша; Schuhwerk – обувь; Laubwerk – листва; Werkstück – обрабатываемое изделие, деталь; Zündstück – капсюль, воспламенитель; Grabstätte – могила; Tankstelle – бензопункт; Autohof – автостанция, автобаза [8; 9].

Рядообразующий компонент может быть как вторым, так и первым: mist- (Mistbock – вонючий козел, Mistbauer – мусорщик, Mistblatt – дрянная газетенка, жалкий листок); sau- (Sauarbeit – трудоемкая работа, грязная работа, sauegal – совершенно безразлично, Saukerl – мерзкий тип). В качестве субпрефикса может выступать любая часть речи, а субсуффиксом является только существительное.

Имея общее значение компонента, словообразовательный ряд может быть расширен в любой момент. Возможность создавать практически безграничные серийные образования представляет собой одну из форм функциональных техник в языке. Благодаря своей яркости, способности легко откладываться в памяти, истолковываться и выражаться такие образования, использующие простые средства, делают возможной экстериоризацию, т. е. материальное выражение индивидуальных смыслов.

Наличие в языке словообразовательных рядов, выстроенных по аналогии, помогает реципиенту понять смысл слова, которое еще неизвестно широкой аудитории. «Значение словообразовательных форм предсказуемо в той же мере, в какой предсказуемо значение грамматических форм» [2, с. 10]. «Таких примеров в современном немецком языке множество: Olympiade, Sportokiade, Janiade, Universiade. От мотивирующей единицы наследуется не лексическое значение, а определенное общее значение модели» [10, с. 82].

Продуктивными моделями для образований по аналогии являются существительные, имеющие в основе имя собственное. Они дают определение нарицательным благодаря идентифицирующим признакам имени собственного и являются одним из основных средств языковой экономии, позволяющих выражать мысль не синтаксическими конструкциями, а одним словом. Коннотации имен являются неотъемлемым фактором семантики словообразовательных рядов. Имена собственные дают либо отрицательную, либо положительную характеристику человеку. Обусловлено это историческими событиями, участием известных лиц в них, характеристиками персонажей известных литературных произведений или народного творчества [8]. Например, в русском фольклоре Иван, Ванька, Дунька являются героями сказок, песен, притч. Упоминание этих имен пробуждает определенные эмоции, вызывает схожие у большинства людей ассоциации. Закрепление общего значения за именем наблюдается и в немецком языке:

Liese – это капризная, властная, самовлюбленная девушка, Fritze – простой парень, торгующий чем-либо, Suse – простушка, капризная, плаксивая. Meier ассоциируется с дураком после известной фразы Геринга, сказанной в начале Великой Отечественной войны: «Ich will Meier heißen, wenn nur ein feindliches Flugzeug über die deutschen Grenzen kommt». На основе этих ассоциаций возникли словообразовательные ряды: Heulliese – плакса; Nölliese – копуша, мямля; Bummelliese – копуша; Möbelfritze – торговец мебелью; Tabakfritze – продавец табачных изделий; Butterfritze – торговец маслом; Angstmeier – трус; Kraftmeier – силач, детина; Schwindelmeier – аферист.

Появление словообразовательных конструкций по аналогии нельзя рассматривать вне контекста, как лингвистического, вербального, так и экстралингвистического, невербального. Новые слова образуются в ходе коммуникации, в тексте и обладают значением, обусловленным контекстом. Определенные условия, потребность ситуации, коммуникативные и экспрессивные цели контекста вызывают и актуализируют новообразованные лексические единицы,

определяя правила или условия их появления.

Например: «Wollen Sie den schon gehen? Gefällt Ihnen die Veranstaltung nicht?» – «Das hier ist keine Veranstaltung, sondern eine Verunstaltung!», und unser Gast ging hinaus [11, с. 54]. Новообразованием является слово Verunstaltung с лексическим значением «плохо организованная работа». Информативность, емкость новообразования возникли благодаря значению прототипа и продуктивной словообразовательной модели с приставкой -un, имеющей сему отрицания. Следует отметить, что продуцирование образований по аналогии не зависит от того, есть ли номинация данного предмета, явления или понятия в языке. Творческий и индивидуальный характер аналогичного новообразования, возникшего под влиянием контекста и интерпретируемого в его рамках, не гарантирует закрепление данной лексемы в словарном фонде.

Таким образом, наличие словообразовательной аналогии открывает широкие возможности для отражения в языке всех явлений и событий окружающей действительности, способствует развитию содержания текста и его эмоциональной окраски.

1. Малинин Б.А. *Текстообразование и контекстуально-аналогическое образование // Структура и функции межфразовых единиц. Пятигорск, 1988.*

2. Тимофеев К.А. *О некоторых признаках словообразовательной системы языка (на материале русского языка) // Актуальные проблемы лексикологии. Новосибирск, 1972.*

3. Мостовой Н.И. *К вопросу образования инноваций в области словосложения в современном английском языке // Словообразование и его место в курсе обучения иностранному языку. Владивосток, 1973. Вып. 1.*

4. Henzen W. *Deutsche Wortbildung. Halle (S). Tübingen, 1965.*

5. Кубрякова Е.С. *Что такое словообразование? М., 1965.*

6. Кубрякова Е.С. *Аналогия // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990.*

7. Перетрухин В.Н. *Синтаксическое управление и аналогия / под ред. Г.В. Денисевича, Г.И. Герасимова. Курск, 1966. Т. 25. Вып. 2.*

8. *Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / А.Н. Зувев, И.Д. Молча-*

1. Malinin B. A. *Text production and contextually-similar education // Structure and function of inter phrase units. Pyatigorsk, 1988.*

2. Timofeev K.A. *About some features of the word-formation system of the language (by the material of the Russian language) // Actual problems of lexicology. Novosibirsk, 1972.*

3. Mostovoy N.I. *On the issue of formation of innovations in the field of word composition in modern English // Word Formation and its place in the course of learning a foreign language. Vladivostok, 1973. Iss. 1.*

4. Henzen W. *German word formation / Halle (S). Tübingen, 1965.*

5. Kubryakova E.S. *What is word formation? Moscow, 1965.*

6. Kubryakova E.S. *Analogy // Linguistic encyclopedic dictionary / ed. by V.N. Yartseva. Moscow, 1990.*

7. Peretrukhin V.N. *Syntactic control and analogy / ed. by G.V. Denisevich, G.I. Gerasimov. Kursk, 1966. Vol. 25. Iss. 2.*

8. *Dictionary of word-formative elements of the German language / A.N. Zuev, I.D. Molchanova, R.Z. Muryasov, etc.; under the head M.D. Stepanova. 2nd ed., stereotype. Moscow, 2000.*

нова, Р.З. Мурясов и др.; под рук. М.Д Степановой. 2-е изд., стереотип. М., 2000.

9. Muthmann G. *Rückläufiges Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen, 1991.

10. Нарыкова Н.А. *Субсуффиксальное словообразование в немецком языке: дис. ...канд. филол. наук*. Пятигорск, 2006.

11. Девкин В.Д. *Занимательная лексикология*. М., 1998.

9. Muthmann G. *Dictionary of word formation elements of modern German*. Tübingen, 1991.

10. Narykova N.A. *Suboficiales word formation in German language: diss. ... Candidate of Phylology*. Pyatigorsk, 2006.

11. Devkin V.D. *Entertaining lexicology*. Moscow, 1998.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Нарыкова Наталья Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: narnata@rambler.ru;

Крюкова Инна Витальевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России; e-mail: krukovainna@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

N.A. Narykova, Candidate of Phylology, Assistant Professor of the Chair of Social Economic and Humanitarian Disciplines of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: narnata@rambler.ru;

I.V. Krjukova, Candidate of Phylology, Senior Lecturer of the Chair of Social Economic and Humanitarian Disciplines of the Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia; e-mail: krukovainna@mail.ru

Уважаемые коллеги!

Отправка автором статьи в адрес редакции журнала с предложением опубликовать ее рассценивается как предложение автора о заключении лицензионного договора о предоставлении права использования Произведения с редакцией журнала, который в соответствии с п. 2 ст. 1286 Гражданского кодекса Российской Федерации может быть заключен в устной форме.

Лицензионный договор с автором статьи считается заключенным с момента принятия редакцией статьи к опубликованию. Автор безвозмездно предоставляет редакции следующие исключительные права:

воспроизводить Произведение, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет, тиражом 100 000 экз. (право на воспроизведение);

распространять Произведение или его экземпляры любым способом, в том числе посредством электронных носителей информации и сети Интернет (право на распространение);

импортировать Произведение или его экземпляры в целях распространения (право на импорт);

публично показывать и/или публично исполнять Произведение (право на публичный показ и на публичное исполнение);

переводить Произведение (право на перевод);

перерабатывать, аранжировать или другим образом перерабатывать Произведение (право на переработку).

Статьи и иные материалы публикуются исключительно на безвозмездной основе, вознаграждение авторам не выплачивается.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте.

В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25]. В затекстовых ссылках страницы не указываются.

Для цитируемых источников в затекстовых ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой их последовательности:

1) фамилия, инициалы автора;

2) название источника;

3) вид издания, если он указан (монография, учеб. пособие, сб. науч. тр., материалы междунар. конф., тез. докл. и т.д.), в соответствии с ГОСТ 7.60–2003 «Издания. Основные виды. Термины и определения», 7.88–2003 «Правила сокращения заглавий и слов в заглавиях публикаций»;

4) место издания; если их несколько, между ними ставится точка с запятой (;);

5) год издания;

6) ссылки на данные, полученные из сети Интернет, оформляются следующим образом: URL: электронный адрес первичного источника информации (дата обращения: ...);

7) при ссылке на архивные данные полное название архива приводится только при первом упоминании, в последующем оно сокращается; после названия архива указываются номер фонда, описи, дела, листа (все именно в такой последовательности).

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5.–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Образец оформления цитируемых источников

Книги

Иванов И.И. Русский язык: учеб. СПб., 1990.

История русской литературы. XX век / сост. И.И. Иванов. М., 1991.

/ под ред. И.И. Иванова. 2-е изд. М., 1992.

/ отв. ред. И.И. Иванов. СПб., 1990.

Статья в журнале, сборнике, газете

Иванов И.И. Синтаксис // Русский язык. 1990. № 2.

Иванов И.И. Язык // Синтаксис: сб. науч. тр. М., 1992.

// Вестн. МГУ. Сер. 11: Право. 1996. Т. 5. № 9.

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК КРАСНОДАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МВД РОССИИ»**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-53945
от 30 апреля 2013 г.

Подписано в печать 27.06.2019
Формат 60x84 1/8. Усл. печ. л. 14,4
Тираж 100 экз. Заказ 800
Цена свободная

Отпечатано в редакционно-издательском отделе
Краснодарского университета МВД России
Российская Федерация, 350005, Краснодарский край,
г. Краснодар, ул. Ярославская, 128
тел.: +78612583249